

МИХАИЛ ЛЕБЕДЕВ

СОН ВЕЛИКОГО ХАНА.
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ
ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ
(СБОРНИК)

Михаил Николаевич Лебедев
Сон великого хана. Последние
дни Перми Великой (сборник)
Серия «Россия державная»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28740087

*Сон великого хана; Последние дни Перми Великой: Романы: Мир книги;
Москва; 2010*

ISBN 978-5-486-03613-2

Аннотация

Лебедев Михаил Николаевич (1877–1951) – советский поэт, писатель, один из зачинателей коми советской литературы. До революции 1917 года опубликовал несколько прозаических произведений на русском языке и стихов на языке коми. В его послереволюционных стихах, поэмах, музыкальных комедиях изображается социалистическое преобразование Коми края. Лебедев был популярным баснописцем и поэтом-лириком, многие его стихи стали народными песнями. В данном томе представлены два произведения Лебедева. Роман «Сон великого хана» посвящен событиям XIV века, когда над Русью нависла угроза порабощения могучей азиатской империей и молодой Василий I готовился отбить полчища непобедимого Тамерлана. По народному преданию, чудесное

явление хану Пресвятой Богородицы, заступницы за землю Русскую, остановило опустошительное нашествие... Действие романа «Последние дни Перми Великой» разворачивается в конце XV века, когда Иван III предпринял широкое продвижение русских дружин в Северное Прикамье и Приуралье. Попадая под власть московского князя, местные народы прекращают взаимные распри, становятся не только данниками и союзниками Москвы, но и пользуются ее покровительством.

Содержание

Сон великого хана	7
I	7
II	17
III	30
IV	44
V	59
VI	70
VII	82
VIII	99
IX	114
X	127
XI	143
XII	157
XIII	177
XIV	191
Заключение	206
Последние дни Перми Великой	215
I	215
II	223
III	234
IV	246
V	257
VI	268

VII	282
VIII	295
IX	307
X	320
XI	331
XII	344
XIII	356
XIV	368
XV	380
XVI	391
XVII	404
XVIII	415
XIX	427
XX	436
Заключение	443

**Михаил Николаевич
Лебедев
Сон великого хана
Последние дни
Перми Великой**

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление,
2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

* * *

Сон великого хана

I

В один из ясных летних дней 1395 года по извилистым улицам Москвы медленно проезжал великий князь Василий Дмитриевич, сопровождаемый тремя молодыми бояричами. Ехали они ко Кремлю и имели пасмурные лица, точно как-кая-то злая тоска-кручина тяготила их. На князе был надет легкий бархатный кафтан, блиставший золотом и драгоценными камнями; на голову была надвинута низкая бархатная же шапка, опушенная соболем и украшенная огромным жемчужным пером; на боку висела кривая сабля, вложенная в среброкованные ножны. Ноги князя, обутые по тогдашней моде в красные сафьяновые сапоги с загнутыми кверху носками, были поставлены в широкие серебряные стремяна. Ударяя краями стремян в крутые бока своего рослого белого коня, Василий Дмитриевич горячил его, но скакать вперед не давал, и благородное животное, красиво изогнув шею, нетерпеливо перебирало ногами, фыркало, грызло удила и, казалось, ожидало только небольшого ослабления поводьев, чтобы нестись вперед с легкостью и быстротою ветра. Но рука седока была тверда; без труда сдерживая бег коня, великий князь разговаривал с ехавшими за ним бояричами и ки-

вал головою направо и налево в ответ на поклоны, отвешиваемые встречавшимися людьми.

– А славный денек ныне, – говорил великий князь, поглядывая на ясное небо, озаренное лучами полуденного солнца. – Редко такие дни бывают. На полях, на лугах что твой рай небесный, а в лесах пуще того: прохлада под деревьями развесистыми, тишь, благодать, услада душевная, знай себе прохлаждайся под покровшей зеленой да игры любимые затевай!.. А здесь... Эх, не говорить разве! – махнул рукой Василий Дмитриевич, почти со злобой взглянув на показавшийся неподалеку Кремль, обнесенный высокою каменною стеною. – Ни потехи, ни веселья нет. Постоянно владыка-митрополит торчит да уму-разуму научает: «Ты, дескать, княже великий, вельми юн летами, так слушайся меня, старого человека, я тебя не на худо учу: вот это не пригодно делать, а это сделать подобает; вот это учинить потребно, а это подождать мало время...» Совсем как младенца несмыслящего! А я должен слушать его, ибо он воистину стар-человек. Да не то досаждают мне, не прочь я словам его внимать: не ложно про него говорят, что он ученый старец, крепко житием умудрен, и теперь я у него был по делу государскому, но противно мне в четырех стенах сидеть да слушать одни речи степенные, да читать книги божественные. Потребно и душу отвести. А владыка-митрополит все о спасении души толкует...

– Вольно же слушать тебе, княже великий! – усмехнул-

ся один из бояричей, красивый стройный юноша с лукавым взглядом черных бегающих глаз. – Ведь ты, слава богу, не монах, не подначален владыке-митрополиту, можешь и на своем поставить. Оно, вестимо, твое дело женатое, ожениться изволил уж ты, но княгиня-матушка, я мыслю, не наложила бы на тебя гнева своего, если б ты часик-другой в потехе некой провел...

– В какой потехе? – Повернулся в седле великий князь и даже коня совсем остановил. – Говори, что ты замыслил, брат Сыта?

Молодой боярич понизил голос:

– Не обессудь, княже великий. Замыслил я позвать твою милость в село Сытово, где у нас хоромы великие понастроены. Большие погреба при хоромах есть, а в погребах питий разных видимо-невидимо. Окромя медов крепких да пив пенных, обретается и заморская мальвазия. А батюшки дома нету, сам знаешь ты, княже. А матушка в Троицкую обитель ушла на богомолье. Так вот, не угодно ли будет твоей милости, княже великий?.. Непомерно бы рад я был. Провел бы ты ночку летнюю в веселой беседе. А веселить у нас есть кому: красавиц девиц непочатый угол. Вот только ежели проведает княгиня-матушка Софья Витовтовна...

– Ну, это не беда, – потрянул головою великий князь, перебивая названного Сытой. – Княгиня не спрашивает меня, где я бываю. А другие не смеют сказать. Одно только неладно, как я смекаю: завтра у нас праздник будет, воскресенье,

так негоже на такой день веселые беседы затевать. Что скажет владыка-митрополит?

– Да он не узнает, княже!

– А если узнает?

– А узнает, так простит тебя по юности лет. Не монах же ты, прости господи! Можно лишний раз и погрешить немного. Не все же в кремлевских палатах сидеть да вершить дела государские. Э, полно, государь, поедем в наше Сытово да попробуем грусть-тоску твою развеять. Оно, вестимо, твоей милости не о чем тосковать-горевать: княгиня-матушка что твой ангел небесный, крепко-накрепко тебя любит; живете вы душа в душу; отчина твоя Богом хранима, о татарве поганой не слышно, новгородцы буйные под твою высокую руку пришли. Чего ж тебе печалиться? Одначе не сладко тебе, княже, видим мы, не развеселила тебя беседа с владыкой. Он все о божественном толкует. А посему поедем в Сытово: там всю твою печаль как рукой снимет. А если тебя завтра в церкви у обедни не будет, так это не большая беда. Поворчит, поворчит владыка да на том же и останется...

– А грех-то, грех, брат Сыта?.. Не ровен час, гнев Божий грянет... Владыка-митрополит говорит...

– И владыка не без греха, княже! Слыхал я, как он в митрополиты лез: тоже всячески орудовал! А теперь поучать начал!.. Все мы грешные люди, государь, один другому не уступим. Лучше бы молчать нашему брату... и владыке-митрополиту тоже. Так что ж, будет твоя милость, княже? Неска-

занная бы честь мне была...

Великий князь поглядел на других бояричей.

– А что, други мои, послушаться мне боярчонка Сыты? Какую вы мысль держите?

– Вестимо ж, послушаться, государь, – отозвались товарищи Сыты, улыбаясь во весь рот. – Сытово рукой подать, только Кучково поле переехать. Окажи милость, княже, посети слугу свою верного.

– Ну, еду, – решил Василий Дмитриевич, поворачивая лошадь обратно. – Не все же по заповедям Господним жить, нельзя без греха обойтись. А чтобы меня не ждала княгиня, слетай-ка, брат Всеволож, в Кремль да скажи постельничей боярыне, что я до утра не буду. Дело-де такое приключилось, нельзя до утра обернуться. А боярыня передаст княгине. А потом ты следом за нами.

– Слушаю, государь, – кивнул головою один из бояричей и с места же во весь опор помчался по улице, направляясь к Кремлю белокаменному, горделиво высившемуся в воздухе.

– А мы потрусим в Сытово, – сказал великий князь и крупную рысью пустил своего коня по дороге, в сторону, противоположную от Кремля, который так сильно надоел ему.

Боярич Сыта и его товарищ последовали за ним.

С юных лет пришлось Василию Дмитриевичу взять на себя бремя государственного правления. Едва ему исполнилось пятнадцать лет, как отец его, великий князь Дмит-

рий Иванович, прозванный Донским, скончался и на престол московский сел Василий Дмитриевич как старший из сыновей умершего. Характером Василий Дмитриевич отличался суровым и даже жестоким, духом гордым и неукротимым и, несмотря на кажущееся благочестие, любил предаваться мирским удовольствиям, в которых недостатка не было. Семнадцати лет от роду он женился, взял литовскую княжну Софью Витовтовну, и хотя крепко любил свою жену, но иногда беспричинная злая тоска-кручина наваливалась на него, терзала его молодое сердце... Кровь требовала своего: порывистых движений, ухарства, разгульных пиров, нестесняемых придворною важностью, а таких, где бы была душа нараспашку, и в такие минуты великий князь исчезал из Кремля и ехал куда-нибудь за город в сопровождении двух-трех боярских сыновей, увозивших его в свои подмосковные усадьбы, и там «отводил душу»... Однако он не оставлял «на усмотрение» бояр никаких дел государственных, не доверял даже дяде своему князю Владимиру Андреевичу, славному герою битвы Куликовской, а до всего доходил сам, везде действовал самовластно и решительно, не прося ни у кого советов, и только один владыка Киприан, митрополит московский, да два-три ближних боярина пользовались его доверием, нелицемерно желая благополучия его «державству».

Особенно владыка Киприан старался «направлять на путь истины» юного великого князя. Ученый добродетельный старец, единственным порицанием для которого служило то,

что он слишком настойчиво добивался митрополичьего престола, Киприан отличался умом и жизненным опытом, прекрасно знал внутреннее устройство многих государств, и его советы всегда принимались Василием Дмитриевичем с благодарностью. Одно не нравилось великому князю в митрополите – это строгое требование им от молодого государя соблюдения княжеского достоинства, то есть чтобы великий князь всегда носил личину важности и превосходства над прочими: торжественно шествовал в церковь, торжественно выезжал из Кремля, торжественно принимал просителей, торжественно чинил суд и расправу и, главное, чтобы торжественно свидетельствовал о своем благочестии, не пропуская ни одной церковной службы и становясь в храме Божиим на особом возвышении, откуда все могли бы видеть его особу и понимать, что он истинный православный государь, истинный помазанник Божий, которого грешно порицать и не почитать. Подобная торжественность не могла претить самолюбивому князю сама по себе, но ему было невыносимо представляться величавым и благочестивым государем во всякое время, везде казать вид суровый и важный, не позволять себе ни слова шуточного, ни движения порывистого, всегда быть великим государем – и только. Василий Дмитриевич не прочь был, когда требовалось, поразить обыкновенных смертных блеском и пышностью своей одежды, представиться грозным судьей и повелителем, окружить себя подавляющею по торжественности обстановкою, но он

не прочь был и пировать-столовать в обществе молодых бояричей в каком-нибудь укромном месте, где все церемонии были оставляемы и царило самое бесшабашное веселье. А против этих пирушек, как «не приличествующих сану великого князя», строгий в подобных делах митрополит восставал весьма решительно.

– Не подобает великому князю московскому иметь дружбу с людьми, по кружалам¹ ходящими, – говаривал владыка, когда узнавал про новую «проруху» Василия Дмитриевича. – Московские государи – голова всей земли Русской. Московских князей сами ханы ордынские почитают. Не следно тебе, чадо мое, поруху своей княжеской чести делать. Княже великий завсегда должен князем быть. Пусть видят все, что ты государь истинный...

– Прости, согрешил, владыко, – обыкновенно потуплял очи князь и обещал не делать более таких «прорух», унижающих его княжеское достоинство. Но дальше этих обещаний дело не шло. Проходили день, два, три, проходила неделя, и Василий Дмитриевич снова исчезал из Кремля, пользуясь каким-нибудь благовидным предлогом, и по целым суткам проводил время в веселой компании.

Однако, несмотря на неутолимую жажду удовольствий, молодой князь никогда еще не решался бражничать в ночь на воскресные и праздничные дни. Отеческие поучения митрополита и, главное, чувство невольного уважения к церков-

¹ Питейное заведение. (Примеч. ред.)

ным установлениям, сосанное с молоком матери, не позволяло ему уподобляться татарке некрещеной, не признающей ничего святого на свете. Гулять на праздник – это значило жестоко оскорблять святыню, и ни один из истинно верующих людей того времени не решился бы на такое богопротивное дело. Положим, Василий Дмитриевич не любил стояния в церквах, не отличался большою набожностью, но при народе весьма усердно крестился и молился и все-таки сознавал в душе, что вера в Бога – великое дело и что следует, по крайней мере, хоть праздники Христовы соблюдать, если даже в сердце и нет священного огня. И он держался этого правила, и если бражничал, то, во всяком случае, не в праздники, а в такое время дня и ночи, когда нарушение «великокняжеской важности» не могло бы иметь для него скверных последствий.

Но сегодня великому князю было особенно скучно, и он согласился ехать в Сытово, где ожидало его «разливанное море», в чем он не сомневался. Боярич Сыта, сын Евстафия Сыты, бывшего наместником в Новгороде, любил угостить гостей, а особенно такого гостя, как великий князь, наверное, угостил бы, живота своего не пожалев. И Василий Дмитриевич не думал уже о том, что завтра праздник Христов, а следовательно, грешно проводить ночь в «хмельном веселье», и единственно предвкушал удовольствие от грядущей попойки.

Трое спутников его, боярские сыновья Михайло Сыта,

Иван Белемут и посланный в Кремль Сергей Всеволож составляли его «товариство сердечное». Все трое – сверстники по летам, постоянно неразлучные, молодые люди сопровождали князя в его «походах по местам укромным», и хотя, чисто внешне, не были способны ни на что другое, кроме бражничанья, но в действительности они были храбрые витязи, мерявшиеся силами и с татарами, и с новгородцами буйными. В этот день, состоя при особе князя, они провожали его в Симонов монастырь, где временно проживал владыка Киприан из-за перестройки митрополичьих палат.

II

Широко и привольно раскинулась Москва белокаменная, хотя название «белокаменной» она заслужила еще недавно, за два десятка лет до описываемых событий, когда в 1367 году великий князь Дмитрий Иванович заложил каменный Кремль, который и был построен в непродолжительное время. С постройкою каменного Кремля начали воздвигать и каменные церкви, кроме существующих уже соборов Успенского и Архангельского, церковей во имя Святого Иоанна Лествичника и Преображения Господня, построенных еще князем Иваном Даниловичем Калитой, большим ревнителем благочестия. Москва начала принимать тот величественный вид, который придавали ей храмы Божии, возвышавшиеся по всем ее направлениям. Особенно Успенский и Архангельский соборы и храм Преображения Господня отличались благолепием, усиливаемым настенною живописью, изображающей события из священной истории и лики святых, особенно почитаемых греко-российскою церковью. Это расписывание церковей было совершено в княжение Симеона Ивановича, прозванного Гордым, причем Успенский собор расписывали греческие живописцы, привезенные митрополитом Феогностом, Архангельский собор – «русские придворные живописцы Захария, Иосиф и Николай с товарищами», а церковь Преображения Господня – иностранец Гой-

тан, переселившийся в Москву из Италии. За исключением этих и других каменных храмов, было порядочно и деревянных, но в 1382 году, во время нашествия Тохтамыша, обратившего Московское великое княжество в кучу дымящихся развалин, все деревянные церкви были сожжены, каменные храмы разграблены, Москва в один час лишилась всего, что было приобретено со дня ее основания, и бедному опустошенному граду пришлось начинать снова «украшаться храмами и монастырями», составлявшими уже и тогда его славу. Во всяком случае, князь Дмитрий Иванович Донской, в княжение которого произошло сожжение Москвы Тохтамышем, употребил все старания к восстановлению своей столицы, и немногие уцелевшие храмы были приведены в свой прежний вид, а затем стали строиться и новые, но в первые годы княжения Василия Дмитриевича, не унаследовавшего от отца его прилежания к Божиим храмам, Москва была скудна церквами по сравнению с недавним прошлым, и только неугасающая ревность митрополита Киприана в делах веры служила к тому, что «дома Господни» продолжали вырастать на стогнах Белокаменной.

Не имея правильного расположения улиц, Москва представляла из себя огромную деревню, раскинувшуюся по берегам Москвы-реки и Яузы. Улицы назывались «концами» и сходились со всех сторон к Кремлю, называвшемуся собственно «городом», тогда как закремлевские части Москвы именовались «посадами», являвшимися как бы предместьями.

ми города-кремля. Характер городских построек был однообразен. Обыватели Москвы, как и все вообще русские люди того времени, не питали в душе никаких честолюбивых стремлений щегольнуть красивою внешностью своих жилищ и строились попросту, «как Бог приведет».

Постройка домов была незамысловата. Срубались обыкновенно одна или две избы желаемых размеров, ставились на облюбованное место; сверху срубы покрывались тесом, внутри делались пол и потолок, а то и вовсе без полу, вместо которого служила простая земля, в стенах прорубались небольшие отверстия для окон, затягивались бычачьим пузырем или слюдою; посреди полу становилась печь, в большинстве случаев лишенная трубы, потому что избы были курные, и дом был готов. А если позади дома стояло несколько житниц и помещения для скота, а кроме того, имелся садик, огражденный невысоким заборчиком, то говорили, что хозяин двора – зажиточный человек, могущий жить как у Христа за пазухой. Во всяком случае, подобный род жилых построек являлся преобладающим, соответствующим духу того времени, когда каждую минуту можно было ожидать вражеского нашествия, а с ним и лишения всего, что ни имеешь.

На более видных местах, преимущественно же вокруг церквей и близ кремлевских стен, красовались обширные палаты великокняжеских бояр и купцов, не жалеющих «животов» для вящего украшения своих жилищ, потому что воз-

возможность лишиться всего их не страшила: враги пограбят, пожгут да и уйдут, тем временем они отсилятся за крепкими стенами Кремля, где сохраняют свои сокровища, а когда враги покажут тыл, то на месте уничтоженных палат они построят еще лучшие и заживут такими же богачами, как прежде. Большинство боярских и купеческих хором окружилось высоким частоколом, из-за которого виднелись только крыши, и, проезжая по московским улицам, незнакомый человек мог бы подумать, что это не жилища мирных граждан, а более или менее неприступные крепости, единственное неудобство которых заключалось в том, что их можно было легко зажечь, чем во время неоднократных набегов на Москву татары и пользовались, сжигая все городские строения, не входившие в состав «каменного города», или Кремля.

Летом 1394 года, по совету бояр, великий князь приказал копать ров от Кучкова поля, или нынешних Сретенских ворот, до Москвы-реки, для сильнейшего укрепления столицы. Ров этот имел две сажени в ширину и полторы сажени в глубину, ввиду чего работа в одно лето не могла быть кончена и в 1395 году копанье рва продолжалось. В немногих местах, против наиболее оживленных улиц, через ров были перекинуты мостики, и ими заведовали особо выбранные сторожа, опускавшие мостики с восходом солнца и поднимавшие их на ночь. В этот день, в который великий князь Василий Дмитриевич согласился ехать в Сытово, один из мости-

ков, по неизвестной причине, был поднят, и великий князь подъехал именно к этому месту, не подозревая, что тут проезда нет.

На лице его выразилось удивление.

– Что сие значит? – спросил он своих спутников, указывая на поднятый мостик. – Чего ради мостовина не опущена?

Бояричи Сыта и Белемут засуетились.

– А полагать надо, сторож бражничает, – отозвался Сыта, поспешно слезая с лошади, – вот и позабыл дело свое. Подержи-ка, брат Иван Андреевич, коня мово, я мигом в ров спущусь да перейду на ту сторону. А там только за веревку дернуть, мостовина-то и опустится.

– Батогами следно вздуть этого сторожа, – негодовал Белемут, принимая поводья от лошади Сыты. – Эдакую пакость учинил – мостовину неопущенную оставил. А теперича белый день, весь народ честной ходит из конца в конец. А особливо княже великий подъехал – и стой ради смерда непутящего.

– Будет помнить меня холоп негодный, – нахмурил брови Василий Дмитриевич, раздосадованный непредвидимой задержкой. – Не забыть бы лишь о сем при случае...

– Напомним, княже великий, – улыбнулся Сыта, готовясь спрыгнуть в ров, преградивший путь к желанному Сытову. – Не уйдет он от детей твоих боярских. А теперича прыгну я...

Но прыгать Сыте не пришлось. Из-за небольшой покосившейся избенки, стоявшей около самого рва, на противополо-

ложной от путников стороне, выбежал маленький худенький человек, с бледным истомленным лицом, опущенным седою бородою, с кроткими, печально смотревшими глазами, одетый в оборванную сермягу и босой, и крикнул надтреснутым голосом:

– Не утруждай себя, боярчонок! Открою я дорогу князю великому, мостовину опущу. Только послушай споначалу слово мое, княже великий...

– Опускай скорей мостовину-то, – перебил князь, недобрым оком взирая на худенького человечка. – Некогда мне велеречие твое слушать. Ты что за человек такой? Аль сторож здешний нерачительный?..

– Не сторож я, княже великий, а человек убогий, живу милостями людей православных, – отвечал незнакомец, проворно опуская мостик. – А зовут меня Федором-торжичанином, ибо я из Торжка-города, что милостию твоею недавно пожалован...

– Какою милостью?

– А такую милостью, княже, какой и век никому не снилось. Было это не так давно, года два назад тому, когда ты с Новгородом Великим в рассорке был...

– А какая милость моя была? Говори, ежели добрые слова молвить ты желаешь! А ежели такое что, то не прогневайся: попробуешь ты батогов на судейском дворище!..

Голос князя прозвучал угрозой. Василий Дмитриевич понял, на какую «милость» намекает Федор-торжичанин, неиз-

вестный ему до настоящей минуты, и, перебравшись по опущенному мостику на другую сторону рва, подъехал вплотную к смельчаку, смотревшему на него без всякой робости и подобострастия.

Боярич Белемут шепнул на ухо великому князю:

– Это человек блаженный, княже, юродство на себя напустил. Постоянно здесь обретается. Не стоит разговор с ним вести...

– Наплюнь, княже, – поддержал товарища и Сыта, наклоняясь к другому уху князя. – Ничего доброго от него не дождешься. Да и достойно ли твоему сану с таким полоумным смердом разговор вести?..

– А воистину ведь так, други, – согласился великий князь и хотел было тронуть лошадь, но тут Федор-торжичанин встрепенулся, глаза его загорелись неожиданным блеском, и он схватил под уздцы княжеского коня.

– Нет, погоди, князь Василий! Не сдвинешься с места до тех пор, пока меня не выслушаешь. А скажу я споначалу про то, какую милость оказал ты жителям Торжка-города. А потом и про другое что...

Василий Дмитриевич покраснел от гнева. Как? Его смеет задерживать какой-то «полоумный» смерд, обращавшийся с ним как с равным? Ему не отдает должного почтения простой смертный, зависимый от него и в жизни и в смерти?.. Рука его судорожно рванула повод, униженный блестящими кольцами, а ноги ударили краями стремян в крутые бока

доброе коня, выразившего недавно такое нетерпение; но, к удивлению его, горячее животное не ринулось вперед от этого, не сбило с ног дерзкого торжичанина, спокойно державшего его под уздцы, а, напротив, попятилось даже назад немного и снова сделалось неподвижно, как статуя, пугливо поводя глазами.

– Прочь с дороги! – глухо произнес великий князь, угрожая хватаясь за саблю. – Не хочу я слушать тебя!.. А завтра найдут тебя слуги мои, и уведаеть ты, что значит грубить мне...

– Нет, ты выслушай меня, княже! – настойчиво повторил Федор, вперя пылающий взор в лицо Василия Дмитриевича. – Переполнилась чаша терпения Господня, велики грехи наши, не будет спасения нам, грешным. А тебе, князю великому, горше всего...

– Что ты говоришь? – смущенно пробормотал князь, теребясь под странным взглядом юродивого. – Нельзя дать веры тебе... Благополучно державство наше...

Василий Дмитриевич смутился. Никогда никому не спускал он дерзости, выраженной в той или другой форме, но тут слова Федора произвели на него такое действие, что он не знал, как отнестись к «блаженному»: как к святому прозорливому человеку или же как к полоумному бродяге, болтающему разные глупости?.. Но взгляд торжичанина насквозь прожег его душу, заставил его потупитья, и великий князь не мог разрушить очарования, «напущенного» на

него юродивым. В голове его шевельнулась мысль, что слова «блаженного» о переполненной чаше есть грозное пророчество, которое может исполниться... Бояричи порывались было отбросить дерзкого с дороги, но Василий Дмитриевич легким движением руки приказал им не двигаться с места. С чувством подавленной досады начал слушать он речь Федора-торжичанина.

Тот начал говорить:

– Не хвались благополучием своего державства, княже великий! Пока Бог грехам терпит, ты жив, здоров, славен, могуч, а переполнят грехи твои чашу терпения Господня – и обрушится на тебя гнев Его грозный! Много, много грешишь ты, князь Василий Дмитриевич, велия злоба в сердце твоём кипит. Вспомни-ка, вспомни, княже, какую милость оказал ты жителям Торжка-города, когда в рассорке с Новгородом Великим был? Зело строптив ты, княже великий, никому пощады не даешь. Особливо в деле сем выказал ты душу свою: семьдесят человек казнил! Да как казнил-то, Господи Боже милостивый! Сперва правую руку отсекли, потом левую, потом ноги отсекаль начали, и все эдак потихоньку, не спеша: страждите, мол, поболее, людие православные: христианский владыка вас чествует! А бояре да дьяки твои княжеские кричат: «Так гибнут враги-недрузи государя московского!» И совершилось дело небывалое: семьдесят русских людей от русского же князя погибли! И омочилась земля мученической кровью!.. Аль было это не так, княже великий?

Аль лгу я, выдумку говорю, а?

– Не выдумку говоришь ты, а правду, человек, – пробормотал Василий Дмитриевич, не смея поднять глаз на своего необычного собеседника. – Вестимо, семьдесят человек торжичан я казнил. Но казнил я их за дело, за измену. Крамольниками были они. А крамольникам поделом казнь подобная!..

Федор махнул рукой.

– Не ты бы говорил, не я бы слушал, княже великий! Вестимо, нет нужды тебе выправляться передо мною, недостойным смердом, а все ж скажу: ты только самого себя выгораживаешь! Не мог ты утолить злобу свою, ни усмирить сердце кровожадное и обрушился на торжичан гневом лютым. А велику ли крамолу они учинили? Немного погалдели только, да новгородец пришлый доброхота твоего Максима убил. Убил он невзначай, наводя страх на него, а ты, княже немилостивый, счел это тяжкою обидою для себя и повелел изымать граждан Торжка-города, кто попадетя под руку, и всех злой смерти предать! И умертвили семьдесят человек. А люди они были безвинные... Грех, грех велий принял ты на душу, княже великий! Отольется тебе кровь неповинная!..

– Ой, перестань, Федор! – не удержался наконец Сыта, выведенный из терпения укоризнами торжичанина. – Не черни князя великого! Не твоего ума дело рассуждать о действиях его! На то он и князь великий, чтобы крамолу из Русской

земли выводить...

– Но не проливать кровь неповинную! – воскликнул Федор, не обращая внимания на внушительный окрик боярича. – Зело еще юн ты, княже великий, недавно два десятка лет минуло, рано ты за кровопролитье принимаешься! Накажет тебя Бог, княже, попомни мое слово – накажет! Накажет, ежели не исправишься! А исправиться тебе пора уж, довольно беса тешить, следно и Бога вспомнить. Подумай, какой завтра день будет – воскресенье, на такой день добрые люди пост держат, молятся, а ты едешь мамону свою ублажать...

– А ты откуда знаешь? – зыкнул великий князь, понемногу возвращая себе свое обычное хладнокровие и резкость. – Молчи, пока цел стоишь!..

– А и казнить меня прикажешь, княже, и тогда молчать не стану: готов я за правду умереть, а ведь это правда сущая. Аль лжа это, напраслина, княже?

Василий Дмитриевич нетерпеливо передернул плечами.

– А пожалуй, напраслина и есть. Не ведаешь ты, что говоришь, человече. Вестимо, заслужил бы ты казнь, но не всякие глупые речи принимаю я за намеренное поношение и... не хочу марать о тебя рук. Отойти от греха, смерд неразумный, сокройся от глаз моих, а то горе тебе! Довольно слушал я тебя, пора и честь знать... прочь с дороги!

Недолго продолжалось смущение великого князя. Он живо пришел в себя и, сказав эти слова, порывисто дернул поводья, точно заставляя коня перескочить через торжичанина,

но лошадь не тронулась с места: рука «блаженного» крепко держала ее под уздцы. Лицо Федора преобразилось. Кроткое выражение исчезло, черты утратили свою неподвижность, между бровями легла суровая складка. Он стал на себя не похож. Глаза сверкнули вдохновенным огнем, взгляд сделался строгим и грозным, на щеках вспыхнул румянец, губы дрогнули и полуоткрылись. Он глубоко вздохнул всею грудью и воскликнул:

– Покайся, княже! Час гнева Господня близок! Покайся в своих прегрешениях, прибегни с усердным молением к Заступнице и Молитвеннице нашей Царице Небесной, и беда пройдет стороною... Послушайся если не меня, то владыки-митрополита, ангела-хранителя здешнего... Остановись, не ездь на дело бесовское, вспомни, что завтра день воскресный... О, горе земле Русской! Горе твоему стольному граду! Горе всем людям православным! Туча грозная из-за Волги-реки поднимается...

– Прочь с дороги! – бешено рыкнул великий князь, пришедший в страшное раздражение, и, перегнувшись в седле, достал правой рукою Федора, схватил его за шиворот и могучим взмахом отшвырнул в сторону, прямо на камни, вывороченные при рытье рва. – Вот тебе, холоп паскудный! – прохрипел он, задыхаясь от душившей его злобы, и, не взглянув даже на несчастного, ударил краями стремян в благородные бока своего доброго горячего коня, гикнул и понесся вперед с такою быстротою, что Сыта и Белемут едва успевали

за ним.

А сзади за ними, на большой куче камней, лежал поверженный во прах юродивый, осмелившийся порицать бесчеловечные поступки великого князя и его грешную жизнь и жестоко за это поплатившийся. Голова его была разбита в кровь, лицо разрезано острым краем камня, но он был еще жив, и из груди его вылетало прерывистое дыхание, доказывающее, что душа смелого обличителя княжеских пороков не успела еще разлучиться со своею земною оболочкой.

III

Долго лежал в состоянии полного беспамятства Федор-торжичанин, испытывавший на себе всю тяжесть княжеского гнева. Веки его глаз были опущены, как у мертвого, лицо покрыто синеватою бледностью, руки беспомощно раскинуты крест-накрест; только слабое дыхание, колебавшее его впалую грудь, доказывало, что он еще не покинул сей бранный мир и что князь Василий Дмитриевич не сделался его убийцею.

В Москве Федора-торжичанина знали многие; бояре и купцы любили и почитали его как «блаженненького, юродивого человека», ведущего праведную жизнь, но юродство его было совсем особенное: он не представлялся полоумным, «тронутым» человеком, подобно другим юродивым, не говорил притчами и загадками, а прямо обличал того или другого во грехах его, прямо указывал на то, в чем состоял грех, и требовал возможного исправления. Одежду он носил всегда одну и ту же – ветхую, дырявую сермягу, похожую скорее на решето, чем на одежду; под сермягою была длинная холщовая рубаха, свешивавшаяся ниже колен, и ворот этой рубахи он всегда наглухо застегивал, точно боялся показать людям свое тело. Некоторые догадливые москвичи говорили, что Федор носит вериги и старается скрыть их, но сам Федор решительно отвергал это и говорил, что «не ему, псу

смердящему, убивать плоть свою таким образом, как делали это истинные подвижники Божии». Не один купец предлагал ему теплую одежду и обувь, потому что Федор ходил в своей дырявой сермяге и босиком и зимой и летом, но «блаженный» не принимал ничего и советовал отдавать все нищей братии, а сам довольствовался кусочками хлеба, которых собирал ровно столько, чтобы не умереть с голода. Пристанища у него никакого не было: не в его обычае было ночевать под теплым кровом, и только в редких случаях проводил он ночи в церковных сторожках, снисходя к просьбе добросердечных пономарей, желавших сохранить его от стужи. В «каменном городе», или Кремле, он никогда не бывал, по крайней мере, его ни разу не видели там, а почти всегда расхаживал по улицам, прилегающим к Кучкову полю, где на одном месте начал даже устраивать какой-то странный помост из попадавшихся бревен и досок, а на вопросы: для чего он это делает? – отвечал:

– Место почетное уготовляю. Прибудет сюда гостья великая, знаменитая, мир и спасение. Она принесет, а никто не заботится о достойной встрече Ее! Позабочусь хотя я, убогий. Не в грязи же Ей остановиться!

– Да какая гостья-то? – допытывались любопытные, зная, что Федор-торжичанин ничего спроста не сделает. – Скажи, сделай милость, дедушка. Ведь ты не любишь загадками говорить.

– Не люблю я морочить людей православных, но не при-

шло еще время для сего, – качал головою юродивый и продолжал устраивать свой помост, похожий, скорее, на детские игрушечные домики, нежели на что-либо серьезное.

– Чудный, мудреный дедушка! – улыбались добродушные москвичи и оставляли в покое «блаженненького», не желавшего объяснить, о какой именно гостье у него речь шла.

Несмотря на свою популярность среди простого народа московского, Федор появился в стольном граде сравнительно недавно. Произошло это таким образом.

В 1392 году, ровно три года назад, московский митрополит Киприан ездил из Москвы в Новгород с важным делом духовным. Было так не столь давно, что новгородцы обращались к митрополиту московскому в делах судных, то есть представляли на его суд свои жалобы друг на друга, имевшие важное значение; при этом они платили «судную пошлину», составлявшую большое подспорье в обиходе владыки, но год за годом подобный обычай забывался и наконец прекратился окончательно, будучи признан новгородцами за нечто унижительное для их дорогой вольности. Митрополит решил восстановить этот обычай и прибыл в Новгород с целью вытребовать от новгородцев «судную грамоту» или обязательство относиться к нему в судных делах, но свободолюбивые новгородцы решительно отказали ему в этом и заявили, что они клялись не зависеть от суда митрополитов и написали даже грамоту в таком смысле. Подобный отказ весьма огорчил владыку, и он уехал в Москву очень недовольный новгород-

цами, но, конечно, ему и в голову не приходило того, что его неудачная поездка повлечет за собою большое кровопролитие.

Случилось так, что великий князь Василий Дмитриевич тоже нашел причину немалую гневаться на Новгород. Когда-то – в 1386 или 1387 году – новгородцы платили так называемую «народную дань» отцу его, Дмитрию Ивановичу Донскому, а затем почему-то дань эта была забыта и новгородцы не признавали себя обязанными ее платить. Тогда великий князь, не имея никаких оснований требовать «народной дани» с Новгорода, обрадовался встретившемуся предлогу вступить «за честь митрополита» и, почти против воли последнего, предъявил к новгородскому вечу такое требование: или признать митрополита московского судьей в делах гражданских и, кстати, платить ему, великому князю, народную дань, или же потерпеть «великое разорение». Новгородцы, разумеется, отказались удовлетворить требование князя, и Василий Дмитриевич выполнил на деле свою угрозу. С наступлением 1393 года полки московские, коломенские, звенигородские и дмитровские, предводительствуемые братом великого князя Юрием Дмитриевичем и дядею его, князем Владимиром Андреевичем, взяли Торжок, входящий в состав новгородских владений, и объявили его присоединенным к Московскому княжеству. Торжичане не противились великокняжеским воеводам, но когда московская рать, разорив несколько новгородских областей и набрав множе-

ство пленников, обратилась вспять, не решившись приступить к самому Новгороду, в Торжке вспыхнуло возмущение. Новгородцы подослали лукавых людей «бунтовать Торжок», и торжичане зашумели на вече. Началась ссора между сторонниками московского князя и горожанами, расположенными к новгородскому правительству, и в происшедшей свалке был убит влиятельный боярин, именем Максим, весьма любимый князем Василием Дмитриевичем. Это ужаснуло всех, но было уже поздно поправлять «ошибку». Никто не желал убийства, немногие были виновны в нем, однако юный государь московский велел воеводам снова идти на Торжок, разыскать виновников убийства и представить их в Москву.

Приказание было немедленно исполнено. Воеводы захватили в Торжке семьдесят человек, не разбирая, кто прав, кто виноват, и скованными привезли их в Москву. Начались суд и расправа. Напрасно несчастные торжичане молили о пощаде, доказывая, что они не виновны в убийстве боярина Максима, великий князь слушать не хотел их оправданий и, по совету бояр, присудил их к смертной казни через четвертование. Осужденных вывели на площадь, народу собралось множество, палачи принялись за свое дело. Человек за человеком выводились осужденные на особый помост, перекрестясь, ложились на доски, и палач отрубал им сначала правую руку, потом левую, потом ноги и, наконец, голову!..

Зрелище было ужасающее. Немногие могли смотреть на это, и к концу казни ни одного любопытного не оказалось во-

круг: все рассеялись по домам. А дьяки и тиуны великокняжеские кричали: «Так гибнут враги-недрузи государя московского! Взирайте, православные, и уразумейте!..»

Ужас обуял москвичей. Никогда они не видали такой жестокости. Разве только татары неистовствовали так... А великий князь торжествовал: он покарал непокорных! Однако, несмотря на общий страх, наведенный подобною казнию, в тот же день, вечером, по улицам Москвы сиротливо ходил седенький сморщенный старичок, с непокрытою головою и босой, облеченный в дырявую сермягу, и говорил во всеулышание:

– Море, море крови! Захлебнуться можно!.. Кровь, везде кровь! Все неповинная кровь!.. Именитые бояре и воеводы кровью забрызганы: на ином много крови, а на ином только капелька... А все ж на многих есть кровь! А на князе великом, на юном Василии свете Дмитриевиче, крови больше всех! И лику его не видно из-под крови! Полюбил дюже князь великий кровь человеческую: и пьет ее, и обливается ею, и других заставляет пить! О, горе, горе ему, грешному, и всем горе, и мне, убогому, горе!.. Не минует жестокосердных и нечестивых карающая десница Божия!..

– Молчи, неразумный! – останавливали его сострадательные люди, понимавшие, что о таких делах говорить громко нельзя. – Не тебе судить великих мира сего! Над ними Судья один Бог! А ты что за человек проявился? Отколева?

– Я человек убогий. А родом я из Торжка-города, над

коим разразился гнев князя великого. А зовут меня Федором...

– Зачем же ты прибыл сюда?

– Бог привел меня, добрые люди, Бог привел. Пришел я сюда следом за неповинными страдальцами и муки ихние видел, а теперича по стольному граду ходить стану и совесть в людях пробуждать...

– Да ведь казнит тебя князь великий, ежели узнает про речи твои! Не любит он, когда его осуждают...

– Тело мое во власти его, но душою Бог владеет, и не боюсь я владыки земного. Бог – мой покров и защита. Сохранит Он меня, недостойного, от зверя кровожадного...

– Ой, не говори так, брат Федор! – испуганно перебивали сострадательные, с опаской оглядываясь кругом. – Не следно уподоблять князя великого зверю кровожадному. Беду можешь нажить...

– Не та беда, что тело сокрушает, а та беда, что душу погубляет! – горячо возражал Федор, не страшившийся гнева княжьего, и продолжал говорить обличительные речи против государя московского Василия Дмитриевича и его приближенных, дававших своему повелителю недобрые советы...

Уже два года прошло с тех пор, а Федор-торжичанин не имел случая высказать великому князю своих мыслей. А люди московские, даже бояре именитые и чиновники великокняжеские, с которыми он часто встречался и которых смело

обличал в их пороках, не передавали о нем Василию Дмитриевичу. Все москвичи считали Федора за праведного человека, за «блаженненького» и преклонялись перед его святостью, не обижаясь за резкие слова, а если и находились неверующие в его «доброумие», то это только люди легкомысленные, черствые сердцем, которые говорили, что «на дурака и серчать не стоит», и равнодушно проходили мимо него, не вникая укоризнам юродивого.

Однако настало время – и встретился Федор-торжичанин с великим князем Василием Дмитриевичем. Юродивый высказал последнему много горьких истин, и не сдержался юный властитель московский. Кровь забурлила в нем, сердце исполнилось гнева, – и пострадал выходец из Торжка-города за правду свою. Брошенный на кучу камней сильною рукою Василия Дмитриевича, лежал он теперь, бледный и неподвижный, под солнечным зноем, и долго бы, может быть, пролежал он, если бы не проехали мимо двое старых монахов Симонова монастыря на тряской телеге, которые увидели Федора и, укоризнанно качая головами, подняли и положили его в телегу.

– Кажись, жив еще, – промолвил один из них, прикинув ухом к груди несчастного. – Сердце чуть слышно бьется. И кто его прибил так? Недобрый человек тот.

– Зла нынче много развелось на свете, зла много! – вздохнул другой, и телега двинулась дальше, увозя Федора-торжичанина, ничего не видевшего и не слышавшего.

В Симоновом монастыре, стоявшем на левом, возвышенном берегу Москвы-реки, в шести верстах от Кремля, звонили ко всенощному бдению, когда в монастырские ворота въехала телега с двумя иноками, подобранными обеспамятвшего юродивого. Иноки ездили в митрополичье село Голенищево по повелению владыки Киприана, посылавшего их туда по какому-то делу, и теперь, возвратясь оттуда, внесли бедного торжичанина в обительскую странноприимницу, а затем поспешили к владыке, жившему в просторной келье, рядом с храмом Рождества Пресвятой Богородицы.

– Спаси вас Бог, братья. Спасибо, что по слову моему сделали, – сказал митрополит, когда старцы доложили ему об исполнении его приказа. – А в Голенищеве все ладно ли?

– Ладно, ладно, владыко. Все в мире обстоит.

– А поп Стефан не болеет уж?

– Поправился, владыко. Милосердный Бог помог. В сии часы он о твоей милости заботился: как-то, дескать, владыка святой в Симоновом живет? Палаты митрополичьи, что в Кремле, не сразу мастера перестроят, а в Симоновом кельи теснее. С непривычки то-де и трудно покажется.

– И то я, грешный человек, живу роскошно, – улыбнулся митрополит, поглаживая свою седую бороду. – Не такой бы труд для меня надобен!

– А потом сетует он, – продолжали иноки, почтительно выслушав слова Киприана, – почто-де владыко святой оставил в забвении Голенищево? Палаты-де твои святительские

пусты стоят, и людишки твои верные о тебе плачутся...

Владыка опять улыбнулся. Подобное сообщение старцев доставляло ему удовольствие. Голенищево было любимое его село, куда он часто удалялся из Москвы, особенно в летнюю пору, и где проводил время в приятной тишине и уединении. В Голенищеве его все любили, начиная с попа Стефана и кончая последним смердом; в Голенищеве не существовало стеснительных церемоний в обиходе, как при великокняжеском дворе; не было там ни боярской спеси, ни чрезмерной раболепности второстепенных чиновников, ползающих «во прахе земном» перед тем, кто выше их, и задирающих нос перед низшими; не было и козней подпольных, чего владыка терпеть не мог, а была самая первобытная простота, мир и согласие. Митрополит, приезжая в Голенищево, делался как бы не важным лицом духовным, а простеньким старичком-иноком, к которому все шли со своими «докуками» и все получали желаемое. Киприан любил народ и народ любил Киприана, хотя последний и не был русским человеком по происхождению (он был серб), но народ ценил не происхождение, а доброту маститого святителя, и эта любовь народная особенно трогала митрополита.

Однако в описываемое время Киприан не мог покинуть Симонова монастыря, где у него происходили ежедневные совещания то с великим князем о делах государственных, то с приезжающими иногородними епископами о делах церковных. Он ответил словоохотливым инокам:

– Знаю, знаю, что любят меня в Голенищеве, но недосужно ехать туда. Дел много накопилось... А еще ничего не скажете вы?

Старцы переглянулись между собою, и один из них проговорил:

– А еще скажем мы тебе, владыко, что на дороге мы мертвого человека подобрали и привезли...

– Где подобрали?

– На Кучковом поле, владыка, около рва, вновь устроенного. Голова его в кровь разбита и лик тоже в крови. Полагать надо, злой человек обидел его.

– Господи помилуй! – перекрестился митрополит. – Среди бела дня разбойство на Москве учиняется. А неведомо вам, что за человек он?

– Это человек юродивый, владыко. Нередко он бывал у нас. Зовут его Федором-торжичанином.

Лицо Киприана омрачилось.

– Федором-торжичанином, говорите вы? Знаю, знаю. Агнцу подобный человек. Не раз я говаривал с ним и уразумел, что он не от мира сего... Кто же обидеть его мог?... Ах, Господи, Господи! На такого голубя чья-то рука поднялась!.. Ведите меня к нему. Где он? Нельзя ли помочь ему чем?

Митрополит торопливо надел на голову скуфейку, взял посох и вышел из кельи, сопровождаемый обоими старцами и молодым служкою, всюду следовавшим за владыкой.

Бесчувственный Федор-торжичанин, внесенный в мона-

стырскую странноприимницу, был передан на руки инокa Матвея, искусного врачевателя всяких болезней. Когда митрополит вошел в странноприимницу, Матвей уже перевязал голову юродивому, обмыл ему лицо водою и трудился над приготовлением какого-то пластыря, имевшего чудодейственную силу при заживлении ран.

– Что с ним? Оживет ли он? – с участием спросил Киприан, наклонясь над лицом раненого.

– Бог милостив, владыко святой, – отвечал Матвей. – Голова до крови проломлена, и плечо вывихнуто было, но перевязал я раны его и плечо поправил. А потом на раны пластырь наложу. Все как рукой снимет.

Митрополит кивнул головой.

– Добро, добро. А скоро ль очнется он?

– Кажись, скоро... Да вон уж открывает он глаза, смотрит... сказать что-то хочет...

Страдалец действительно очнулся. Веки его глаз затрепетали и поднялись; во взгляде его выразилось нечто вроде радости, когда он увидел Киприана. С запекшихся губ Федора сорвался шипящий полушепот:

– Выйдите... выйдите все. Скажу я слово великое владыке милостивому. Благоизволь выслушать, владыка сердобольный.

Митрополит махнул рукою, и все вышли. Тогда Федор взглядом подозвал к себе Киприана, и когда тот наклонился к нему, он заговорил слабым голосом:

– Прости меня, недостойного, владыко. Утруждаю я слух твой. Но беда грозит земле Русской... Туча грозная из-за Волги-реки поднимается! Из-за каменных гор, из-за синих морей восстает на весь род людской страшный воитель! И воюет он не только царства христианские, но и татар, и турков не щадит... Никто не ждет его на Руси, а он как снег на голову нагрянет!.. Не гневайся на меня, владыко, я правду скажу: на Руси святой стон стоит от утеснений княжеских, от всяких прижимок боярских да от поборов алчных сборщиков! Не татарские баскаки ныне дань собирают, а русским людям не легче!.. Дерзнул я, немощный, сказать слово сердечное, не криводушное князю великому, а он меня наземь повергнул! Не любит он по-христиански жить... да Бог ему Судья! Не питаю я обиды на него...

– Так это князь великий обидел тебя? – воскликнул Киприан, пораженный услышанным от юродивого. – И как у него поднялась рука на человека убогого?!

– Бог ему Судья, владыко, – повторил торжичанин, говоря все тише и слабее. – Да Русь православную мне жаль: гибнет она, родимая, гибнет! Князь великий бражничает под праздник Господень... а враг наступает! Молись, владыко, Царице Небесной, всегдашней Заступнице нашей... Дохожа твоя молитва до Неба. Молись... молись! Страшный воитель идет из-за гор каменных...

Юродивый не договорил и смолк. Слабость овладела им, свет выкатился из очей – и он лишился чувств...

– Чудны дела Твои, Господи! – шептал владыка, выходя из странноприимницы, где оставался Федор-торжичанин под присмотром инока Матвея. – Устами убогого человека открываешь Ты будущее! Да, погрязли мы в грехах. Молиться, молиться нам надо. Но какой же воитель грядет? Не хан же Тохтамыш Кипчакский? С ним в дружбе великий князь состоит. Ужли Тимур Чагатайский? Слышать, у него воинство несметное и за тридесатью землями он живет. Неужли он ополчается?..

Киприан не успел дойти до церкви Рождества Богородицы, где он хотел отстоять всенощное бдение, как из Кремля во весь дух примчалась крытая повозка-каптана, и сопровождавший ее дьяк объявил, что «владыку милостивого» немедля же просят пожаловать во дворец.

Киприан сел и поехал.

IV

Немного времени спустя после того, как взбешенный великий князь «учинил рукопашную расправу» над обличавшим его Федором-торжичанином, со стороны рязанской дороги въехали в Москву восьмеро запыленных всадников на взмыленных, шатавшихся от усталости конях и поскакали к Кремлю, оглашая воздух гортанным говором и криком.

– Татары, татары валят! – заговорили кругом, когда всадники втянулись в узкие улицы города. – И чего они торопятся так? Ишь, как гонят лошадей, плетками машут, галдят! Точно на пожар, право!.. Да это посол ханский, никак?

– Какой посол! – возражали другие, более знакомые с видом и дорожными обычаями монголов. – Это не посол, а голец какой-то с товарищами. Послы не так ездят, с послами много людей наезжает. А тут только шестеро татар: двое-то, видишь ты, русские...

– А для чего это русские-то люди с татарвой сошлись? – недоумевали некоторые, не понимая возможности объединения неверных с православными.

– А для того и сошлись, что надо так. Это, полагать надо, рязанцы. А Рязань с Ордою дружит. Вот князь-то рязанский и дал их в проводники татарве поганой. Рязанцы завсегда татар до Москвы провожают...

Всадники неслись по улицам, и народ с любопытством

глядел им вслед, строя догадки: откуда и зачем наехали татары, сопровождаемые двумя русскими?..

Вид татар, проскакавших, должно быть, не одну сотню верст без отдыха, был довольно жалок. Халаты на них протерлись и продрались во многих местах, шаровары на коленках дали трещины, откуда выглядывало грязно-бурое татарское тело. Лица татар, смуглые, скуластые, с узкими, косо-разрезанными глазами и реденькими волосками на нижней губе вместо бороды, выражали полное изнеможение, но они еще, видимо, бодрились и лихо посвистывали на лошадей. Спутники их, рязанцы, были в обычном воинском наряде и имели менее изнуренный вид, хотя и на них отразилась утомительная дорога от рязанских пределов до московского стольного града...

Немного не доезжая до Кремля, рязанцы осадили коней. Остановились и татары. Рязанцы обернулись к ним и спросили ехавшего впереди татарина:

– Куда ж пристать нам, князь Ашарга?

– В Кремля! В Кремля! – Замахал тот руками, говоря на ломаном русском языке. – Я грамотка ханской везет!.. Я ярлык везет!.. Я гонец хана!..

– Ну, так и поедем «в Кремля», только какова-то встреча будет!.. – усмехнулся один из рязанцев и пустил своего коня к ближайшим кремлевским воротам, гостеприимно открытым настежь. Остальные последовали за ним.

– Стой! Куда? – закричали охранявшие ворота москов-

ские воины, решительно загораживая дорогу. – Что надо?

– Я – гонец хана Тохтамыша! – Ткнул себя в грудь князь Ашарга, важно подбочениваясь в седле. – Я ярлык ханская везет до князя Василия! Прочь с дороги!..

– Это посланец хана Тохтамыша Ордынского, князь Ашарга, – пояснили рязанцы, сурово поглядывая на москвитян. – Он грамотку ханскую привез, сиречь цидулку князю вашему... Проведите нас во двор княжий.

– Э, не спеша, прислужник прислужников ханских! – Тряхнул головою старший из воинов, не упустивший случая кольнуть рязанцев «прислужничеством» их перед татарами. – Поспешишь – людей насмешишь, есть пословица. Перед татарвой мы не больно-то трухаем...

– А ты не кобенься! – рассердился рязанец постарше. – Видали мы вашего брата!.. Князь Ашарга по важному делу приехал. Дома ли князь великий?

– Може, дома, а може, и нет! – Не терял своего заносчивого вида москвитянин. – Не жалуют нынче у нас татарву некрещеную. Москва – не Рязань богопротивная.

– Москва Рязани не указка! – отрезал рязанец. – Наш славный князь Олег Иванович не щедротами московскими живет. И мы от Москвы благ не видим... Веди скорей нас на княжий двор...

– Не спеша, не спеша, птица рязанская! И поважнее люди у нас по суткам у кремлевских ворот стоят! А татарва поганая да рязанщина богопротивная и подавно постоят!..

– А и чванлив же ты, пес подворотный! – выругался рязанец, выведенный из себя спесью московского воина. – Не по разуму зазнался ты! А того и в голову твою не вмещается, что не всегда чванство к поре!.. Беда грозит земле Русской! Тьмы воинств неведомых ополчаются на Орду Кипчакскую, а с нею и на княжества русские! Князь Ашарга грамотку об этом привез. А грамотку эту нужно немедля же передать вашему князю московскому! Понял ты, голова дурья?

Москвитянин вытаращил глаза.

– Тьмы воинств неведомых, говоришь ты?.. На княжества русские ополчаются?.. Да, может, на Рязань только, а не на Москву нашу?..

– А Москва-то чем же свята? Не лучше Рязани нашей!.. Да нечего растабаривать с тобою! Веди нас на княжий двор... Не толкуй, чего не подобает, а веди. Там разберут.

– Веди нас к княжей кибитка... веди! – горячился и ханский гонец, оскорбленный московской непочтительностью. – Гайда, москов! Как можно под ворота стоять! Честь хана великой... честь нада давать! Кынязь Василь – дружба хана... Честь хану отдавай!..

– Неведома для нас, какая честь хану подобает, а свести вас на княжий двор – сведем, – вымолвил наконец москвитянин, убежденный более известием о «тьмах воинств неведомых», а не доводами рязанца и криком князя Ашарги. – Мне что? Мне все едино... Слезайте, что ль, с коней-то. У нас ворота сии только князь великий да бояре и люди слу-

жилые на конях проезжают. А вы и пешком пойдете.

– Как пешком? Я не пешком хадить! – запротестовал гордый татарин, не ожидавший ничего подобного, но старый рязанец незаметно толкнул его под бок и прошептал по-татарски:

– Смирись, князь Ашарга. На Москве невзгодье Орды чуют, вот и задирают нос кверху. На Москве лукавые люди. На Москве так: куда ветер, туда и москвитяне! Смирись!..

– О, шайтан! – пробурчал себе под нос ханский гонец и начал слезать с седла, кидая по сторонам свирепые взгляды.

– Вот так-то лучше будет! – насмешливо улыбнулся москвитянин и переглянулся с товарищами, с злорадством наблюдавшими за тем, как исконные враги и угнетатели земли Русской исполняли их приказание.

Да, отходило, видно, время раболепного преклонения перед ханами Золотой Орды. Положим, могущество ханов было еще значительно: в 1382 году хан Тохтамыш разгромил Московское княжество, причем были разграблены и сожжены города Москва, Владимир, Звенигород, Юрьев, Можайск, Дмитров, Серпухов, Коломна и другие; было также разорено и Рязанское княжество, хотя князь Олег Рязанский и считался союзником Тохтамыша, – но Куликовская битва у всех оставалась в памяти, и победа Дмитрия Ивановича Донского над Мамаем показывала, что монголов еще можно побеждать, если действовать единодушно и решительно. В 1383 году сын Донского, Василий Дмитриевич, по поручению от-

да ездил в Орду для засвидетельствования перед Тохтамышем «покорности московского великого князя»; при этом было установлено, что баскаки ордынские снова станут разъезжать по Русской земле и собирать вновь назначенную тягостную дань. Особенно дань эта была обременительна для крестьян-земледельцев. Например, с каждой деревни, состоящей из двух или трех дворов, брали полтину серебром, что было по тому времени немалою суммой; с городов требовали и золото. В довершение горя, княжича Василия Дмитриевича вместе с сыновьями князей тверского и нижегородского удержали в Орде в залог того, что дань в количестве восьми тысяч рублей² будет своевременно уплачена русскими владельцами, и Русь на короткое время опять очутилась в ненавистном рабстве. Но это скоро прекратилось. Через четыре года юный Василий Дмитриевич бежал из Орды, в 1389 году отец его, князь Дмитрий Иванович, скончался и московским великим князем был провозглашен Василий Дмитриевич. Не сразу новый великий князь стал в неприязненные отношения с Ордою, в 1392 году он даже ездил в ханскую столицу Сарай на свидание с Тохтамышем, но тогда уже началась война между Тохтамышем и Тамерланом, и монголам Золотой Орды стало не до русских. В необозримых степях

² Рублями в то время назывались рубленные куски серебра, составлявшие часть гривны, денежной и весовой единицы в Древней Руси. С течением времени вес рубля уменьшался и уменьшался, и в княжение Дмитрия Донского и сына его Василия Дмитриевича рубль весил уже не более двадцати золотников. (Примеч. автора.)

нынешней Астраханской губернии произошло кровопролитное сражение между потомками Чингисхана, и Тохтамыш был разбит наголову Тамерланом, сокрушившим в один час могущество Золотой Орды. Это случилось в том же 1392 году, через месяц после отъезда великого князя из Орды, – и так как грозный завоеватель Тамерлан удалился в свою столицу Самарканд, а Тохтамыш занялся новым сбором войска для продолжения войны со своим врагом, то Москве уже ничто не угрожало и она «подняла нос кверху», как выразился рязанец. Оттого-то теперь ханского гонца Ашаргу и встречали так, а это были еще простые воины. Чего же можно было ожидать от великого князя и бояр?! Татары кусали губы от злобы, но поделаться ничего не могли. То же было и с рязанцами. Князь рязанский Олег не раз ополчался на Москву, и Москва, в свою очередь, не раз мстила Рязани, ввиду чего рязанцы и москвитяне сильно недолюбливали друг друга. Не примирила враждующие стороны и женитьба старшего сына Олега, Феодора, на княгине московской Софии Дмитриевне (сестре Василия Дмитриевича): Москва помнила частые измены Рязани русскому делу и примириться с нею не могла.

– Ну, идите, что ль? – по-прежнему грубо крикнул старший из московских воинов, когда татары и рязанцы спешились. – Лошади ваши у места будут. Не бойтесь. Не польстимся мы на ваших кляч...

– Эк, сказал! – не утерпел молодой рязанец. – Да у вас таких-то коней и не видывали! Не сумеете вы и сесть на наших

кляч: не по рылу калач, стало быть!..

– А ты не галди через меру-то! Не в Рязани ты, а в Москве! – покосился на смельчака москвитянин, но потом ничего не сказал и молча повел приезжих к великокняжескому дворцу.

На дворцовом крыльце ханского гонца встретил очередной дьяк и, не кланяясь ему, не справляясь о здоровье, спросил, ради чего он прибыл в стольный град Москву. Узнав, что Ашарга привез грамоту Тохтамышша, повел его во внутренние покои дворца, а спутников его велел отвести в земскую избу с приказом, чтобы там накормили и напоили их.

– А князь Василь в доме? – спросил Ашарга, проходя с дьяком по многочисленным переходам дворца.

– Дома князь великий Василий Дмитриевич, – степенно и важно отвечал дьяк. – Только сейчас уехал он... никак, в усадьбы боярские, подмосковные...

– А кто ж ярлык читай?

– А вот войдем в палату приемную, так увидим. Там князь Владимир Андреевич есть и двое бояр с ним – Александр Поле да Дмитрий Всеволож. Они разберут, что и как.

Татарин кивнул головой, и они вошли в приемную палату. При входе дьяк шепнул Ашарге: «Сними шапку-то», и тот нехотя повиновался. Но послушаться дьяка он не смел: слишком уж неприятливо принимали его в Москве и не хватало духу восставать в защиту своей азиатской чести. Ашарга втайне бесился. Какой строптивый народ эти москвитяне,

сладу с ними нет! Не далее как два-три года назад московский великий князь чествовал ханских послов как дорогих гостей; бояре перед ними чуть на коленях не ползали, а теперь – другим духом понесло! Москва – коварная страна! Если силы у нее не хватает, она льстит, изъясняет покорность, а чуть почувствует силу, тогда сторонись с дороги! Берегись!.. Ашарга думал, что в дворцовой приемной ему придется вынести еще более горькие оскорбления, но он, к своему удивлению, ошибся.

– Вот, князь, гонец хана Тохтамышя Ордынского, – вымолвил дьяк, обращаясь к Владимиру Андреевичу. – Грамотку ханскую привез князю великому...

– От хана Тохтамышя? – с живостью воскликнул князь Владимир Андреевич, поднимаясь с лавки, где он сидел с боярами Поле и Всеволожем. – Чего ж пишет хан?

Ашарга стоял неподвижно, ожидая, как отнесется к нему дядя великого князя. Бояре сурово оглядели татарина с ног до головы, поглаживая для важности свои бороды, но князь Владимир Андреевич ласково кивнул головою ханскому посланцу, подошел к нему и, зная по-татарски, спросил на родном его языке:

– Как тебя по имени зовут, гонец ханский?

– Князь Ашарга, из почетной стражи хана великого, – отвечал татарин, не ожидавший такого ласкового обхождения.

– Так, буди здрав, князь Ашарга, – проговорил Владимир Андреевич, не отличаясь от природы ни горделивостью, ни

грубостью в обращении. – О чем же пишет хан великий?

– Вот ярлык ханский, княже благородный, – подал Ашарга ханскую грамоту Владимиру Андреевичу, проникаясь к нему все большим уважением и признательностью. – Великий хан приказать изволил передать ярлык сей князю московскому Василью, а если не случится его, то ближним людям его. А славного князя Володимера знают и на Руси, и в Орде нашей. Сам великий хан Тохтамыш любит и чтит князя Володимера как брат брата...

– Да будет здрав и счастлив хан Тохтамыш! – в тон татарину ответил Владимир Андреевич и, приняв грамоту, поспешно распечатал и развернул ее.

– Читай, дьяче, – передал он ее дьяку, и тот начал читать громко и выразительно:

– «От Тохтамыша-хана, обладателя многих земель и народов, привет братский и поклон великому князю московскому Василию.

Ведомо тебе, княже, какую дружбу питаю я к тебе, и ты не враг мой, а посему упреждаю я тебя о беде великой, которая грозит улусам моим и твоим градам и весям. Три лета прошли с тех пор, как ты побывал в шатре моем гостем почетным, чествовал я тебя с сердечною ласкою и усердием, на княжение нижегородское ярлык дал, царевич Улан, посол мой, рассудил тебя с князем Борисом Городецким и получил ты просимую область. И вот прошли три лета – и подул ветер с другой стороны. Попущением Всемогущего Бога

проявился в странах восточных хан самозванный, именем Тимур, или Тамерлан, собрал он воинство несметное и пошел на меня бранью. Но я не готовился к бранным делам, в мире жить со всеми было желание мое, однако встретился я с ним на поле ратном три года назад тому и – уступил ему. Но он, мятежный хан чагатайский, возомня себя превыше Бога Всемогущего, снова ополчился на страны мои, возгласил себя сагеб-керемом, что значит – владыка мира, и дерзнул грозить мне, что-де предаст державу мою ветру истребления. Сиим похвалам непристойно было внимать мне, истинному потомку Чингисхана и Батыя, и вот я сказал: иду на Тимура! – и пошел. Великий Бог всемогущ. Надеюсь на Его помощь! В день и час писания сей грамотки стою я со своими верными князьями, мурзами и батырями, со всеми бесчисленными тьмами воинств своих, в стране каменных гор, на берегу реки быстроструйной, а против меня стоит дерзостный Тимур – и готова решиться судьба одного из нас. Настал час крови и мести... Внимай мне, верный друг мой и брат, князь Василий! Никогда не обижал я тебя, и ты не перечил мне, а что было давно, при отце твоём князе Дмитрие, тому не пора ли забыться? И вот, говорю я тебе, и ближнему советнику твоему, князю Володимеру, и митрополиту московскому Киприану, и всем князьям, боярам и воеводам земли Русской, страшитесь самозванного хана Тимура, не слушайте льстивых речей его, если прийдет он послов, и собирайте дружины свои, выступайте к рекам Волге и Оке на защи-

ту своих жен и детей и достояния своего, ибо неведомо, кто победит: я или Тимур? А если постигнет меня гнев Божий, если Тимур поборет меня, уповаю я на дружбу твою, князь Василий, и ты поможешь мне, ибо никогда я не утеснял тебя. Собирай же дружины свои, брат мой и друг, князь Василий, и все князья русские, и не страшны для вас будут тьмы воинств мятежного хана Тимура Чагатайского.

Бог великий и бессмертный, что на Небесах, благословит все деяния ваши. А я желаю тебе вожделенного здравия и жизни счастливой. Не мешкай же, друг мой и брат, князь Василий!..»

Дьяк дочитал и смолк. Князь Владимир Андреевич взял грамоту из рук читавшего, внимательно осмотрел подпись и печать ханскую и пробормотал:

– Да, грамотка не облыжная. Тамга и рука Тохтамышева... Неужто не чаёт он управиться с Тимуром? Оттого и сладок больно: другом и братом князя великого называет. А Тимура бояться надо...

Он помолчал немного и, вертя грамоту в руках, спросил у гонца:

– Так, значит, великий хан Тохтамыш на поле брани против Тимура стоит?

– Истинно так, князь. Только река промеж них была.

– И готовился он битву затеять?

– Без битвы не отступит он. Не таков пресветлый хан, чтоб устрашиться Тимура дерзостного. На то он и пошел в страну

каменных гор³, чтобы встретить врага своего. Оттуда и приехал я, только сутки в Рязани прожил. Не один десяток коней загнал... Где же князь великий Василий?

– За город куда-то отбыл. Ступай, дьяче, поспрошай: не вернулся ли в Кремль княже великий? Грамота-де важная есть, доложь. Совет держать надо. А ты, князь Ашарга, следуй за дьяком, отведет он тебя в земскую избу для жилья и отдыха. Да смотри, дьяче, чтоб никто не утеснял татар; повадка эта у вас есть. Чтобы пальцем их никто не тронул. Слышишь?

– Будет исполнено, княже, – смиренно поклонился дьяк и, шепнув Ашарге: «Айда, князь!» – хотел выйти с ним из палаты.

В это время в сенях послышался какой-то шум. Раздались торопливые шаги, и в палату не вошел, а вбежал боярин Федор Константинович Добрынский, ведя кого-то за руку.

– Вот новый гонец, княже, – заговорил он, выталкивая вперед рослого молодого воина с приятным русским лицом, покрытым густым слоем загара и пота. – От князя Олега Рязанского. Послал князь Олег грамотку... вдогонку за посланцем ханским...

– Чего еще? – беспокойно спросил князь Владимир Андреевич, вскакивая с места. – Неужто о Тимуре что?

– О нем самом, княже. Вот грамотка князя Олега, изволь прочесть... Победил Тимур Тохтамыш, на Русскую землю

³ То есть с нынешнего Кавказа. (Примеч. автора.)

идет... В Рязань татарин прискакал с побоища... говорит, все пропало – Тохтамыш в бегах, а Тимур за ним по пятам! Вот князь Олег и упреждает нас...

– Ах, Господи! Опять беда! – воскликнул Владимир Андреевич и, прочитав грамотку Олега, обратился к трем другим дьякам, вошедшим в палату вместе с Добрынским – Третьяк! Лобан! Пошлите вершников за князем великим... сами скачите! Немедля зовите его во дворец. Нельзя мешкать ни часу... Зовите на совет бояр ближних... А ты, Косяк, живым духом в Симонов слетай и проси владыку-митрополита. Мудр и рассудителен святитель, вникнет умом своим светлым в дело сие. Да ты каптану захвати, чтобы без замешки было.

– Слушаем, княже, – почтительно отозвались дьяки и сразу исчезли из палаты, бросившись исполнять приказание.

А бедный князь Ашарга, услышав потрясающую новость о поражении своего хана, изменился в лице, задрожал и уже не помнил, как очутился в дворцовых переходах, как сошел с крыльца, как перешел через широкий двор, и очнулся только в земской избе, куда его привели два воина по приказанию великокняжеского дьяка и бесцеремонно втолкнули в дверь.

– Пропала Орда!.. Пропал хан! – со слезами на глазах бормотал татарин, нелицемерно любивший свой народ и своего хана, и не сразу его спутники, ждавшие его в земской избе, поняли, о чем толкует ханский гонец и о чем он сокрушается, будучи еще недавно таким задорливым и смелым перед

русскими.

Но недоумение их скоро разрешилось. Ашарга объяснил, в чем дело, – и непритворное горе и отчаяние овладело сердцами диких сынов степей и равнин, понимавших, какая страшная опасность угрожает их родным улусам, женам и детям при нашествии полчищ единоплеменного, но враждебного им Тимура, или Тамерлана.

V

Никогда великий князь московский не бражничал с такою бесшабашностью, как вечером этого дня в Сытове, накануне праздника Господня, угощаемый удалым Сытой. Мед и брага не действовали на Василия Дмитриевича, раздраженного укорами Федора-торжичанина, понесшего уже кару за свою смелость, и гостеприимный боярич вытащил из темных погребов не одну «посудину» с заморским вином, благо отец его, новгородский наместник Евстафий Сыта, имел возможность получать подобные «пития» непосредственно из рук немцев. В Новгороде в то время процветала торговля с купцами иноземных городов Любека, Риги, Дерпта, Ревеля и других, было немало голландцев, торговавших предметами роскоши, – и наместнику великокняжескому нетрудно было доставать заморские редкости, не виданные даже в самой Москве.

– Эх, други мои, – оживленно говорил Василий Дмитриевич, развеселяясь под действием крепких вин, – и пью я напиток хмельной, и в голове сильно шумит, и на сердце веселей становится, а все напиться не могу! Еще и еще надо!.. А ты, брат Сыта, насулил мне всего, когда в Сытово звал, а приехали в Сытово – ничего, кроме зелий хмельных, нет! Не годится так делать, друже!..

– Кажись, от чистого сердца угощаю. Ничего не жалею я,

чтоб угодить твоей милости, княже. А ежели не хватает чего, то не прогневайся: значит, нет того во всем Сытове нашем...

– Подлинно ли нет, брат Сыта?

– Нету, государь. Если б было, не жалел бы я...

– Э, полно, друже! Не жалеешь ты, а запамятовал, верю я.

А вспомни-ка, о чем ты говорил, когда звал сюда.

Боярич хлопнул себя рукою по лбу и воскликнул:

– Ах, батюшки! У меня и из головы вон. А вы, други сердечные, и не надоумите, – обратился он к Всеволожу и Белемуту, составлявшим совместно с хозяином интимную компанию великому князю. – Опалу на нас наложит государь...

– А следует! – смеялся Василий Дмитриевич, хлопая по плечу Сыту. – В другой раз неповадно будет!..

– Повинную голову меч не сечет, – промолвил Белемут, присоединяясь к хохоту великого князя. – А ты, Михайло Евстафыч, познал вину свою. Ну, и простит тебя княже великий...

– А нас и подавно! – перебил Всеволож, ездивший в Кремль по поручению Василия Дмитриевича. – Княжье милосердие что Божие терпение – долго надеяться на него можно. А вот как батюшка мой, боярин именитый Дмитрий Александрович Всеволож, на меня поглядит – не ведаю. Коли узнает он, что под праздник я бражничал, беда спине моей! Походят по ней руки батюшкины, а не то и плетка ременная...

– Не бойся, Сергей, бражничай, коли сам великий князь

московский бражничает! – лихо передернул плечами Василий Дмитриевич и пополнил объемистые «достоканы» дорогим немецким вином. – Праздник сам по себе и мы сами по себе! Бери и пей, Сергей, и ты, Белемут, пей. Пейте, братцы! – крикнул Василий Дмитриевич Всеволожу и Белемуту и опрокинул в рот свой достокан. – Не все же тосковать-горевать. На все пора своя есть. А нынче тихо кругом: ни татарва, ни литва не шевелятся. Тохтамышу теперь не до нас: с Тимуром Чагатайским связался, а Витовту совестно на зятя своего оружие поднимать: все-таки свойственник как-никак!.. Нынче-то и погулять мне, а там когда еще удастся...

– Только бы Тимур Чагатайский на Русь не пошел, – осторожно заметил Белемут, выпивая свой достокан и вытирая губы. – А прочее все благо...

– Не каркай, как тот юродивый! – нахмурил брови Василий Дмитриевич, стукнув кулаком по столу. – Тимур с Тохтамышем грызется, ну и пусть их! Чтоб им друг друга загрызть! А наше дело сторона...

– Да я не к тому, княже... Я не каркаю. Боже меня сохрани...

– Ну, ладно, ладно. Нечего ляды точить. Пойдем лучше в сад.

В саду уже собирались девушки, согнанные слугами Сыты. В Сытове жили зажиточно, даже богато в сравнении с другими селениями, потому что Евстафий Сыта не обижал крестьян, и девушки были в ярких праздничных нарядах, с

разноцветными лентами в косах, слегка развеваемыми ветром. Боярич строго-настрого приказал, чтобы все приоделись «как в Пасху Христову», и послушаться его приказа никто не решился.

– А! – широко улыбнулся Василий Дмитриевич, выходя на крыльцо с бояричами и увидев в саду девушек, сбившихся в нестройную кучу. – Ну, спустимся к ним. Попросим песенку спеть да пляску сплясать. Авось не откажут, коли я попрошу. А ты, Михайла, – хлопнул он по плечу Сыту, суетливо подбежавшего к нему при появлении на крыльце, – похлопочи, чтоб хмельное зелье не убывало. И стол и скамьи чтоб были в саду! Чтоб могли мы на красавиц взирать и пиво-брагу пить... то бишь вино заморское! Пиво-брагу пить всегда успеем, есть этого добра на Руси, а вино заморское нечасто приходится видеть. А у Евстафия Сыты вин заморских не перепить!..

– Верно изволил молвить, княже, – ухмыльнулся Сыта. – Батюшка мой целыми обозами вина заморские из Новгорода привозил... Похлопочу уж я, государь, не сумлевайся.

Сыта остался в доме отдавать приказания слугам, чтобы в сад были вынесены стол и скамьи и до десятка объемистых посуды с немецким вином, до которого был такой охотник Василий Дмитриевич.

Солнце уже склонилось к западу и бросало свои прощальные лучи на землю, обливая золотом верхушки деревьев и крыши боярского дома и крестьянских изб, составлявших

село Сытово. В воздухе разливалась прохлада; дневной зной спал, и легонький ветерок реял по саду, освежая разгоревшееся лицо великого князя. В голове последнего и мысли не было о том, что завтра праздник Христов, а следовательно, не бражничать, а молиться надо, как это предписывала церковь. Встреча с Федором-торжичанином тоже была забыта. Хмель чем дальше, тем больше и больше разбирал Василия Дмитриевича. Сыта шепнул ближайшей девушке, по-видимому всегдашней запевале в хороводных играх: «Затягивай, Дуня! Выручай! А не то разгневается княже. А грех я на себя принимаю», – и Дуня затянула, и старинная славянская песня звонко разнеслась в воздухе, заставив притихнуть и великого князя, и бояричей...

– Стой! Что это? – Встряхнул головою Василий Дмитриевич, услышав протяжный звук где-то поблизости, за садом. Песня мгновенно прекратилась, и в воцарившейся тишине слышно стало, как звонит небольшой колокол на местной церкви, призывая христиан к вечерне.

– Гей! Не в пору звон, что не в пору гость – хуже татарина, – пробормотал великий князь и, подозвав к себе Сыту, сказал ему на ухо: – Слышь, брат: сделай так, чтоб звону сего – ни-ни... не было! Вечерня не большая беда. Вечерня – не обедня. Пускай поп ваш не звонит... Не хочу я. Понял?

– Как не понять, княже, – вкрадчиво ответил боярин и быстро удалился из сада. Звон вскоре прекратился. Сыта снова появился перед великим князем, и снова начались пес-

ни, а затем и пляски, хотя девушки пели и плясали неохотно, единственно повинуваясь приказу господарскому.

Скоро наступила ночь. Солнце медленно скрылось за горизонтом, и на небе показалась луна, озарив своим бледным светом притихшую землю. На Руси ложились спать рано, с заходом солнца, и, наверное, в эту ночь мало нашлось бы таких городов и селений, в которых бы шумели и пировали так, как в Сытове. Народ свято чтит праздники Христовы и накануне их не позволял себе никаких игр и развлечений. Но в Сытове было не то. Запретивши даже звонить к вечерне ради того, чтобы звук колокола не мешал слушать песни, великий князь несколько раз вскакивал с места, становился в хоровод и откалывал лихие коленца, заставляя плясать и боярских сыновей Сыту, Белемута и Всеволожа.

До полуночи Василий Дмитриевич оставался в своей компании. Но попойка этим не ограничилась. Боярыч Сыта усердно подливал вино в достоканы своего высокого гостя и его собутыльников Всеволожа и Белемута, не забывая и самого себя, и хмельное зелье лилось рекою. Все были сильно пьяны. Однако великому князю снова показалось скучным бражничать в сообщничестве одних бояричей, и он спросил Сыту заплетающимся языком:

– Слышь, брат... того... нету ли у тебя сказочника, что ль? Сказку аль былинку послушал бы я... а?

– Есть, государь, – с готовностью отозвался Сыта, не без труда становясь на ноги. – Сказитель изрядный есть. Зело

затейливо былины рассказывает. Только, не обессудь, новгородец он... про Новгород былины поет. Может, не по нраву придутся твоей милости?

– Про Новгород... Что ж? Ничего. Урезал я крылья у Новгорода прегордого... Пускай поет и про Новгород. А гусли есть у него?

– Есть, государь. Мастер он на гусях играть и былины петь. А былины у него все про новое, про удалую новгородскую вольницу.

Сыта сказал два слова стоявшему неподалеку холопу, и тот исчез из сада, пустившись во всю мочь к боярскому дому. Через пять минут перед великим князем уже стоял высокий седой старик, с широкою могучею грудью, с смелым взглядом зорких темно-серых глаз, в хорошем синем армяке, и отвешивал низкие поклоны.

– Пой, старик... и на гусях играй! – буркнул Василий Дмитриевич, опуская на руки отяжелевшую голову. – Если угодишь – сто алтын, а не угодишь – сто плетей! Ладно ли?

– Постараюсь угодить твоей милости, княже великий, – без всякой робости отвечивал новгородец и, настроив гусли, запел под гуслирный звон:

Как у нас-де было во Новгороде,
У Ивана Предтечи на Опоках,
На широком дворище Петрятине,
На тоем ли на славном торговище,
Что у тех ли весов, у воцанных,—

Не два кречета тут да вылетывали,
Двое молодцов их да погуливало!
А один-то на имя Прокофьюшко,
А и другой словет он Смольнянином.
А гуляючись добры те молодцы,
Что желтымя кудерки потряхивают,
Молодых-те робят призодаривают...
Синю морюшку ведь на утишенье,
Тому славному морю Хвалыньскому!..

.....

А великому князю московскому,
А Василию свет да Димитревичу,
А и светлому ликом, как солнышку,
А още ведь вельми милостивому,
А на Русской земле царю существу,
Осударю-князю в каменном Кремле —
Рассказал я былину в забавушку,
На его утешение княжеское.
А и будь же ты милостив, князь-государь,
Не клади на меня гнева лютаго,
Не вели сто плетей в спину сыпати,
А изволь сто алтынными пожаловать.
А ведь я ж былину про былое сказал,
Про былое удалство ушкуйничков.
А уж если что молвил я с глупа ума,
Так за это за все прости, княже, меня.
А и стану я ввек тебя славити,
Тебя славити, возвеличивати,
Разносить твою славу по Русской земле!..

Долго пел старик: про пиры и молодеческие игры в вольном Новгороде, про удасть новгородских ушкуйников – разбойных людей, про то, как пленил и рубил им буйны головы татарский князь астраханский Салтей Салтеевич. Наконец новгородец поклонился и смолк. Гуслирный звон прекратился. Благозвучные слова народной былины, видимо, понравились великому князю, и он, подняв голову, произнес:

– Не с глупа ума ты былину сказал. Вельми доволен я тобою. Одно лишь не по нраву мне: сии ушкуйнички ваши. И похвально учинил Салтей, что всем им головы порубил. Однако чего мне толковать с тобою? Обещал я тебе сто алтын и не отрекаюсь от слов своих. Слышь, Сыта, наутрие выдай ему сто алтын, а потом из казны моей получишь. Ступай, старик.

– Бог да хранит тебя, княже великий! Не оставил ты раба своего милостью князьею! – Низко поклонился новгородец и, незаметно ухмыльнувшись в бороду, повернулся и пошагал в ту сторону, откуда пришел.

– А, други... слышите... что это? – Обернулся великий князь к бояричам, уловив своим чутким слухом какой-то шум за боярским домом. – Слышите!.. Кажись, скачет кто-то?..

– И то, скачет, – встрепенулись бояричи, почему-то обеспокоившись от слов Василия Дмитриевича. – Кто бы это мог быть?..

Опьянение великого князя и его собутыльников было полное, но, обладая здоровыми натурами, они не потеряли образа и подобия человеческого, ясно сознавая все происшедшее вокруг. Месяц ярко сиял на небосводе, и при свете его они увидели, как к садовой ограде подскакал какой-то человек на добром коне, как он спрыгнул с лошади и громко спросил кого-то:

– Здесь ли княже великий?

– Здесь, здесь, – ответил кто-то, и приехавший человек ловко перепрыгнул через ограду, бегом подбежал к столу, за которым восседал Василий Дмитриевич с бояричами, и, сняв шапку с головы, заговорил:

– Гонец прибыл, государь. Рязанский князь прислал. И пишет князь рязанский, что страшный воитель идет на землю Русскую... Идет Тимур Чагатайский. А с ним воинство несметное...

– Врешь, врешь, Третьяк! – крикнул Василий Дмитриевич, узнав в приехавшем человеке своего дьяка. – И Олег Рязанский врет! Загрызет Тохтамыш Тимура... Не добрать-ся Тимуру до нас...

– Идет Тимур на землю Русскую, – настойчиво повторил Третьяк, говоря резким взволнованным голосом. – Тохтамыш в бегах перед ним! Тохтамышево воинство по ветру развеяно Тимуром... Открыта дорога на Русь...

Великий князь привскочил на месте. Куда и хмель девался! Из груди его вырвалось хриплое восклицание:

– Тохтамыш в бегах? Тохтамышево воинство развеяно?.. Да полно, правда ли это?

– Истинная правда, государь! – Даже перекрестился дяк для вящего убеждения великого князя. – Изволь отбыть в Москву, во дворец свой княжий. Давно уж ищу я твою милость, и многие вершники по усадьбам боярским разосланы – все тебя искать. Но вот и обрел я тебя, княже великий... Князь Владимир Андреевич в палате приемной сидит, и много бояр собралось, и сам владыка-митрополит прибыл. Совет держать хотят, тебя ждут... Не мешкай, государь!

– Коня мне! – крикнул великий князь и, обернувшись к Сыте, прошептал ему на ухо – Ну, брат, наказал меня Бог. Вот тебе на праздник бражничать! Не ложно говорил юридивый... А я его? О Господи! Такое сердце неумечивое!.. А знаешь что, прикажи сюда холодной воды подать: оболую я голову, и все как рукой снимет...

– Сейчас, государь, – отозвался Сыта, и вода тотчас же появилась перед великим князем. Последний вылил себе на голову чуть не целый ушат и, обтершись поданным полотенцем, сел на подведенного коня.

– Ну, едем, – кивнул он Третьяку и, как трезвый, твердо держась на седле, ударил в бока лошади краями острых серебряных стремян и быстро вынесся из Сытова, размышляя о новой напасти, готовой обрушиться на Русь в лице страшного завоевателя Тимура.

VI

– Эх, княже великий, – укоризненно качая головою, говорил митрополит Киприан великому князю, когда тот, перед утром уже, возвратился во дворец с ночной попойки, – непристойно ты жизнь ведешь! Не тебе, а самому последнему простецу-христианину не подобает делать так, а ты, великий князь московский, на воскресный день бражничаешь! Непростительный грех это перед Господом! А потом, убогих людей обижать? Грех, грех велий сотворил ты, чадо мое! А за грехи кара Божия неминуема!..

– Прости, согрешил, владыко, – потупил глаза Василий Дмитриевич, бывший под впечатлением известия о Тамерлане особенно смиренным и почтительным перед митрополитом. – Не хотел, не чаял я... да грех попутал...

– А греху противиться надо, – возразил Киприан. – На то и воля дана человеку, чтобы он грехам противился. А юродивого, сиречь блаженного, напрасно обидел ты. Он человек прозорливый. А ты его наземь повергнул!

– Сердце не стерпело мое. Вестимо, я неладно сделал, осерчал на укоризны его... но каюсь я во грехе своем, владыко. Прости меня, непотребного. Вперед не будет сего.

– А он человек прозорливый, – повторил митрополит, не без горечи заметив, что великий князь еще не совсем протрезвился. – Провидел он очами духовными нашествие Ти-

мурово и мне о том предсказал. А потом и грамотка пришла от Олега Рязанского. Иди проспись, княже, и днем совет учиним. А теперь вижу я, бродит еще хмель в голове твоей. А хмельный разум куда как плох перед трезвым разумом. Вот тебе слово мое.

– Не могу я думать о сне, владыко, – возразил Василий Дмитриевич, который, несмотря и на хмель, желал тотчас же совещаться с боярами о мерах к предупреждению нашествия Тамерлана. – Дерзновенно воздвигается на Русь Тимур, и нужно о родной земле подумать. Довольно бражничал я... довольно беса тешил. Настал час испытания Божия – и отрину я все прелести мирские. Не время почивать тогда, когда на отчизну нашу страшный воитель ополчается. Не думай обо мне, владыко, что я совет держать не могу. Дух мой бодр и плоть здорова, а хмель из головы выходит. Сейчас же кликну я дьяков и прикажу дядю Владимира Андреевича призвать и всех бояр ближних и разумных, что дожидались меня, говорят, всю ночь напролет в палате приемной и только недавно разъехались. А ты, владыко святой, помоги нам спасение для родной земли измыслить.

Разговор этот происходил между великим князем и митрополитом в передней палате дворца, где приехавший с ночной попойки Василий Дмитриевич столкнулся с владыкой, прождавшим его долее всех и только уже перед благовестом к заутрене собравшимся в Кремлевский Успенский собор для служения Божественной литургии. Князь Владимир Ан-

дреевич и бояре разъехались, не дождавшись великого князя. Киприан не стал более настаивать, чтобы хмельной государь «проспался», видя, что тому действительно не до сна, и прошел из дворца в Успенский собор, а дьяки великокняжеские рассыпались из Кремля во все стороны – созывать ближних бояр-советников и князя Владимира Андреевича.

Гулко и торжественно звучали колокола церковей московских, призывая христиан к заутрене, и народ толпами валил в храмы. Москвичи были веселы и празднично настроены; лица у всех были оживленные и радостные. Слышались громкие речи. За стенами Кремля почти никому не было известно о новом завоевателе, стремившемся на Русь из страны каменных гор, и люд православный готовился встречать воскресный день с полною уверенностью в благополучии своего существования. Погода соответствовала празднику. При ясном безоблачном небе величественно поднялось солнце на горизонте и озарило золоченые кресты церковей и монастырей, узорчатые крыши великокняжеских дворцов и теремов, боярские палаты и хоромы купцов, избы и избышки простых горожан и посадских людей – и стало так светло и тепло, что никому и в голову не могла прийти мысль о чем-либо мрачном, унылом, непраздничном. Жители Москвы спешили в храмы Божии – кто с искренним желанием помолиться, кто просто поглазеть на народ, чтобы после почесать язык: кто и в чем был в церкви, кто как молился и прочее, – и по улицам только гул стоял от гомона прохо-

дивших людей, оживленно беседовавших между собою.

– А что это, братцы мои, – с удивлением заговорили в толпе, валившей к кремлевским соборам, – дьяки сломя голову скачут? Не стряслось ли чего во дворе княжьем? И вершники куда-то понеслись. Полагать надо, неспроста это. . .

– А здоров ли князь великий? – беспокоились некоторые. – Вестимо, не без причины скачку такую затеяли. Что-то случилось же там.

– А может, беду какую чуют, – шептали третьи, оглядываясь на дьяков и многих княжеских «отроков», скакавших из Кремля на конях в разные стороны. – Вот и послали собирать бояр-воевод. Недаром вчера гонец татарский прибыл.

– А за гонцом другой гонец прискакал, кажись, от пределов рязанских. Не шевелится ли татарва поганая?

– Господи, спаси нас и помилуй! – крестились набожные и уже со стесненным сердцем вступали под своды храмов, расстроенные собственными же догадками и предположениями.

После заутрени тотчас же заблаговестили к обедне, и когда литургия отошла, народ вывалил из церквей и пошел домой. Из Успенского собора все выходили крайне мрачные и сосредоточенные и долго молились на паперти, поднимая глаза к небу. Владыка Киприан сказал слово о нашествии нового Батыея, и молившиеся упали духом, зная по опыту, что значит вторжение орд татарских. В других церквах о новой напасти ничего сказано не было, и москвичи выходили из

них беззаботно и весело, толкая и сшибая с ног друг друга. Но вот прошло немного времени, и находившиеся в Успенском соборе смешались с остальной толпой – и точно туча какая спустилась над Москвою. Веселые голоса смолкли. Шутки и прибаутки прекратились. Лица сделались вытянутыми, угрюмыми. Глухой говор прокатился по волнам народного моря.

– Беда, братцы! – слышались голоса. – Идет на землю Русскую страшный воитель Тимур! Покорил он Тохтамыш, хана ордынского, теперь на Русь ополчается! В Успенском соборе владыка толковал, молиться с усердием велел...

– А князь великий недавно с пировли вернулся, – ехидно усмехнулся высокий седой старик, в котором можно было узнать того новгородца, который пел былинку про ушкуйников в Сытове. – От зари до зари бражничал он со своими приспешниками, с красными девицами тешился, срамил звание свое, а когда сытовский поп к вечерне зазвонил, повелел он звон прекратить: что-де церковный звон, что татарский гам – все едино! Только-де потехам его княжеским помеха!.. Вот и «молиться с усердием велел владыка»! Да и сам-то владыка молится ли?..

Старик многозначительно поджал тонкие бледные губы, зорко огляделся кругом и, видя, что все его со вниманием слушают, продолжал:

– И владыко не без греха, други! Неведомо вам, какую он жизнь ведет, а я долго жил в селе Голенищеве и узрел очами

своими, как он с красавицами хороводился!..

– Это владыко-то? Это старец-то праведный? – раздались протестующие возгласы, и сотни горящих негодованием глаз устремились на новгородца. – Гляди, чтоб на осине не болтаться тебе!.. Не спустим такое поношение владыки святого! Живо глотку заткнем! Не изрыгай непотребных хул на человека Божия!..

– Хорош человек Божий! – нагло ухмыльнулся старик, не смущаясь общего протеста. – Непрестанно о мирском помышляет. Три года назад в Новгород Великий приезжал он, пошлину судную требовал. А потом, совместно с князем великим, торжичан – вольных людей – присудил злой смерти предать. А разве подобает человеку Божьему в судные дела соваться, то бишь пошлину требовать, да науськивать государя на кровопролитие?.. Вот, други! Ни князь великий, ни митрополит на добрые дела вас не ведут! Они вас на гибель толкают! Откажитесь от них, пока не поздно... соберите вече народное, как в славном Великом Новгороде, и Тимур не страшен для вас будет! Внимайте словам моим: воздвигнитесь, восстаньте на князей и бояр, митрополита-сербина низложите, поставьте нового митрополита, ну, хоть того ж архиерея новгородского, и все у вас по-новому пойдет!.. Поверьте старому человеку!..

С секунду все безмолвствовали. Сначала старика приняли за одного из недовольных великим князем людей, чем-либо обиженных горячим Василием Дмитриевичем, но потом, ко-

гда тот заговорил таким тоном, всем стало понятно, что перед ними стоит смутьян, имеющий целью восстановить народ против правительства. Грозно нахмурились москвитяне, не одна рука сжалась в кулак; клевета на любимого митрополита особенно возмутила всех, и народ набросился на новгородца, осыпая его ударами и ругательствами:

– Ах ты, крамольник окаянный! Мало ты князя-осударя порочил! И на владыку, старца праведного, лжу возводить дерзнул!.. Так вот же тебе, вот, пес смердящий!.. Разумей отповедь нашу! Николи того не бывало, чтобы люд московский князьям своим изменял! А веча новгородского, сиречь соборища людей буйных, знать мы не хотим!.. Не мути, не прельщай народ честной речами лукавыми! Уведали мы породу твою: никак, ты новгородец и есть!..

– Погибнете вы все с своими князем и митрополитом! – рычал старик, отбиваясь от набросившихся на него горожан. – Придет на вас Тимур Чагатайский, и камня на камне не останется от града Москвы! Горе вам, злодейские люди московские! Отольются вам слезы вдов и сирот новгородских, кормильцев и поильцев коих вы умертвили! Будьте же вы прокляты отныне и довеку, ироды! А я еще насолю вам! Попомните вы новгородца Ивана Рогача!..

– Хватай его, братцы! Вяжи! – завопили москвитяне, ожесточенные сопротивлением «мутьяна». – Волоки разбойника на судный двор! Там тиуны⁴ да дьяки разберут!..

⁴ Тиун – княжеский или боярский слуга в Древней Руси. (Примеч. ред.)

– Убью! – загремел Рогач и, выхватив нож из-за пазухи, угрожающе замахал им по сторонам.

Толпа отшатнулась от новгородца. Будучи без всякого оружия, горожане не смели приблизиться к нему, – и, пользуясь минутным замешательством народа, Рогач перебежал через улицу, заскочил в первый попавшийся огород и, погрозив из-за забора ножом, скрылся...

Москвичи неистовствовали:

– Держи крамольника! Держи поносителя чести княжьей и митрополичьей!.. На осину его, изменника осударева!

Но пускаться за ним вдогонку никто не решался. Наконец прискакали на место шума конные дружинники, составлявшие городскую стражу. Крамольников хватать они привыкли, но когда народ показал им на тот огород, куда заскочил Рогач, они тщательно обыскали всю местность, обшарили ближайšie дворы – но нигде ничего не нашли. Новгородца и след простыл.

– А ну его к лешему! – выругался старший над дружинниками, видя бесполезность поисков. – Никак, он сквозь землю провалился! Айда, братцы! – обратился он к товарищам. – Поедем на площадь Красную. Князь-бояре собираются во двор государев, блюсти надо, чтоб все кругом в порядке было. А крамольников подобных немало, где тут каждого поймать?

Они повернули коней и уехали. Народ тоже разошелся, толкуя о новой напасти, грозившей земле Русской. О Рогаче

че скоро забыли. Мало ли чего сбросит человек, будучи не в своем разуме! А что старик был не в своем разуме и что «брехал он безумные речи, коих и сам не понимал» – с этим почему-то все соглашались, хотя новгородец мало походил на сумасшедшего... Известие о нашествии Тимура потрясло всех. Неужели стольный град Москва и вся земля Русская испытают те ужасы, какие были при нашествии Тохтамыша? Народ трепетал при одной мысли об этом и возлагал свою надежду на великого князя и его советников, а особенно на митрополита Киприана, «ангела-хранителя московского», и на князя Владимира Андреевича Храброго, славного сподвижника Дмитрия Ивановича Донского в битве на Куликовом поле.

– Победил же князь-осударь Дмитрий Иванович с князем Владимиром Андреевичем Мамай безбожного на Куликовом, авось и ныне князь Василий Дмитриевич с дядею Тимура победят, – толковали в Москве, и веря и не веря в возможность подобной победы. – Бог – наше прибежище и сила. Не скончал еще дни живота своего игумен трицкий Сергей, умолит он Господа смилостивиться над землею Русскою. Не он ли победу на Куликовом поле предсказал?

– Не выходит ныне из обители игумен Сергей, – возражали другие, зная, что строгий постник и молитвенник Сергей, известный под прозванием Радонежского, не доволен распутством и жестокостью юного великого князя и не благоволит к нему, как благоволил раньше к его отцу, – не мо-

жет он взирать на грехи мирские. Не захочет он молиться за нас, недостойных...

– Велико терпение Господа, а раб ли Его верный, старец Сергей, не захочет молиться за души христианские? – промолвил на это какой-то монах, случившийся около говоривших. – Всегда были близки его сердцу горе и радости народные, и нам ли, грешным людям, сомневаться в его благодати? Неладно, неладно толкуете вы, братия. Старец Сергей никогда не забывал и не забудет родную землю. А потом, сколько святых иноков есть! Есть владыка Киприан, святитель славный! Надейтесь, крепко надейтесь на молитвы людей праведных, надейтесь на заступничество Царицы Небесной, надейтесь на неизреченную милость Божию – и спасена будет страна наша от разорения!..

Над Москвой только гул стоял от противоречивых толков и суждений переполошенных горожан, передающих друг другу слова митрополита Киприана, сказанные в Успенском соборе. Владыка произнес такую краткую, но сильную речь:

– Молитесь, чада мои духовные! Молитесь, мужи и жены славного города Москвы и всей земли Русской. Страшный воитель грядет, грядет Тимур Чагатайский и с ним воинство несметное! Победитель он Тохтамыш Кипчакского, на Русь кровавый взор свой обратил! Несет он гибель и разорение! Несет он смерть и муки всяческие!.. Молитесь, братия и други мои, молитесь Всеблагой Царице Небесной, да усмирит Она жестокое сердце Тимура, да обратится Тимур вспять,

яко непостижимою силой гонимый! Молитесь миром, людие православные, и услышит Пречистая Богородица усердное моление наше и упросит Сына Своего, Господа Иисуса Христа, спасти нас и грешные души наши. Аминь.

Подобные слова убедили всех в действительной опасности, надвигавшейся со стороны Волги, и не было ни одного человека, который бы мог сказать, что «это беда – не беда, а просто гром из далекой тучи, блуждающей в пространствах воздушных».

О Тамерлане слышали раньше, но полагали, что он обитает где-то на краю земли, воюя с народами сирийскими, индийскими, египетскими и иными. О приближении его к русским границам никто не думал. И вот, когда разнеслась весть о нашествии, жители Москвы всполошились. Неужели князья-бояре не измыслят средства остановить его стремление? О народном вече, какое так восхвалял Рогач, никому и в голову не приходило. Москва была совершенною противоположностью Великому Новгороду, и граждане московские жили не своим умом, а умом великого князя и бояр. И такое «чужеумие» ни для кого не казалось унизительным. Что за важность, ежели за них, москвитян, думают князья и бояре! Они разумнее простых людей, им и наставлять простоту на путь истины. И, имея такое суждение, москвичи тотчас же после обедни стали собираться в Детинец, или Кремль, под окна великокняжеского дворца, ожидая, что скажет высшая власть, на которую они всегда полагались.

Народ видел, как один за другим приезжали на княжий двор бояре и воеводы, как они слезали с коней и поспешно всходили на крыльцо, озабоченно проходя между рядами дворцовой челяди. Прискакал и князь Владимир Андреевич и, ласково поклонившись народу, встретившему его радостными восклицаниями, легко взбежал по ступенькам, точно на плечах у него был не пятый десяток лет, а только годов двадцать-тридцать. Наконец все советники великокняжеские съехались. Тяжелые двери затворились. Тогда один из дьяков крикнул собравшемуся народу с высокого крыльца:

– Стойте смирно, люди православные! Великий совет учиняется. Не шумите, не гуторьте промеж себя: чтоб ни единое слово не долетело до высокого слуха княжеского!

Народ всколыхнулся и замер.

VII

В просторной приемной палате великокняжеского дворца, изукрашенной со всею пышностью того времени, собрались бояре и воеводы – ближние советники московского государя. Были тут бояре: Иван Залесский, Петр Шереметев, Борис Кушелев, Дмитрий Всеволож, Александр Поле, Федор Добрынский, Степан Олсуфьев и другие; были «князья служилые» Давыд Пестрый, Иван Стрига-Оболенский, Григорий Ковер, Андрей Мышецкий, Иван и Семен Ряполовские и потомок суздальских владетелей – Александр Иванович Брюхатый. Из духовных особ присутствовали архимандриты московских монастырей Чудова, Андрониева и Симоннова, приглашенные на совещание по предложению митрополита Киприана. Когда же все вызванные ко двору лица были в сборе, дверь, ведущая во внутренние покои, отворилась и в приемную палату вступил великий князь Василий Дмитриевич, сопровождаемый братьями Юрием, Андреем и Петром Дмитриевичами, дядею Владимиром Андреевичем и владыкою Киприаном, шествовавшим непосредственно за великим князем.

– Буди здрав, княже великий с братьями-княжичами! Буди здрав, владыко святой! Буди здрав, княже Володимере! – возгласили собравшиеся вельможи и отдали земной поклон.

– Будьте здравы и вы, князья-бояре, слуги мои верные! –

ответил Василий Дмитриевич и, поклонившись в пояс собранию, сел на свое «золотое стуло», имевшее форму трона.

По левую руку его уселся митрополит, предварительно благословив всех присутствующих; княжичи Юрий, Андрей и Петр Дмитриевичи поместились по правую руку великого князя, рядом с ними сел Владимир Андреевич – и великий совет начался.

Сначала митрополит опасался, что молодой государь не выдержит – обнаружит чем-либо свое хмельное состояние, и тогда стыд ему великий будет. Но Василий Дмитриевич был не таков. Не в первый раз ему приходилось бражничать так, как вчера, не в первый раз приходилось напиваться до последней крайности, но никто из бояр не видел его в пьяном виде. «Товариство сердечное», то есть собутыльники, никому не выдавали тайных кутежей великого князя, холопы не смели болтать об этом, дрожа за свои шкуры, а когда возникала надобность, ему нетрудно было вытрезвиться: стоило только облить голову холодной водою, затем повторить это обливание раза два-три – и хмель как рукой снимало! Такова была его богатырская русская натура. И когда он вышел в приемную палату, на лице его не оставалось никаких следов бессонной ночи, и только разве особенно наблюдательный человек мог бы заметить, что глаза его слегка покраснели и поблескивают каким-то странным блеском, а волосы на голове влажны: это были последствия неоднократных обливаний холодной водою.

«Ну, слава богу! – подумал митрополит. – Не уронит себя перед боярами государь беспутный. Хоть в этом похвала ему пристойна: умеет он хмель из головы выгонять».

– Увидал я, князья-бояре, – громко и отчетливо заговорил великий князь, обводя присутствующих спокойным взглядом, – идет на нас воитель Тимур, идет с несметною ратью. Не задержал его хан Тохтамыш Ордынский, тыл ему показал. Посрамила себя Орда Кипчакская, пала во прах перед Тимуром. И, вестимо, возрадовались бы мы такому делу, если б Тимур обратился вспять. Но он на нас идет, помышляет разорить нашу землю родную... Доколе, князья-бояре, отцы и братия мои, и ты, владыка святой, и вы, старцы праведные, – доколе терпеть нам нашествия вражеские?! Доколе склонять нам выи свои перед погаными басурманами?! Не до конца прогневался Господь над землею Русскою, настанет и час нашей воли... Бывали же раньше победы... Монголы нынче друг друга истреблять начали. Хан Тохтамыш разбит Тимуром, но авось иная участь постигнет нас... Смекаю я, что не одиноки мы будем в напасти сей, помогут нам и Тверь, и Рязань, и Новгород Великий, и Псков... Но что вы присудите, верные советники мои? Какую вы мысль держите? Как нам встречать Тимура-воителя? Как лютость его отвращать?

Василий Дмитриевич замолк и вопросительно посмотрел на митрополита, как бы говоря ему взглядом, что первый совет ожидается от него. Киприан раздумчиво ответил:

– Во многоглаголении несть спасения, сказано в Писании.

И посему я одно спрошу тебя, княже: ведаешь ты, как родитель твой, государь Дмитрий Иванович, встречать хана Ма-мая приготавлился?

– Ведаю, владыко, – кивнул великий князь.

– Так вот, княже, – продолжал митрополит, – делай ты то же, что делал о ту пору родитель твой благочестивый, и все у тебя ладно пойдет. Собери воинство христолюбивое, укажи воевод достойных, в челе дружин своих самолично стань и выступай навстречу врагу. И Бог поможет тебе одолеть супостата.

Лицо великого князя просветлело. Совет был именно таков, какого он ожидал. Вельможи одобрительно закивали головами.

– Златые твои уста, владыко! – воскликнул Василий Дмитриевич. – Сам Бог умудрил тебя такие словеса молвить. Признаться, я то же мерекал, но докончательно порешить не мог. Вестимо, по стопам родителя покойного идти мне надо. А вы что скажете, князь-бояре?

– Иди на врага, княже великий! – загудели бояре, перебивая друг друга. – Премудро владыко судит: невозбранно на Тимура воздвигайся, собирай воинство христолюбивое, гонцов по всем градам и пригородам повели послать. Пусть все на врага восстают, пусть стар и млад ополчаются, пусть сильные за оружие берутся, а слабые Бога за ратников молят! А мы – твои верные слуги и помощники!..

– Повели, княже великий, и мы головы свои за веру право-

славную да за тебя сложим! – воскликнул боярин Иван Афанасьевич Залесский, отличавшийся большою преданностью своему государю. – Судил мне Бог в сече Куликовской побывать, немало я голов татарских пошарпал, а нынче надеюсь еще тебе послужить! Дружину свою я соберу, снаряжу людей черных и тяглых, не пожалею я ничего, чтобы пользу общему делу принести! А ты, государь, моей семьюшки не оставишь, коли придется мне голову на поле брани положить...

– Воздаю я каждому по заслугам, – промолвил великий князь, ласково поглядев на Залесского. – А твоя служба мне ведома. И родителю моему, и мне служил ты с нелицемерным усердием. А посему семья твоя и семьи всех верных слуг моих останутся на моем попечении, ежели на поле брани кончина вас постигнет...

– И мы, и мы, государь, не пожалеем животов своих ради спасения земли Русской! – заговорили другие бояре, воодушевляясь словами товарища. – Не в первый раз нам на врагов идти! Не страшит нас воинство Тимура! Не дрожит наше сердце перед недругами! Да, может, и не так страшен Тимур, как о нем рассказывают? Не так же ли раньше перед Мамаем трепетали? Не грозил ли он великому князю Дмитрию Ивановичу? Не хотел ли Русскую землю из конца в конец пройти? Не посылал ли грамотку грозную, пугаючи государя хоброго? Одначе встретил родитель твой Мамаю на поле Куликовом, и сила татарская как дым рассеялась от русского натиска!.. Ополчаться нам нужно, государь! Нельзя мешкать

ни часу...

– Тимур, по слухам, к рязанским пределам двигается, – заметил князь Владимир Андреевич, говоря ровным спокойным голосом. – Сказано в грамотке Олега, что за Тохтамышем передовые отряды Тимуровы гнались до Волги-реки. Стало быть, враги не за горами, а за плечами. От Рязани до Москвы не близко, но когда разбушуются волны моря татарского, разве можно утишить их? По-моему, надо сейчас же послать скорописчатые грамоты в Тверь, в Новгород, в Псков, пускай там князья и посадники рассудят: ополчаться ли им заедино с нами аль со стороны на нашу борьбу взирать? В Рязани поневоле ополчатся, ибо на Рязань Тимур идет, но и князю Олегу послать грамоту нелишнее. Лукав и изменчив сын Коротопола⁵, как бы на сторону Тимура не перекачнулся. А в Твери, в Новгороде, во Пскове, как и в Рязани, не любят по слову твоему, княже, делать. Велеречиво надо грамоты писать: авось хоть Божиим именем тронуть их. Беда грозит не одной Москве нашей, а всем градам и всям русским. Хуже басурман те будут, кто на супостата не пойдут!.. А потом всем наместникам и воеводам подначальным спешные указы разослать... Не забыл я, как на Мамаю безбожного Русь воздвигалась во дни оны, ратники тьмами⁶ собирались, неужели же теперь православные люди попятятся?

⁵ Коротополом прозвали отца Олега Рязанского – князя Ивана Ивановича, за то, что он любил носить короткие кафтаны. (Примеч. автора.)

⁶ В «тьме» (или тме) считалось десять тысяч воинов. (Примеч. автора.)

Не мни, княже великий, худого о слугах и помощниках своих: все головы свои готовы сложить за веру православную, за тебя да за родину!

Глаза Владимира Андреевича заблестели. Видно было, что он говорит искренно. Являясь по рождению почти независимым от московского государя князем, имеющим свой удел (ему даже принадлежала треть Москвы, по наследству от отца – сына Ивана Калиты), он тем не менее признавал верховную власть великого князя, повинуюсь ему как младший старшему. При жизни Дмитрия Ивановича Донского он не выступал из его воли, почитая его старшинство, а когда победитель Мамай скончался, Владимир Андреевич заключил с новым великим князем Василием Дмитриевичем договор, где было сказано, что «князь Владимир считает Василия Дмитриевича старшим братом, брата его Юрия Дмитриевича – равным себе, а меньших сыновей Донского – младшими братьями; что Владимиру Андреевичу без ведома Василия Дмитриевича не заключать договоров с иными владетелями, не делать ничего противного к пользе московского княжения, не вмешиваться в распоряжения великого князя». Но, со своей стороны, и Василий Дмитриевич обязался «почитать Владимира Андреевича, как дядю своего, не стеснять его в удельном владении, не отбирать от него ни городов, ни сел, ни других угодий, ни даже покупать их, не повелевать им, как подданным своим, а действовать по обоюдному согласию, соблюдая общую пользу». Таким образом, князь

Владимир Андреевич как бы «добровольно» подчинился великому князю и, владея третью Москвы и городами Серпуховом, Перемышлем, Лопасней, Волоком и Ржевом, жил в Москве, имея своих бояр и свой двор, независимо от двора великого князя. Характер его был прямой и открытый; отечество он крепко любил и готов был пожертвовать всем для блага и счастья Руси. Несмотря на свою подозрительность, Василий Дмитриевич доверчиво относился к дяде, и только раз между ними произошла размолвка. Это было в 1390 году. Великокняжеские бояре, озлобясь на Владимира Андреевича, разоблачавшего их неблагоприятные поступки, нашептали Василию Дмитриевичу, что «князь Владимир ни во что не ставит князя великого, обзывает его щенком мозглявым и даже не прочь бы на московский престол сесть, ибо-де он старший в роде Калитином». Клевета возымела свое действие. Молодой государь пригрозил дяде, что темница для него уготована... Это возмутило честного и великодушного Владимира Андреевича, и он со всеми ближними своими, боярами и двором, окруженный верною дружиною, выехал в Серпухов, свой удельный город, а оттуда в Торжок, входящий в состав новгородских владений. Но ссора скоро прекратилась. Великий князь проник в лукавые ковы своих бояр, убедился, что обидел дядю напрасно, и извинился перед Владимиром Андреевичем. Последний помирился с племянником и, вернувшись в Москву, принял участие в делах государственных, по крайней мере, таких, какие Васи-

лий Дмитриевич не считал опасным ему вверить. В описываемое время великий князь более чем когда-либо благоволил к Владимиру Андреевичу, доказавшему свою «благонадежность», и Владимир Андреевич был глубоко благодарен ему за доверие и дружбу.

– Ведомо мне усердие слуг и помощников моих верных, – промолвил Василий Дмитриевич, отвечая на речь Владимира Андреевича, – а тебя особливо, дядя мой кровный, знаю я. С родителем моим ты душа в душу жил, помогал ему городами править, ходил на ратный промысл, куда он указывал, платил часть дани ордынской, а на поле Куликовом не с тобой ли он Мамай разбил? Не забыл я заслуги твои, вижу твою приязнь ко мне и люблю тебя как отца родного. А посему прими на себя труд, дядя любезный, указать дьякам с подьячими, как грамотки скорописчатые писать. Разумный человек ты, книжную науку прошел, свитки церковные читаешь, при родителе моем постоянно за приказным столом дозирал, – тебе и дьяков поучать. Сумеешь ты сердечные слова поставить, коими бы люд православный тронуть. А потом прослушаем мы грамотки эти и немедля же князьям, боярам да воеводам пошлем во все города земли Русской. Не ложно говорите вы, советники мои, что мешкать часу нельзя. Тимур может скоро нагрянуть. Так будь же милостив, дядя любезный, князь Владимир Андреевич, наставь дьяков с подьячими уму-разуму. Полагаюсь я на мудрость твою!

Великий князь был отменно ласков и любезен с дядей,

выразившим готовность сложить голову «за веру православную, за него да за родину», и, поручая ему составление грамоток, доказывал этим свое доверие к нему. От грамоток многое зависело. Мало кто из великокняжеских наместников и воевод отличался распорядительностью и расторопностью, большинство же привыкли вершить дела «с тихою поспешностью», руководствуясь пословицей, что «поспесишь – людей насмешишь». Что касается Твери, Рязани, Новгорода и Пскова, то правители их не признавали верховной власти московского государя⁷ и могли отказаться от участия в борьбе с Тамерланом. Следовало написать грамотки так, чтобы растрогать до глубины души независимых владетелей, чтобы вдохновить их на брань с супостатом, надвигавшимся со стороны Волги, а подчиненных наместников и воевод нужно было «подогнать», то есть написать им такие грамотки, от которых бы они забыли свою обычную «тихую поспешность» и действовали бы решительно и быстро, собирая и вооружая ратников. И руководить писанием подобных грамоток способен был более всех князь Владимир Андреевич как человек, умудренный жизненным опытом и прекрасно знавший русскую натуру.

– А куда ж собираться воеводам с ратниками прикажешь? – спросил Владимир Андреевич, поднимаясь с места,

⁷ В Новгороде и Пскове сидели московские наместники, но приказать что-либо «вольным городам» московский великий князь не мог, а мог только обращаться к народному вичу с просьбами. (Примеч. автора.)

чтобы идти в ту палату, где занимались бумагами дьяк и подьячие.

Великий князь поглядел на вельмож.

– А по-моему, в Коломну сбор указать. Как вы рассудите, князь-бояре? Ладно ли так будет?

– От Коломны рубеж близко, в Коломне и следно воеводам собираться, – подтвердил Борис Кузьмич Кушелев. – Правду ты изрек, государь.

– На Коломну шел и родитель твой князь-государь Дмитрий Иванович, – промолвил Давыд Пестрый, – когда на Мамаю ополчился. Стало быть, и тебе туда ж надо идти. И ратникам в Коломну собираться.

– В Коломну можно сплыть на стругах по Москве-реке, – заметил боярин Петр Шереметев, отличавшийся большою хозяйственной сметкой. – Знамо дело, конные дружины сухим путем проедут, благо дорога добрая есть, а пешие ратники с удовольствием водою достигнут. Эдак и люди свежие, не усталые будут, и припасы без труда приплывут. Вот моя мыслишка, княже великий.

– А пожалуй, разумно ты придумал, боярин, – одобрил Василий Дмитриевич. – От Москвы до Коломны на стругах плыть способно. А струги и там нелишни будут, когда придется за Оку переходить. Так и прикажи написать, дядя-княже, – обратился он к Владимиру Андреевичу, – что кому по пути придется, пускай садятся на струги да лодки и к Коломне сплывают; пускай припасов поболее берут, пускай рат-

ников в полный уряд снаряжают, ибо без уряда ратник не ратник. Особливо оружие достаточное потребно: чтоб мечи, бердыши, копыя в порядке были, чтоб тетивы у луков не рвались, чтоб не было нужды в стрелах; чтоб доспехи были целы, а шеломы крепки, ибо татары больше по башкам норовят рубить. Ну а прочее тебе ведомо. Утруди себя, дядя-княже. Поспеси с грамотками.

– Сейчас же за дело примусь, государь, – ответил Владимир Андреевич и вышел из приемной палаты.

Совет продолжался вплоть до вечера. Столпившийся у дворца народ видел, как суетились на княжьем дворе путные бояре, окольнічие, дворяне, дети боярские⁸, как многие дворяне и дети боярские вскакивали на оседланных коней и неслись куда-то во всю прыть, имея за пазухами какие-то свитки, припечатанные большими печатями. Время от времени появлялись на высоком крыльце осанистые князь-бояре, сурово подзывали к себе дворян и детей боярских и говорили им строгим тоном:

– Слышь, братцы, чтоб ежечасно вы в уряде были. Корми-

⁸ Путными боярами именовались тогда великокняжеские чиновники, которым давались на содержание замки, поместья или же доходы с чего-нибудь. Окольными назывались ближние к государю люди, находившиеся при его особе, а дворянами – следующие чины великокняжеского двора, составлявшие многочисленный штат придворных служителей. Что касается детей боярских, то это были «записные воинские люди», составлявшие сильнейшую часть войска, будучи обучаемы ратному делу с детства. В мирное же время из детей боярских выбирались разумнейшие юноши и приставлялись ко двору для разных послуг. (Примеч. автора.)

те коней до сытости, запас под рукой держите, ни днем, ни ночью одежды не снимайте. Немало еще гонцов надо.

– По нам, хоть сейчас в путь. У нас все начеку, – отвечали дворяне и дети боярские, и князья-бояре уходили обратно, бормоча себе под нос:

– Ах, Господи, Господи! Какая напасть неожиданная! Неужто нагрянет Тимур?..

– Куда послали? – спрашивали из толпы народа того или другого гонца, спешно выезжавшего из кремлевских ворот.

– В Ярославль, в Белозерск, в Вологду, в Устюг, Галич, Углич!.. – следовали ответы, и в народе оживленно толковали:

– Ишь, братцы, споначалу в дальние города посылают, а потом в ближние. Премудро на совете рассуждают, не теряют головы в беде. Вестимо, в дальние города гонцы не сразу придут, а там когда еще воеводы да наместники разберут грамотки княжьи. А в ближние города можно и после послать.

Не меньшая суета стояла и в самом дворце. Многочисленная дворцовая челядь с ног сбилась, исполняя поручения бояр, приказывавших то принести «кваску освежиться», то посылавших на двор, где толклись боярские стремянные и холопы, передать последним какой-либо приказ господина, то, наконец, таская из кладовых целые ноши бумаги, требуемой для писания грамот. По коридорам и переходам дворца сновали путные бояре и окольниковые, получая запечатанные грамотки из рук дьяков и передавая их дворянам и детям бояр-

ским с приказанием: «Немедля же ехать вот туда-то и вручить грамоту тому, на чье имя она написана».

В приемной палате громко и отчетливо прочитывались дьяками написанные грамотки, великий князь прикладывал к ним свою руку и печать, – и спешные послания к иногородним воеводам и наместникам отсылались с гонцами, стоявшими на дворе в полной готовности к отъезду.

Не оставался без дела и митрополит Киприан с игуменами. Возлагая главную надежду на милосердие Божие, он сам с игуменами занялся писанием грамот от своего имени в те города, где были епископы. Владыка был человек образованный и начитанный по своему времени. Прекрасно зная греческий язык, он не менее хорошо усвоил и русский, будучи сербом по происхождению, то есть таким же славянином, как и русские. Он писал епископам грамоты, чтобы все храмы Божии были отверсты днем и ночью, чтобы пастыри духовные непрестанно совершали богослужение, чтобы молился весь народ православный – да не изольется на Русь фиал гнева Божия, да не накажет Господь руссов, а помилует по великой Своей милости. Особенно Царице Небесной молитесь, – говорилось в грамотах, – да примет Она прошение недостойных рабов своих, да ходатайствует перед Сыном Своим, Всеблагим Господом, о спасении нашем, да избавимся мы от страшной напасти, как избавился некогда Царьград от нашествия иноплеменных по милостивому заступлению Пречистой Девы Марии. Не теряйте веры, братия моя во Христе,

молитесь непрестанно, укрепляйте слабых и малодушных – и спасется земля Русская от лютости нового Батыя. Божие благословение да будет над вами. Аминь.

– Уместно христолюбивое воинство собирать, уместно на свои человеческие силы надеяться, – говорил Киприан, обращаясь к великому князю, – но не следует забывать и о Боге. Без Бога ничего не делается. А посему нелишним нашел я отписать владыкам-епископам, чтоб они со всем причтом духовным Богу молились и паству бы на молитвы воздвигали. Дохожа до Неба усердная мирская молитва.

– Истинно говоришь, владыко, – отозвался Василий Дмитриевич. – Сильна мирская молитва. Похвально, что ты напомнил о том владыкам-епископам.

Грамотки митрополичьи были запечатываемы именною печатью Киприана и посылаемы с теми же гонцами.

С утра до вечера рассылались по всем городам и пригородам земли Русской указы государевы, извещавшие о приближении Тамерлана и повелевавшие без замедления ополчаться на врага, идущего, по слухам, в числе «сорока тем», то есть четырехсот тысяч. Были отправлены, между прочим, не указы, конечно, а дружеские грамоты в Рязань, Тверь, Новгород и Псков с предложением принять участие в отражении неприятеля, наступавшего не на одно Московское княжение, а на всю Русь. Грамоты эти повезли путные бояре со свитой, состоявшей из дворян и детей боярских, отряженных для вящей торжественности.

Когда рассылка гонцов кончилась, митрополит отдал приказание звонить ко всеобщей во всех церквях московских, – и народ хлынул в храмы. Сам великий князь с супругою, матерью и братьями, сопровождаемый князем Владимиром Андреевичем и всеми вельможами, прибыл в Успенский собор и, против обыкновения, горячо молился. Бедствие грозило ужасное, задержать полчища Тимура было трудно без особой помощи Божией. Где мог собрать Василий Дмитриевич столько войска, чтобы противиться грозному завоевателю, идущему во главе четырехсот тысяч монголов? И, несмотря на внешнее спокойствие, втайне государь московский преисполнен был страха и трепета, боясь за целостность своих владений. Тимур разбил Тохтамышша, нетрудно ему было раздавить и русское ополчение... А тогда все пропало! Варвары пройдут по Руси и сметут с лица земли все города и села, убьют или возьмут в полон жителей и оставят после себя пустыню. А если он, великий князь, и сохранит свою жизнь, то что за радость быть повелителем над развалинами и бездушными трупами!.. Василий Дмитриевич упал на колени.

– О, Господи, Боже! Помилуй меня и землю Русскую! Не казни гневом Своим праведным!.. Оставлю я житие злочестивое, исправлюсь елико возможно... О, Мати Царица Небесная, умоли Сына Своего, да спасется страна наша!.. Не карай нераскаявшегося грешника!..

И он клал поклон за поклоном, стучаясь лбом в мягкий

ковер, подостланный ему под ноги.

VIII

Дрогнула Русская земля, когда грамоты великого князя и митрополита разлетелись по всем городам и пригородам, развезенные легкими гонцами. Красноречиво описал князь Владимир Андреевич грядущее бедствие, умело сочинил приказ воеводам и наместникам о сборе и вооружении ратников, – и загремела Русь бранным шумом. Воеводы и наместники засуетились. Куда девалась их обычная «тихая поспешность»? Забывая свою боярскую и княжескую власть, заметались они из стороны в сторону, затрясли толстыми животами, закричали на подневольных людей:

– Скорей! Скорей! Не мешкая коней седлайте, скачите по вотчинам боярским, приказывайте всем ополчаться на врага!.. Тимур-воитель на Русь идет! Грамотка спешная прилетела!.. Так и говорите всем, что если кто мешкать учнет – голову с плеч тому! За все в ответе мы, воеводы, будем: в грамотке государь глаголет! Ну, и слушайся нас... А враг идет страшный, неслыханный, могучей Мамаю неверного! Не бывало с Батыя такого! За родину да за веру православную дружно всем надо встать!..

И рассыпались воеводские гонщики по усадьбам боярским, по селам да по деревням крестьянским. Всколыхнулось народное море; повсюду раздались речи:

– Страшный воитель идет. Не бывало и не будет такого

ни раньше, ни после нас. Мамай перед ним был ничто. Даже Батюю не равняться с ним... Горе земле Русской! Не спаситесь нам от лютости хана Тимура!.. А ополчаться без мешканья следует: лучше на поле брани умереть да получить венец мученический, чем в лесах да пещерах прятаться! Да и не сохранят никого леса с пещерами, ежели нагрянут монголы! Они из-под земли всех достанут!..

Горько жаловались на свою судьбу и стенали малодушные, предвидя конец своей жизни, но мужественно встретили весть о нашествии Тимура крепкие духом люди. Выводы недаром суетились. Именитые князья и бояре, богатые купцы и суконники, жители городские и посадские, люди свободные и подневольные торопливо снаряжались в поход или же снаряжали других. Каждый боярин того времени имел свою собственную дружину детей боярских, вооруженных отменно хорошо и обученных ратному строю. Дети боярские, или «детские», как их попросту называли, одеты были в железные кольчатые доспехи – бахтерцы, с медными нагрудными бляхами, и в такие же байданы и куляки, охранявшие туловище от вражеских ударов. Головы были покрыты железными же остроконечными шишаками, со стрелкою для защиты лица, спускавшеюся от козыря вниз вдоль носа; сзади и с боков, для предохранения шеи, подбородка и ушей, спускалась кольчужная бармица. Руки и ноги были защищены стальными подлокотниками и надколенниками. Вооружением для «детских» служили: копье, или сулица, меч, или

кончар, при левом боку, лук со стрелами в красивом колчане, саадаке, и щит, по большей части красного цвета, так как багряный цвет был любимым цветом наших предков. Снаряженные подобным образом, посаженные на сытых коней, дружины детей боярских приводились на сборный пункт и составляли в общей сложности главную силу войска.

Получив извещения от князей и воевод о срочном сборе ратников, бояре одели их в походную воинскую одежду, снабдили припасами и повели в указанное место – в Коломну, куда, по слухам, уже выехал великий князь из Москвы. Кроме того, теми же боярами и богатыми купцами и суконниками снаряжались дружины черных и тяглых людей, живших во владельческих землях. Жители городские и посадские примыкали к конным отрядам, если были при лошадях, а крестьяне вооружались чем бог послал: топорами, рогатиными, дрекольями, ослопами⁹ и шли пешими толпами, потому что в седле они не привыкли ездить, хотя у редкого из них не было лошади, необходимой в домашнем хозяйстве.

– Помогите нам, Господи, одолеть врага-супостата! – набожно крестились ратники, и нельзя сказать, чтобы без боязни выступали в поход. Многие сильно робели. По вычислениям некоторых дошлих книжников выходило, что наступили времена антихристовы, и Тамерлана суеверные люди считали антихристом, родившимся от великой блудницы. Одно утешение русским – это разгром Тимуром Золотой Орды, тя-

⁹ Ослоп – толстая дубина, утыканная гвоздями. (Примеч. автора.)

готевшей над многострадальной Русью. Монголы истребляли монголов, – не признак ли это скорого распада татарского царства, ненавистного всякому русскому? И, утешая падавших духом, смелые и решительные люди говорили:

– Никто как Бог, братьцы! Без воли Божией ни один волосок не упадет с головы человека. А хотя он и поборол Тохтамыша, но все же урон потерпел, уполовинилось воинство Тимурово; к тому ж в истоме монголы каждый день двигаются, как тут не устать, не истомиться? Так вот и мерекайте, други: скорее мы Тимура поборем, чем он нас! Не вешайте головы, не скорбите. Ведь так же Мамай всех страшил, а победа государю Дмитрию Ивановичу досталась! Авось и нынче, по милости Божией, победим неверных!..

– Дал бы то Бог, дал бы Бог, – вздыхали малодушные и ободрялись от подобных слов, хотя немногие могли справиться с своим сердцем, так и замиравшим от страха при одном упоминании о Тимуре, пугавшем воображение всех.

Скоро вооружались ратники. Сотня за сотней, тысяча за тысячей прибывали они в Москву, если дело было по дороге, и выступали далее на Коломну, куда уже уехал великий князь с имевшимся под рукою войском. Впрочем, через Москву воинов следовало мало: большинство шло прямо на Коломну. В Москве, да и во всех русских городах, куда только не достигали князьи и митрополичьи грамотки, днем и ночью совершалось богослужение в храмах. Митрополит, епископы, игумены, священники, простые иноки со слезами на гла-

зах, «вопия велиим гласом», воссылали просительные молитвы к Небу, и громкие рыдания раздавались под сводами церквей, доказывая то смятение, какое произвело нашествие Тамерлана. На собравшееся ополчение немногие надеялись (хотя и показывали вид, что надеются): откуда могли взять русские люди столько храбрости и стойкости, чтобы сразиться с победоносным воинством Тимура? Положим, большинство князей и бояр говорили, что «рука московского государя еще крепка, что победил же родитель его безбожного Мамай, авось и теперь управимся с врагом», – но надежды на победу было мало. Князья и бояре понимали, что при герое Донском обстоятельства были совершенно иные, чем теперь. Тогда, ввиду многих неудовольствий с Ордою, русские владельцы могли исподволь подготовиться к борьбе с Мамаем, могли заранее заготовить вооружение, припасы и прочее, а ратники могли сойтись на сборное место из самых отдаленных областей. Теперь же было не то. Гром грянул внезапно с безоблачного неба, а когда беспечные русаки хватились, то туча была уже над головою. Тимур подступал к Волге. Ужас обуял малодушных...

– Не бойтесь, авось помилует Господь землю Русскую, – твердили смелые духом, но в глубине души и сами не верили своим словам. Куда было бедной Руси справиться с четырьмястами тысячами монголов!

– Ах, Господи, Господи! Неужто не спасемся мы от люто-сти Тимура-воителя? – слышалось во всех городах и селах, и

смятенный народ стремился в храмы, прибегая к заступничеству Царицы Небесной и святых угодников Божиих.

В Москве после выступления великого князя в Коломну остался начальствовать дядя его, князь Владимир Андреевич. Почему герой поля Куликова не сопутствовал племяннику в походе – этого никто не знал. Догадливые вельможи перешептывались, что государь боится воинской славы дяди: как бы де он не прославился опять, в ущерб доблести великокняжеской, но можно было предположить и то, что в стольном граде оставалось семейство Василия Дмитриевича, митрополит, семьи боярские, в Кремле были собраны многие сокровища – и на опытного в ратном деле Владимира Андреевича возложено было «блюсти» столицу на тот случай, если полчища врагов разобьют великого князя или же обойдут стороной его и придется сидеть в осаде. Москвичи радостно приветствовали любимого князя, когда тот проезжал по улицам, и оживленно толковали между собой:

– Хоть князь Владимир Андреевич остался. На него уповать можно. Не выдаст он Москву супостатам, коли подойдут они. Не провести Тимуру князя Владимира Андреевича, как в оны годы Тохтамыш князя Остея провел. Храбрый воевода был Остей, родовитый, внуком славному Ольгерду приходился, но положился он на слово татарское и себя и других сгубил! А князя Владимира Андреевича не провести так! Не случится при нем того, что случилось при Тохтамышевом нашествии...

Нашествие Тохтамыша еще у многих оставалось в памяти. Было это через два года после Куликовской битвы. Разбитый русскими Мамай бежал в свои улусы с намерением набрать новые войска для борьбы с московским князем, но тут его встретил Тохтамыш, потомок знаменитого Чингисхана, и снова разбил его. Тогда, оставленный неверными мурзами, Мамай искал спасения в Кафе, где генуэзцы обещали ему безопасность, но счастливая звезда бывшего повелителя татар закатилась. Генуэзцы приняли его как гостя, но вскоре коварно умертвили, чтобы овладеть его богатой казной. Тохтамыш воцарился в Орде и сначала дружелюбно уведомил русских князей, что он победил общего их врага – Мамай. Однако это была одна азиатская хитрость. Через год он уже прислал к Дмитрию Донскому посла, царевича Акхозя, с требованием, чтобы все владетели российские, как древние подданные монголов, явились в Орду на поклон. Это было оставлено великим князем без внимания, как пустая угроза, но вот настало лето 1382 года – и вдруг разнеслась молва, что Тохтамыш идет на Русь. В Москве произошел переполох. Герой Донской с двоюродным братом Владимиром Андреевичем спешили выступить в поле, но другие князья медлили, пересылаясь гонцами, и не делали ничего серьезного. Даже сам тесть великокняжеский, Дмитрий Константинович Нижегородский, послал навстречу Тохтамышу двух сыновей с дарами. Тогда Дмитрий Иванович, видя, что с малыми силами ничего поделать нельзя, а порядочное войско собрать

некогда, удалился в Кострому, а Москву оставил на попечение бояр. Митрополит тогда выехал в Тверь. Оставленные великим князем и митрополитом москвичи вообразили, что они покинуты всеми и единственный раз за время существования Москвы устроили подобие веча. На общем народном совете было положено: обороняться до последней крайности. И отважные воины и горожане расположились на кремлевских стенах¹⁰. Бояре тем не менее не сумели восстановить порядка в городе, и неминуемо бы начались новые волнения, если бы не прибыл молодой литовский витязь, князь Остей, посланный самим Донским. Остей успокоил мятущийся народ, ободрил робких, разделил способных носить оружие на сотни и полки; каждой сотне и полку дал начальника, определил, кому где действовать, и, принявши главное командование над «сидельцами», стал ждать неприятеля. И неприятель скоро появился. Задымились вдали села и деревни, загудела земля от топота множества конских копыт, и показались татарские полчища. Сначала Тохтамыш послал разведчиков разузнать: есть ли подступ к столице, не устроены ли кругом засады, – а потом двинул свои отряды на приступ. Бешено ринулись татары к крепостным стенам, приставили лестницы и смело полезли кверху. Но русские обливали их кипящею смолою, скатывали бревна, бросали камни, а кто успевал добираться до края стены, тех принимали на мечи и копья и мертвыми свергали вниз. Остей хладнокровно

¹⁰ Тогда уже Кремль был каменный. (Примеч. автора.)

распоряжался обороною, замечал, где грозила главная опасность, и направлял туда подкрепление. Нападавшие везде терпели урон и неудачу. Так, в непрерывной битве и осаде, прошло трое суток. Осажденные выдержали нападение, но потери понесли большие; много людей погибло от татарских стрел и пик. На четвертый день хан Тохтамыш послал к городским стенам своих знатных мурз и предложил москвитянам милость и дружбу, если они выйдут к нему с дарами и пустят его в Кремль «полицезреть на велелепие градское». Сыновья князя нижегородского, Василий и Семен Дмитриевичи, находившиеся в татарском стане, дали клятву, что Тохтамыш сдержит свое слово, и честный князь Остей поверил искренности татарина. Широко растворили ворота, и бывшие в Москве бояре, воеводы, духовенство и почетные граждане во главе с Остеем пошли к ханской ставке, неся в руках богатые дары. Этого только и ждали монголы. С неистовыми воплями и шумом набросились они на несчастных москвитян, Остея схватили и повлекли в свой стан, где и умертвили, а остальных изрубили на месте. Резня произошла страшная. Оставшиеся в Кремле воины и вооруженные жители не успели затворить ворот, и густые толпы ордынцев ворвались в крепость. Закипела ужасная сеча; враги нападали сто на одного; немного русских уцелело в Москве в этот несчастный день. Хан Тохтамыш, прибегнувший к такому вероломству, которое было постыдно даже для варваров, приказал сжечь и разрушить Кремль, но, к счастью, тот же князь Владимир

Андреевич, с набранным войском, разбил близ Волока один из главных татарских отрядов, и ордынцы поспешно отступили от Москвы, не успев разрушить крепких каменных стен города...

Москвичи искренно радовались, когда великий князь Василий Дмитриевич поручил своему дяде блюсти стольный град, но ратники недовольно морщились, узнавая, что князь Владимир Андреевич остается в Москве и не выезжает в поход с войском.

– Неладно учиняет князь-государь Василий Дмитриевич, – толковали среди воинов, тянувшихся вереницами в Коломну, – лучшего из лучших воеводу, князя Володимера, без дела оставляет. Когда еще дойдут до Москвы супостаты, а там за Окой-рекой, быть может, скоро с нехристями встретимся. Там бы и место князю Володимеру Хороброму, а не в Москве!

В глубине души сам Владимир Андреевич был недоволен полученным назначением, но против воли великого князя не пошел и отчасти утешался мыслью, что если монголы дойдут до Москвы, то он покажет пример, как следует сидеть в осаде.

Раз, вечером, князь Владимир Андреевич сидел в своем дворце, на берегу Москвы-реки, и собственноручно писал грамотку великому князю. На Москве было много работы по укреплению города: вокруг Кремля углубляли ров, насыпали новые валы, на стенах устанавливали пушки, стрелявшие

живым огнем¹¹, – и Владимир Андреевич ежедневно отписывал в Коломну о градских делах.

В палату вошел дворянин.

– Чего тебе? – спросил его Владимир Андреевич, отрываясь от писания грамотки.

– Татарин прискакал, княже. Никак, с побоища Тохтамышша с Тимуром.

Владимир Андреевич встрепенулся.

– С побоища Тохтамышша с Тимуром? Гонец Тохтамышша, что ли?

– Кажись, гонец. Только без цидулки всякой. На словах, говорит, передам.

– Ну, так веди его сюда. Скорее!

Дворянин вышел.

Через несколько минут в палату уже входил приземистый, широкий в кости татарин, со смуглым скуластым лицом, быстрыми черными раскосыми глазами, и отвешивал низкие поклоны.

– Откуда ты? С чем приехал? – спросил князь по-татарски, оглядывая вошедшего с ног до головы.

– От Волги-реки, господине, со словом хана великого.

– Отчего ж ты не заехал в Коломну? Ведь там ныне князь московский.

– Не ведал я того, господине, миновал Коломну путями

¹¹ При Василии Дмитриевиче огнестрельные орудия уже начали входить в употребление на Руси. Тогда даже выделывали порох в Москве. (Примеч. автора.)

мимоезжими. Да все равно тебе скажу. Ты первый человек после князя московского, тебе и слушать слово ханское.

Владимир Андреевич наклонил голову.

– Говори, я слушаю.

Татарин откашлялся и начал:

– Я – мурза хана Тохтамышша, по имени Карык. Ты не гляди, княже, что я в одеянии бедном, изодранном, грязном. Без отдыха, без остановок скакал я в Москву, на себе платье порвал, лошадей из вольных табунов ловил и на диких жеребцов садился. Не смел ведь я в ваши города да села заезжать: один, без товарищей я был, а одному несдобровать бы было в земле Русской. Недобрую весть я привез. Потерпел хан Тохтамыш урон от Тимура Чагатайского, войска своего лишился... но все же могуч он по-прежнему, не склоняет головы перед Тимуром. От Волги-реки послал он меня к князю московскому с дружеским словом, ибо ярлыка писать было некогда. Так говорит великий хан.

Карык поднял голову, выставил грудь вперед и продолжал громко и торжественно, будто читал по писаному:

– «Привет мой и поклон великому князю московскому Василию, доброму моему брату и другу. Попущением Всевышнего Бога поборол меня Тимур Чагатайский, одолел воинство мое, но я еще потягаюсь с ним. В улусах моих много народа осталось, много батыров можно набрать, а посему надеюсь я снова на Тимура двинуться. А тебе, друг мой и брат, князь Василий, советую я всю Русскую землю поднять и на-

встречу Тимуру идти. Уполовинено воинство Тимурово, не ведает он мест здешних и легко погибнуть может со всею ратью. А буде ты, князь Василий, не хочешь со мной вражду иметь, пошли на вспоможение мне пять тем¹² воинов конных, дабы мог я сугубо с батырами своими Тимура разбить и избавить тебя и себя от дерзости мятежного хана чагатайского. И припадет тогда сердце мое к тебе, и будем мы друзьями навеки». Вот что повелел передать великий хан московскому князю Василию, – заключил мурза, переходя в свой обычный тон. – А чтобы вы не сомневались во мне, дал мне великий хан перстень свой с печатью. Зри, княже.

И татарин показал Владимиру Андреевичу драгоценный перстень Тохтамыша с вырезанною на нем печатью хана. В голове Владимира Андреевича мелькнула мысль:

«Хитер Тохтамыш неверный. Пять тем воинов просит! А за что бы, спрашивается, дали мы ему вспоможение? Не за разорение ли им земли Русской? Аль за подлую измену под Москвой, когда он князя Остея и других в ловушку заманил и Москву разграбил? Нет, отложи попечение, поганец! Довольно под твою дудку плясать! Да и не до тебя нам нынче!..»

Однако, предусмотрительный в подобных делах, князь не стал кичиться перед посланцем Тохтамыша тем, что Русь может помочь Золотой Орде, но может и не помочь, а просто сказал:

¹² То есть пятьдесят тысяч. (Примеч. автора.)

– Рады мы услужить великому хану Тохтамышу, но не знаю, воины наберутся ли. Получили мы его грамоту дружескую, посланную с князем Ашаргой, а ежечасно тщимся, как бы хану великому угодное сделать. А об этих словах хана я отпишу государю-князю московскому в Коломну. Как он присудит, так и будет.

«Хитрить так хитрить!» – мысленно усмехнулся князь и продолжал:

– Так и скажи хану великому. Князь московский Василий не оставит по слову его высокому сделать. А ежели не можем мы воинов собрать, то не прогневайтесь. На нет и суда нет.

После этого Владимир Андреевич начал расспрашивать Карыка: как произошло сражение между его соотечественниками и монголами чагатайскими, почему Тохтамыш получил урон, а Тимур выиграл победу, каковы по храбрости воины последнего, – но татарин отвечал так сбивчиво и заведомо лживо, восхваляя своих земляков и выставляя трусами чагатайцев, что он прекратил расспросы и сдал Карыка на руки придворной челяди, приказав накормить и напоить его.

– А наутрие дайте ему коня доброго, облоките в одежду новую и на рязанскую дорогу проводите: пусть восвояси едет, – распорядился Владимир Андреевич, и мурзу увели на отдых.

– Наказал Бог злодея! – промолвил князь по выходе татарина, относя это слово к Тохтамышу. – Нашлась и на него управа! И как бы счастливы мы были, если б Тимур повер-

нул назад... Но он на нас наступает... Господи, помоги нам!
Не оставь нас без святой Твоей помощи! На Тебя Единого
надежда!..

Он перекрестился на висевшие в углу иконы, блиставшие
дорогими окладами, взял в руки гусиное перо, подумал и
принялся за писание грамотки, прерванное прибытием хан-
ского посланца.

IX

В этот же день московский митрополит Киприан, продолжавший жить в Симоновом монастыре, посетил Федора-торжичанина, лежавшего на одре болезни. Юродивый, по-видимому, поправился; лекарственные снадобья инока Матвея понемногу становили его на ноги. Кровавые раны на голове затягивались, тело уже не так болело и ныло, и он даже мог подниматься с постели, хотя, конечно, с большим трудом.

– Мир ти, брате Феодоре, – промолвил митрополит, входя в обительскую странноприимницу, где лежал больной юродивый. – Божие благословение да будет над тобою. Ну, како во здравие?

Федор приподнялся на постели, сел и, принявши благословляющую руку митрополита, поднес ее к губам и поцеловал.

– Твоими молитвами, владыка святой, оживать начал. Язвы на голове затягиваются, телеса сил преисполнены. Не ведаю я, чем милость Господню заслужил?

Киприан подсел к нему на низенький табурет, поставленный в головах юродивого, запретил ему подниматься на ноги, что Федор хотел было сделать, помолчал немного и сказал:

– Радуюсь я, что ты поправляться начал. Не одним духом жив человек. И о плоти своей иногда позаботиться следу-

ет. И Господь недаром подает тебе здравие: видит Он твою жизнь добрую и воздает тебе по заслугам твоим!

– Не хвали незаслуженно, владыко, – возразил Федор, не желавший принимать похвал, хотя, быть может, и справедливых. – Какова моя добрая жизнь? Это никому не ведомо. А грехов у меня много... ох много! Не знаю я, как меня Господь Бог милует!..

Он вздохнул глубоко и сокрушенно, сотворил крестное знамение и продолжал тихим голосом:

– Да, погряз я во грехах, а весь люд православный во грехах утопает... Кара Божия постигает страну нашу. Страшный воитель идет. Земля-мати сотрясается от топота многого множества ратей хана Тимура. Неисчислимо воинство его. Точно туча грозная, подвигается он к рубежам нашим, беспощадно предает огню и мечу все живущее!.. Нельзя думать, чтоб ополчение наше остановило стремление врагов! Если чуда Божия не совершится, погибель Руси предстоит... Припомнятся нам времена хана Батыя...

– Что ты говоришь? – с ужасом воскликнул митрополит, смутившись от слов юродивого. – Неужто христолюбивое воинство наше не сможет преградить дорогу врагу?

Торжичанин печально покачал головой.

– Не в воинстве сила, а в Божией милости, владыко. А Божию-то милость мы не заслужили. Нераскаявшиеся грешники мы. От князя великого до последнего смерда грешим мы, не думая о заповедях Господних! Телеса свои мы холим,

мамону ублажаем, всяким непотребствам предаемся, а Господа Бога забываем. Нет среди нас молитвенников за землю родную, кроме тебя, владыка святой, да кроме игумена троицкого Сергия, да еще неких иноков добрых!..

– Какой я молитвенник, брат Федор, – возразил Киприан. – Грешный человек я, как и все прочие, даже грешнее других. А вот игумен Сергей – праведной жизни человек, имеет он дерзновение ко Господу. И ты, брат Федор, Богу угоден...

Юродивый замахал руками.

– Нет меня непотребнее, владыко! Грешный, окаянный я человек! Не знаю, как Бог грехи мои терпит. Неизреченна Его милость великая... Не угодник я, а грешник страшный!.. А ты, владыко святой, поведай мне, недостойному: как готовится Русь Тимура-воителя встречать? Не падают ли духом люди православные? Не мешкотно ли собираются на рать? Прости меня за опрос сей, владыко: вестимо, я смелость большую приял спросить у тебя, но крепко я Русь люблю и жалею ее от глубины душевной...

– На Руси смятение немалое, – отвечал митрополит. – Народ перед Тимуром трепещет и Бога о спасении молит. Князья и бояре ратников собирают, богатые достатком своим жертвуют, а бедные сами себя на службу отдают. Не мешкотно собираются на брань люди православные, но духом упали все. Не под силу, думают, управиться с сорока тьмами монголов, что под водительством Тимура идут. Не знаю, что со-

делается с Русью, если враги попадут в пределы ее. Немного еще набрано войска...

– А князь великий исправился ли? – спросил Федор, желая узнать, как ведет себя юный государь московский.

– По милости Божией, исправляется. Заговорила в нем кровь родительская. А родитель его, князь Дмитрий Иванович, благочестивый человек был. Единожды обидел он меня, наслушавшись наговоров завистников, но то не по злобе он сделал, а по наущению других. Бог да простит его за это... Тогда он из града Москвы изгнал меня, но сын его обратно меня призвал. Ведаешь ты про дело сие?

– Ведаю, владыко. Но то утешением для тебя должно служить, что сам Господь терпел обиды горшие...

Владыка вздохнул и перекрестился, шепча молитву об упокоении души великого князя Дмитрия Ивановича. Обида, нанесенная последним митрополиту, была следующая. Когда Тохтамыш в 1382 году приближался к Москве, Дмитрий Иванович выехал из столицы, оставив в ней митрополита и бояр. Митрополитом тогда уже был Киприан, вместо произвольно поставленного патриархом Пимена, сосланного в заточение в Чухлому по повелению великого князя. При приближении татар к Москве некоторые доброжелатели убедили Киприана, что ему опасно оставаться в стольном граде, который может оказаться в осаде, да митрополиту и полезнее находиться в других городах, где он может с полной свободой ободрять и подкреплять русских людей своим ар-

хипастырским словом в борьбе с Ордою, чем в стесненной Тохтамышем Москве. Тогда он выехал в Тверь, куда еще была открыта дорога. При этом он поступал так не из-за боязни перед татарами, а ради того, чтобы не быть отрезанным от остальной Руси, которая нуждалась в поддержке и утешении со стороны главы церкви. Однако подобный отъезд впоследствии был перетолкован недоброжелателями митрополита в дурную сторону, и разгневанный великий князь с бесчестьем изгнал Киприана из пределов московских. Удалившись из Москвы, Киприан жил в Киеве, где он был признан митрополитом Южной Руси; на митрополичий же престол в Москве снова был призван Пимен, прощенный великим князем. После кончины Дмитрия Ивановича и Пимена, умерших почти на одном году, невинно пострадавший владыка был приглашен Василием Дмитриевичем в Москву, с честью встречен государем, его двором и духовенством и воссел на митрополичьем престоле, будучи с того времени уже единым митрополитом на Руси.

Такова была обида, нанесенная покойным великим князем владыке Киприану, но он простил своему обидчику, следуя заповеди Божией, указывающей любить врагов своих. Федор слышал про эти мытарства маститого архипастыря и глубоко сочувствовал ему.

– Эх, владыко, – заговорил он вдруг громко и порывисто, вперяя загоревшийся взор в лицо митрополита, – погибает земля Русская! Плохая надежда на ополчение народное! От-

куда князьям-боярам набрать столько ратников, чтоб против сорока тем монголов стать? Да и не сразу сойдутся ратники, а Тимур все вперед идет... Послушай меня, недостойного, владыко святой: избери достойных служителей алтаря и пошли их во Владимир-град, пусть подьемлют они чудотворную икону Пречистой Девы Марии, с коей князь Андрей Боголюбский болгар победил, и несут ее во град Москву. Не оставит нас, грешных, без помощи своей Всеблагая Царица Небесная, и обратится Тимур вспять, гонимый непостижимой силой!..

Митрополит Киприан встрепелся. Точно огонь какой пробежал по его жилам. В голове его блеснула мысль: «Вот верное спасение для земли Русской! Господь умудрил блаженного, вложил ему в уста такие слова». Сказания о чудотворной силе святой иконы, привезенной некогда из Царьграда и сопутствовавшей великому князю Андрею Георгиевичу Боголюбскому в походе на болгар, пришли ему на память, и он радостно закрестился, говоря:

– Точно глаза мне открыл ты, брат Федор! Как я не подумал о сем раньше? Откровение свыше это, можно сказать! Истинно сказано в Писании, что Господь умудряет слепцов... не оставит нас в скорби и напасти Пресвятая Владычица Богородица, покроет нас святым Своим омофором! Немедля же во Владимир нужно послать достойных чинов духовных, дабы перенесли они святую икону. Но прежде князя великого спросить уместно, нельзя на такое дело ре-

шиться без его согласия. Сейчас же пошлю я гонца в Коломну...

– Не изволь беспокоиться, владыко, – промолвил Федор, наполняясь каким-то необычайным волнением. – Может, сам государь гонца к тебе шлет с этим же... Пути Господни неисповедимы! Быть может, сам он помыслил о сем же...

Митрополит поглядел на своего собеседника и подумал: «Неужто провидец он истинный? Неужто государь беспутный на такую спасительную мысль напал? Господи, просвети меня светом разума Своего!»

И взору владыки Киприана представилась картина, как несется к нему из Коломны гонец, везущий спешную грамотку, в которой великий князь советует митрополиту послать во Владимир почетное духовенство для перенесения в Москву чудотворной иконы Божией Матери.

– Истинно слово твое, брат Федор, – сказал митрополит, поднимаясь с места. – Почтим мы икону Ее честную, и не оставит Она нас без святой Своей помощи!.. Ну, прощай, брат Федор, выздоравливай, становись на ноги, готовься Великую Гостью встречать...

– Давно уж готовился я к тому, владыко, и всегда готов буду Гостью Небесную встретить, – ответил юродивый, и Киприан вышел из странноприимницы, чувствуя необычайный подъем духа.

Под вечер действительно прискакал из Коломны гонец и привез грамотку великого князя, которая гласила следую-

ще:

«Се аз великий князь московский Василий Дмитриевич и всея Руси, поразмысливши и посетовавши о бедствиях грядущих, умиленно прошу тебя, отец мой и наставник, владыка святой, митрополит Киприан, буде благоприлична мысль моя, достойный чин церковный во Владимир-град послать, да перенесен будет во град Москву честный и чудотворный образ Пречистой Девы Марии, споспешествовавший князю великому Андрею Юрьевичу, нарицаемому Боголюбским, в походе на болгары. Да возложит упование свое народ московский на скорое заступление и предстательство Царицы Небесной да успокоится в смятении своем, ибо что для человека невозможно, то для Бога возможно всегда. Не оставь учинить по сему моему слову, владыка, что подобает. А своими молитвами святыми не оставь меня, многогрешного».

– За ум взялся государь юный, – прошептал митрополит, дочитав грамотку. – О Господе Боге вспомнил. Ну, верно сказал юродивый... и мне, грешному, почудилось... Надо тотчас же избрать достойных служителей алтаря, церковников да клирошан, и во град Владимир послать. Никогда не посрамляет христиан искренняя надежда на милосердие Божие!

Торопливо оделся митрополит, приказал подать свой дорожный возок и уехал из Симонова в Кремль – снаряжать почетное посольство за чудотворною иконою Божией Матери.

В Москве все были сильно обрадованы, когда стало известно, что великий князь повелел принести в стольный град из Владимира честный образ Пречистой Девы Марии. Вдовствующая великая княгиня Евдокия Дмитриевна, мать Василия Дмитриевича, отличавшаяся благочестивой жизнью, со слезами на глазах говорила Киприану:

– Как услышала я о сем, владыко, сразу полегчало у меня на сердце! Позабыли мы о дивном образе Царицы Небесной, давно бы вспомнить о нем следовало. Получала через него встарь Русь православная милости Божии, и нынче стеною неодолимою будет для нас Пречистая Дева Мария! Крепко уповаю я на то.

– Радуюсь я, что супруг-господин мой первый о сем вспомнил, – сказала и Софья Витовтовна, узнав о грамоте великого князя к митрополиту. – А ежели вспомнил он о Боге, то и Бог не забудет его. А кроме Бога, на кого уповать ему?..

Она потупилась и вздохнула. Знала молодая княгиня, что отец ее, великий князь литовский Витовт, обладает большими силами: было у него и войско, и богатства, и всего много; мог он поддержку оказать и не один десяток тысяч воинов прислать на подмогу, но не любил суровый литовец Руси и, где можно, вредил ей, несмотря даже на родство свое с московским великим князем. Витовт был такой человек, для которого ничего не значило пойти войною и на зятя, но пока он все-таки дружил с Василием Дмитриевичем, чества

его в грамотах и посылая поклоны ему и дочери, хотя оба – и тесть и зять – взаимно недолюбливали друг друга.

Митрополит как бы проникнул в тайные мысли Софьи Витовтовны и произнес:

– Кроме Бога и Пресвятой Богородицы, уповать государю не на кого. Среди людей вражда и несогласие царствуют. Самое родство и свойство не делают человека милостивым к ближнему своему. А Господь человеколюбец есть.

– И Господь помилует нас по заступничеству Пречистой Девы Марии! – заключила вдовствующая великая княгиня и упала на колени перед иконами, молясь за сына своего и за землю Русскую.

Киприан выбрал из среды московского духовенства наиболее почтенных лиц, известных строгостью своей жизни, снабдил их дорожными припасами, дал им «открытую грамоту» за подписью своей руки на тот случай, чтобы во Владимире никто не препятствовал взять им святую икону, и отправил выборных в путь в тот же вечер, не мешкая ни одной минуты.

Порядочное число благочестивых москвичей, из ревности к святому делу, примкнули к посланному духовенству, чтобы участвовать в перенесении чудотворной иконы Божией Матери.

Исполнивши поручение великого князя, сообразное с собственным желанием, митрополит написал ответную грамотку в Коломну и отправил ее с гонцом князя Владимира

Андреевича, отписавшего государю о градских делах и о новом посланце Тохтамыша, требующего пятьдесят тысяч воинов для успешной борьбы с Тамерланом.

– А наутрие я в Троицкую обитель поеду, – сказал владыка, выходя от князя Владимира Андреевича. – Великий постник и молитвенник Сергей-игумен, помолится он за Русскую землю. И я помолюсь с ним – и Бог подаст по молитвам его. А молитва моя, вестимо, впрок не пойдет. Куда мне, многогрешному!..

– По смирению своему уничижаешь ты себя, владыко, – возразил ему вслед Владимир Андреевич, знавший подвижническую жизнь митрополита, – но я от души скажу: достойнейший архипастырь ты после святителей московских Петра и Алексия, святое житие коих всей Руси было ведомо!

– Ах, князь!.. Хвала суетная и ложная, а тем паче незаслуженная!.. – отмахнулся скромный святитель и уехал в Симонов монастырь, откуда он намерен был отправиться утром в Троицкую обитель, к славному подвижнику Сергию.

На Руси немногие не знали или, по крайней мере, не слышали про монастырь Живоначальной Троицы, основанный пустынником Сергием. Сначала в обители нищета была такая, что книги писались на бересте, а вместо восковых свеч и лампад при богослужении зачастую горела лучина; сосуды тоже были деревянные. Иногда даже не находилось горсточки пшеницы для просфор, и нужду иноки терпели страшную. Но вот пронеслась по окрестным городам и селам молва

о славном угоднике Божиим, и множество людей – и простых и знатных – потянулись в обитель. Пустынный Сергей, как рассказывали, воскресил мертвого ребенка, исцелил бесноватого вельможу, вызвал из земли ключ чистой воды, недостававшей обители, и православный люд толпами валил в тихое пристанище иноков, протаптывая и расширяя дороги, ведущие к монастырю. Пожертвования стекались со всех сторон, во всем настало изобилие, но игумен Сергей и братья ни в чем не изменили своей жизни: по-прежнему ходили они в бедных одеждах из грубого самодельного холста, по-прежнему работали с утра до ночи в поле, вырубая лес и возделывая пашни; игумен даже сам носил дрова и воду в пекарню, ни в чем не отставая от других. Но храмы Божии и монастырские строения воздвигались и украшались с каждым годом; вокруг обители была построена деревянная ограда; священные сосуды и облачения стали благолепные. Великий князь Дмитрий Иванович глубоко почитал Сергия и три раза посылал его в Нижний Новгород, Ростов и Рязань для умиротворения беспокойных князей, не признававших главенства Москвы. При кончине Дмитрия Ивановича святой подвижник находился при нем и с другим игуменом подписал достопамятное завещание умирающего, которым устанавливалось, что с тех пор стол великокняжеский должен переходить не к старшему в роде, а от отца к сыну. Таким образом, он как бы скрепил тот акт, которым введено в России самодержавие, собравшее наше разделенное отечество воедино.

К этому-то святому игумену-подвижнику и готовился ехать митрополит-подвижник¹³ Киприан. «Сергий помог своими молитвами русскому воинству в борьбе с Мамаем, поможет он, – думал святитель, – и в настоящей беде, ибо сильна и благотворна его молитва!» И едва забрезжило ясное летнее утро, как возок митрополита уже катился по широкой торной дороге, проложенной от Москвы в северные города. На этой дороге и стоял монастырь Живоначальной Троицы.

¹³ Митрополит Киприан причислен Греко-российской церковью к лику святых.
(Примеч. автора.)

Х

Настало 26 августа 1395 года. Еще далеко до света в объ-
ютую крепким предутренним сном Москву прискакал лег-
кий гончик и остановился у митрополичьих палат, которые
уже успели перестроить и в которые переехал владыка Ки-
приан из Симонова монастыря. Привратник выглянул из
окошечка своей подворотни и спросил:

– Ко владыке, что ли? Отколе приехал?

– С владимирской дороги, брат. Владыку бы повидать мне
надо. К полудню прибудет сюда Матерь Божия, что из Вла-
димира-града несут. Сказать о сем владыке послан я...

– Вот слава те, Господи! – широко закрестился приврат-
ник, спеша впустить доброго вестника. – Грядет Она, наша
Заступница Милостивая! Ежечасно мы Ее, Гостью Небес-
ную, ждем! Погоди, я к владычному ключнику побегу, а он
к владыке пойдет...

Но привратник ступил шаг вперед и остановился, пора-
женный, на месте. От погруженных в глубокую тишину мит-
рополичьих палат отделилась высокая темная фигура и мед-
ленно приближалась к воротам, у которых вели разговор
привратник и приехавший гонец. Привратник шепнул по-
следнему:

– Владыко! Владыко идет! Знать, услышал... Не спит он
ночей, сердечный, все молится...

– Какая весть? – спросил подошедший митрополит, благословляя склонившегося перед ним гонца.

– Пречистая грядет, владыко. К полудню здесь будет. Меня сказать о сем послали. . .

– Добрую весть ты привез. С нетерпением мы ждем Царицу Небесную. Радость-то, радость какая для стольного града!

– А во Владимире плач и рыдание велие, – осмелился заметить гонец, ободренный приветливым видом митрополита. – Как пришли игумены да попы московские с грамотою твоей владычной, народу видимо-невидимо собралось, все плачут, вопят: «Горе нашему граду! Лишаемся мы неоценимого сокровища! За грехи наши, видно, отходит от нас Пресвятая Владычица Богородица! Осиротеем мы, горемычные!..» И все слезы льют избыльные.

– Разумею я горе людей владимирских, – тихо отозвался Киприан, – но по воле Божией совершается перенесение предивного образа. Если б не благоизволение Царицы Небесной, не воздвигнулись бы мы изображение Ее в Москву переносить. Как встарь Пречистая Дева Мария возлюбила землю владимирскую, так и ныне в стольный град Она грядет по Своей неизреченной милости и благодати к людям московским!..

Привратник и гонец внимали словам владыки с каким-то благоговением, а, когда тот удалился обратно, гонец произнес восторженно:

– Не брезгует нашим братом владыко! Смотри-ка, сколько

златых словес вымолвил! Точно простой инок, право!

– Не возносится владыко святой! – поддержал гонца привратник. – Иногда с самым последним смердом по часу гурит. Оттого-то и любят его все. Да и как не любить такого святителя?..

Они поговорили еще немного и разошлись в разные стороны: привратник в свою подворотную избушку, а гонец взял лошадь под уздцы и повел ее к помещению великокняжеских дружинников, к числу которых он принадлежал.

Через некоторое время зазвонили к заутрене во всех церквях московских, и народ зашевелился на улицах. Человек за человеком, толпа за толпою валили москвичи к храмам Божиим, и скоро все церкви были набиты битком. Горожане собрались чуть не поголовно. Старый и малый, знатный и незнатный, богатый и бедный, все стремились на призывный звук колоколов, наполняясь глубоким молитвенным настроением, и горячая мирская молитва вознеслась к небу. В кремлевских соборах богослужение совершал сам митрополит со многими епископами, съехавшимися из ближних и дальних городов для встречи чудотворной иконы Божией Матери, и служба отличалась большою торжественностью. Когда, по окончании заутрени, отпели и обедню, митрополит, епископы, духовенство и священно-иноки местных монастырей стали готовиться идти крестным ходом навстречу пречестному образу Владычицы Богородицы, несомому из града Владимира. Был между духовными лицами и троиц-

кий игумен Сергей, прибывший из своего монастыря пешком, потому что на конях он не любил ездить. Даже такие путешествия, как из Москвы в Нижний Новгород, Ростов и Рязань, совершал он пешком, несмотря на то что побывал он там по желанию великого князя Дмитрия Ивановича и, следовательно, мог ехать с полным удобством, а не идти. Теперь игумен Сергей резко выделялся в собрании прочего духовенства: все были в блестящих, вышитых золотом и серебром облачениях, а он в простой, крашенинной ризе, носимой им в силу своего необыкновенного смирения.

– Отче Сергие, – обратился к нему митрополит, оглядывая его скромное одеяние, – подобает ли тебе такую фелонь носить? Конечно, ты иноческий чин, но ризы церковные не возбраняется носить даже из золота-серебра. Это не наряд мирской, суетный.

– Нет, владыко, – кротко возразил Сергей, – никогда я не был златоносцем и ныне златоносцем не буду. Не привык я в шелк и бархат облачаться, не привык золото-серебро на себя возлагать. Недостоин я по худости своей.

– Не неволю я тебя, отче Сергей, но ради такого светлого дня, ради Царицы Небесной, не пристойнее ли быть в фелони велелепной, чем в бедной, смиренной ризе?

– Прости меня, недостойного, владыко. Несказанно радуюсь я тому, что Пречистая грядет в град сей, но не могу в златую фелонь облачиться. Одно, что, по худости моей, не к лицу мне риза блестящая, а другое – не нашивал я на себе

злата-серебра ни разу в жизни, а под старость и подавно душе претит...

Так смиренный игумен монастыря Живоначальной Троицы и остался в своей скромной ризе.

Когда все приготовления были окончены, многочисленное духовенство московских церквей и монастырей, во главе с митрополитом, епископами и игуменами, двинулось вон из города, навстречу чудотворному образу Божией Матери, который уже был недалеко.

Необозримые массы народа – не только москвичей, но и жителей ближайших городов, пригородов, посадов, сел и деревень – сопровождали крестный ход, блестящею лентою растянувшийся по дороге. День выдался теплый, ясный, безоблачный. Красное солнышко весело сияло в небе; лучи его играли на высоких хоругвях, расшитых золотом и серебром, на дорогих окладах икон, усыпанных самоцветными камнями; на праздничных облачениях духовенства, идущего с крестами в руках. В воздухе разносились звучные голоса соединенного клира, поющего установленные церковные песнопения. Народ шел и молился. Только разве кое-где, сзади и с боков толпы, куда уже не долетали священные песни, идущие вполголоса разговаривали между собою. Но и разговоры велись преимущественно на тему о том же чудотворном образе, который все с нетерпением ожидали. Сведущие люди рассказывали другим историю образа.

«Было сие в стародавние времена, – говорили они, – когда

Киев-град еще не под литовским государем был, а сидел в нем русский князь из рода Рюрикова, Юрий Владимирович. Прозвание ему Долгорукий было, ибо он любил от других князей родовые отчины оттягать да совокуплять их с державством своим. Так вот, пришел к нему раз торговый человек из Царьграда и поднес образ Пресвятой Богородицы. А образ сей, как сказывали, писан был святым апостолом-евангелистом Лукой. И принял киевский князь Юрий Владимирович образ поднесенный с радостью несказанною и поставил его в Вышгороде, в монастыре Девичьем. И стали с тех пор люди православные к образу Пречистой Богородицы притекать в скорбях и напастях и получать через него от Царицы Небесной великие милости...

А когда возрос сын Юрия Владимировича, князь Андрей, опротивел ему Вышгород, ибо находился он в области Киевской, а из-за Киевской области зачастую князья vzdорили. И вот порешил князь Андрей Юрьевич удалиться в Суздальское княжество. А человек он был набожный, благочестивый, всякое дело начинал с молитвою. И обратился он с молитвою к Богу, чтоб указание свыше получить: покидать ли ему Вышгород аль тут оставаться? И пришли к нему клирошане того храма, в коем стоял святой образ, и сказали, что видели оный образ реявшим в воздухе среди церкви, а когда перенесли его в алтарь и поставили за священною трапезою, то образ опять явился вне трапезы. А протопоп того храма пояснил князю, что Пречистая не желает оставаться в Вы-

шгороде, стало быть, и князю Андрею Юрьевичу указание дается покидать киевские пределы, а святая икона будет его спутницею. И поспешил благоверный князь в монастырь Девичий и едва ступил в храм, как увидел, что лик Пресвятой Богородицы сияет паче солнца, а в ушах его как бы раздался некий голос божественный: «Гряди, княже! Аз же сопутствую тебе!..» И упал умиленный князь на колени перед пречестным образом, помолился, молебны приказал служить, а потом взял образ на руки, вынес его и, собравшись с чадами и домочадцами своими, со всем двором своим и дружиною, выехал из Вышгорода в пределы суздальские...

А на пути от Вышгорода до града Владимира многие знамения были. Случилось раз, что послал князь Андрей слугу своего искать брод во встречной речке. А слуга-то попал на глубокое место да тонуть начал. И совсем уж он под водой пропал, как помолился огорченный князь перед чудесным образом – и всплыл слуга наверх цел и невредим, хоть и плавать-то он не умел. Много-много иных чудес творила Царица Небесная через образ Свой. А особливо чудесно указала Она князю Андрею Юрьевичу, где угодно было остановиться Ей. Недалече уж они от града Владимира были; перед ними Клязьма-река предстала. А святую икону на особой колеснице везли; кони княжеские добрые под колесницей были. И остановились вдруг добрые кони как вкопанные, никак их сдвинуть с места не могли. Изумился князь Андрей, изумились и спутники его, но других коней перепрягли и усердно

погонять их стали. Одначе и эти кони не пошли. Пробовали сдвинуть колесницу руками – колеса точно пристыли к земле! Так и попустились они, ничего не сделавши... И уразумел тут князь Андрей, что Владычице Небесной не угодно шествовать далее. И повелел он раскинуть шатры на этом месте, Боголюбовом его назвал, ибо возлюбила его Матерь Божия, молебствие заказал отслужить, обет дал храм и обитель тут воздвигнуть и уж на свободе поехал далее, во Владимир-град, а после того вскорости же обет свой исполнил и даже в Боголюбовом совсем поселился. Так вот чего ради и нарицают князя Андрея Юрьевича Боголюбовым...»

Много-много других рассказов слышалось о чудотворной иконе Божией Матери. Некоторые повествовали и о том, как помогла Небесная Владычица тому же князю Андрею в борьбе с булгарами, на коих он ходил совместно с князем Юрием Ярославичем Муромским. Булгары встретили русских на берегах реки Камы, неподалеку от главного своего города Бряхилова, и стали уже одолевать их, как набожный князь Андрей повелел нести святой образ в самую средину побоища – и враги обратились в бегство, объятые непобедимым страхом...

А вон в других кучках людей, валивших за крестным ходом, слышались сдержанные восклицания:

– Милостива Царица Небесная! Оборонит нас от хана Тимура!.. А на воинство наше уповать нельзя...

– А Тимур уж в пределах рязанских, – робко шептались

некоторые. – Говорят, Елец-город взял, к Рязани идет... Что-то будет? Что будет? Помоги нам, Мати Царица Небесная! Не оставь нас в беде-напасти!..

И вот вышел крестный ход на Кучково поле. Впереди заблестело что-то – сначала далеко и неясно, а потом ближе и ярче. Появилась светлая точка на дороге... В народе пронесли слова:

– Пречистая грядет! Пречистая!.. Видишь, далече светится!.. О, Господи, Господи! О, Мати Царица Небесная! Призри на наше моление! Даруй нам мир и благодать!..

И заволновался православный люд, закрестился, зашептал молитвы, увидав предмет своих благочестивых ожиданий. Дрогнули сердца христианские; благоговейное чувство втеснилось в грудь. Каждый человек сознавал в эти минуты, что решается судьба Руси. Помилует ли Господь русских людей? Предстанет ли Царица Небесная перед Божиим престолом с мольбою об избавлении от зла и страданий рабов Своих?..

И священный трепет охватил всех. Всем как-то страшно было и вместе с тем сладостно взирать на приближающийся чудотворный образ Пресвятой Девы Марии, – тот образ, о котором ходило столько чудесных рассказов. Заслужили ли они небесное заступничество?.. И с потупленными взорами подвигались вперед люди московские, следуя за крестным ходом, встречавшим славную икону Владимирскую.

– Милосердия двери отверзи нам, благословенная Бого-

родица, – вел митрополит с епископами и игуменами, и клир дружно подхватил:

– Надеющиеся на Тя да не погибнем, но да избавимся Тобою от бед: Ты бо еси спасение рода христианского.

– Надеющиеся на Тя да не погибнем, но да избавимся Тобою от бед!.. – слышались вздохи в толпе, и руки истово творили крестное знамение, а глаза наполнялись слезами.

А гостья – святая икона – была уже близко. Несомая престарелыми иереями, сменявшимися на каждом переходе, в десять дней достигла она до стольного града и вызывала теперь живейшую радость у встречающих, возлагавших на нее все свое упование.

За иконою шло много духовенства, примкнувшего к шествию из придорожных городов и селений. Все были в священных облачениях, с крестами и иконами в руках. За духовенством валили толпы народа, среди которого было немало и владимирцев, провожавших свою Госпожу и Владычицу... И вот два крестных хода – один от Москвы, другой с владимирской дороги – стали сходиться...

– А гляньте-ка, гляньте, братцы, какой это человек копошится тут? – зашептались в передних рядах, и удивленные москвичи воззрились по указанному направлению, выглядывая через головы друг друга.

На середине Кучкова поля, как раз между сходящимися крестными ходами, возвышался какой-то помост, сложенный из бревен и досок, а вокруг помоста суетился низень-

кий седенький старичок, накладывающий новые доски так, чтобы образовалось подобие ступенек, по которым бы можно было взобраться наверх...

– А кто там осмелился вперед залезать? Убрать его оттолева! – подняли было голос тиуны великокняжеские, наблюдавшие за порядком, но митрополит шепнул два слова одному из архимандритов, и тот махнул рукою на блюстителей порядка:

– Не замай его! Владыко не велел...

– Да это юродивый наш! Федор-торжичанин! – заговорили москвичи, узнавая «блаженненького». – Вот трудился он для чего! Вот место почетное для кого уготовлял! И воистину приходит Гостья великая, знаменитая, мир и спасение Она несет! Не на ветер были речи его...

– А место здесь грязное, сырое, – толковали другие, – не лишним будет помост такой. Есть где образ честной поставить, когда учнут молебен да величание петь...

– А нам, грешным людям, неведомо было, где встреча случится. И мы бы построили помост, но не знали, в каком месте...

– А где ж он пропадал по сей день? – интересовались некоторые, не видавшие Федора уже давно, тогда как раньше он всегда был на глазах. – Не во Владимир ли град ходил?

– В Симоновом, кажись, он обретался, недужен был, – поясняли сведущие. – Немочь какая-то приключилась... от лихих людей...

– Кто же обидел его? Какой лихой человек?

– А об этом на ушко говорят. Да и не время о сем рассуждать теперича... не такой час. Бог с ними и с лихими людьми. Не гневается на него сам Федор, значит, и нам толковать нечего!..

Шествие чудотворной иконы приближалось. Точно жар, горела на ней драгоценная риза, в которой, по преданию, одного золота было до пятнадцати фунтов, кроме серебра, жемчуга и камней самоцветных. Лучи солнца падали прямо на лик Богоматери строгого греческого письма, и десятки тысяч глаз устремились на чудесный образ, славный со времен Андрея Боголюбского... Народ остановился и затих: крестные ходы сошлись. Святая икона была внесена на помост Федора-торжичанина и поставлена на верхних досках, поддерживаемая седовласыми иереями. Юродивый упал ниц перед Небесною Гостьею и залился слезами...

– Мати Божия, спаси землю Русскую! – воскликнул он прерывающимся голосом и зарыдал еще сильнее, положительно захлебываясь слезами.

В народе произошло движение. Точно огонь какой проник в сердца православных. В воображении всех представились грозные полчища хана Тимура, еще никем не виданные здесь, но страшные уже одною своею таинственностью. Картины вражеского нашествия развернулись перед мысленными взорами всех с такой поразительной отчетливостью, что ужас обуял собравшихся и все, как один человек, упали на

колени, крестясь и всхлипывая и простирая к иконе руки.

– Мати Божия, спаси землю Русскую! – вырвался вопль из тысячи русских грудей, и громкие рыдания потрясли воздух, заглушив пение церковного клира и молитвенные возгласы иереев и дьяконов.

– Под Твое благоутробие прибегаем, Богородица, моления наши не презри во обстоянии, но от бед избави ны, едина чистая, едина благословенная! – неслось пение, и, повторяя слова молитвы, народ проливал слезы умиления, исполняясь какого-то неясного предчувствия.

Трудно описать то волнение, которое овладело окружающими, когда, после торжественного молебствия, троицкий игумен Сергей обернулся к народу и произнес вдохновенным голосом:

– От лица святителей, здесь собравшихся, по воле владыки-митрополита возвещаю я: не сокрушайтесь, не отчаивайтесь, братья, возложите печаль свою на Господа, молитесь Пресвятой Деве Марии, и пройдет мимо туча грозовая! Все упование свое возложим на Матерь Божию, и сохранит Она нас под кровом Своим!..

– О, Мати Божия, спаси нас и веру русскую!.. – слышалось везде, перемежаясь со священными возгласами, и над Кучковым полем только гул стоял от плача и рыданий собравшихся людей, растроганных до последней крайности.

А святая икона возвышалась над морем человеческих голов, как солнце сияя и светясь, и божественный лик Богома-

тери как-то кротко и любовно взирал на коленопреклоненный народ, прибегающий к Ее державному покрову и заступничеству...

И чудесное действие произвел на всех вид честного образа. Страх и смятение исчезли. Плач и рыдания прекратились. Осталось ощущение какой-то необъяснимой бодрости перед грядущими событиями, и присутствующие, уже наполовину успокоенные, усердно молились всеблагой христианской Заступнице, никогда не покидавшей в беде и напасти православных людей.

Митрополит Киприан, епископы, архимандриты, иереи и весь причт церковный воссылали сообща, соборно, мольбы к престолу Всевышнего – и дошла до Неба их молитва. Пресвятая Владычица вняла воплю своих рабов. Внезапно упал на колени перед изображением Царицы Небесной троицкий игумен Сергей и воздел кверху руки.

– О, Пресвятая Владычица Богородица! О, Пречистая Дева Мария! – прозвучал в наступившей тишине его кроткий голос, трепетавший как натянутая струна. – Не забыла Ты нас, недостойных рабов Своих, приняла нас под покров Свой святой. Да будет благословенно Имя Твое во веки веков!

– Аминь! – заключил митрополит и, радостный, светлый лицом, подошел к Сергию, взял его за руку, поднял с земли и поцеловал в уста.

– Святый отче! – вымолвил он. – Отрадно нам слышать от тебя словеса подобные!.. Спасена земля Русская! Говорит

твоими устами дух пророческий...

– Грешный человек я, владыко, не пророк. Но крепко я в Бога верую и сердцем чувую, что Царица Небесная спасет нас!

– Да будет по слову твоему. А засим двигаемся на стогны московские, внесем Гостью Высокую во храм честного Ее Успения и поставим на открытом месте. А на площади сей создадим после обитель в память сретения чудотворного образа Божией Матери.

– Доброе дело, владыко. Не забудем мы Царицу Небесную, и Она не забудет нас.

Икону сняли с помоста, приняли на руки уже миряне и понесли к городу, над которым разливался торжественный трезвон колоколов, гудевших по всем направлениям.

Радостно переговаривались между собою москвичи, рассуждая о словах игумена Сергия, рассеявших остаток страха и тревоги. Подала Пречистая Богородица мир и спасение земле Русской, так святой подвижник сказал, значит, все благополучно обойдется!.. И поспешно забежали вперед набожные люди, падали на землю и ожидали, чтобы чудотворный образ был пронесен над ними. Впоследствии стало известно, что несколько тяжелобольных получили исцеления, когда приложились к святой иконе. Ликованию жителей Москвы не было пределов.

– Спасена земля Русская! – говорили все с полным убеждением в этом и служили благодарственные молебны перед святой иконою, когда последняя была внесена в Успенский

собор и поставлена на открытом месте для поклонения.

А в темном уголке собора, заслоненный массивною колонною, молился Федор-торжичанин, шепча восторженно:

– О, Мати Божия! Чем может ублажить Тебя люд православный, чем возблагодарит за столь дивное заступничество? Не отринула Ты мольбы грешников заведомых, учинила по прошению их!.. О, Мати Божия, да будет препрославлено Имя Твое и день сей на Русской земле во веки веков!..

XI

По дремучим лесам рязанской земли, известной суровым духом своих обитателей, упорно отстаивавших свою независимость от московских притязаний, пробирался одинокий всадник, держа направление к берегам Дона. Одежда на нем была воинская: старая заржавевшая, но крепкая еще кольчуга, снабженная стальными надлокотниками и надколенниками; на голове была низкая железная шапка-мисюрка, украшенная красным еловцем¹⁴ на верхушке. Через плечо висел меч, а через другое – колчан с стрелами довольно тонкой выделки; лук был прикреплен к седлу так, чтобы можно было всякую минуту схватить его. Из-за пояса торчал буздыган, или кистень, а за голенищем виднелся нож-засапожник. Длинная сулица, или копье, и щит ярко-красного цвета дополняли его вооружение.

Несмотря на преклонные лета, что доказывалось окладистой седою бородою, вид проезжающего воина был здоровый, бодрый. Плечи у него были, что называется, в косую сажень, а грудь выпуклая, широкая, так и вызывающая представление о богатырской силе. Он сумрачно глядел вперед своими зоркими, слегка прищуренными глазами и недовольно ворчал про себя:

¹⁴ Еловцами назывались небольшие куски сукна или бархата, вырезанные в виде флажка. Ими украшали шишаки и шеломы. (Примеч. автора.)

– Экая сторонка, прости господи! Ни дорог настоящих, ни жилья крестьянского, только один лес да лес! Вот уж двое сутки еду по этой тропинке, а ни единого человека не встретил! Да и ладно ли я путь держу? Не разберешь у этих рязанцев: один так говорит, другой – инако, а третий и вовсе слова не скажет! Нет, мол, нужды нам растабаривать со всяким встречным; едешь, так знай куда, а не знаешь, так и не напускайся! А мы тебе не советчики!.. Я к этому Олегу с добром подъехал, а он меня чуть на осину не вздернул. Захотел, вишь, с Москвой дружить. Да погодите ж вы, и Рязань, и Москва проклятая, собьет эту спесь хан Тимур! А я до него добьюсь-таки, укажу, как на Москву идти... Подпущу пыль в глаза... Попомните вы, москвитяне, и рязанцы тож, новгородца Рогача Ивашку! А ты, князь пресветлый московский, вспомнешь, как в родной земле моей народ губил! Хан Тимур сокрушит тебя! С ним тягаться ведь не то что с красными девицами тешиться, как в Сытове ты, к примеру сказать, тешился! Пропел я тогда былинку про ушкуйников, а вскорости хан Тимур иную былинку пропоет, а я присказку подготавлию!.. Не помилует Москву владыка чагатайский!..

Рогач рассмеялся недобрым смехом, подобрал опущенные было поводья, внимательно огляделся кругом и, видя, что впереди лес начал просвечивать, припустил коня легкою рысью.

– Никак, жилье близко, дымом пахнуло, – пробормотал он, вода носом по воздуху. – Ну, так и есть. Вона коровен-

ка чья-то по полянке бродит, собачонка забрехала. Не иначе как деревенька придонская, на берегу Дона-реки стоит аль недалече от Дона. Стало быть, нетрудно и до Тимура добраться. Говорят, он по берегам Дона двигается... Что ж? Доберусь до него, а там не хитро ему соловья в зубы запустить. Благо я по-басурмански разумею, любого татарина за пояс заткну на разговорах. Только бы перед лицо ханское меня допустили, объехал бы я его кругом... В проводники бы вызвался да через Рязань прямо бы на Москву его привел!..

Он опять усмехнулся какою-то зверскою, отвратительною усмешкою, скрипнул зубами от предвкушаемого удовольствия видеть погибель Москвы и выехал из чащи леса на обширное луговое пространство, на середине которого расположилась небольшая деревенька, состоящая из восьми или десяти дворов.

Жестокий и мстительный человек был Ивашка Рогач, происходивший из рода новгородских торговых людей. Недавно еще считался он богатым человеком, да и был таковым на самом деле. В Торжке у него был большой склад товаров, получаемых непосредственно от немецких купцов. Дом его был чаша полная; семейство состояло из жены-старушки, женатого сына и дочери. Жил он с семьею счастливо, хотя и досаждал иногда домашним своим тяжелым нравом; с покупателями обходился добросовестно, и товар у него расходился бойко. Но вот в 1393 году возгорелась ссора между Москвою и Великим Новгородом, в Торжок нагрянула московская

рать и взяла город почти без сопротивления. Московские военачальники запретили грабить торжичан, но в происшедшей сумятице трудно было соблюсти порядок. Москвитяне пощупали-таки бока многих горожан, а разграбленные дома подожгли. При этом сгорели хоромы и новгородского купца Ивана Панкратьевича Рогача со всем добром, уцелевшим от грабежа, а вместе с хоромами пропали без вести и его домашние. Рогача в это время не было дома: он ездил в Новгород по какому-то делу, и когда вернулся в Торжок, то нашел одни дымящиеся развалины от своих хором. Семейные оказались тоже погибшими при пожаре, когда они, по всей вероятности, спрятались от неистовствующих москвитян, да так и сгорели в своих убежищах. Рогач был потрясен: из богатого купца он превратился в нищего, из семейного человека – в бобыля! И страшно рассвирепел он на московских людей, горю и ярости его не было пределов. Он тут же, на пепелище своего дома, поклялся, что отомстит злодеям... но кому мстить? Личности прямых виновников несчастья были ему неизвестны: грабеж и пожар в Торжке учинились от москвитян скопом, то есть не одним, не двумя человеками, а, может быть, целыми тысячами. Как среди них отыскать злодеев?.. И сообразил тут бывший купец Иван Панкратьевич Рогач, тотчас же после разорения превратившийся в Ивашку Рогача, что виноваты не ратники, учинившие грабеж, а виновато московское правительство, напустившее ратников на мирных граждан, виноват великий князь Василий Дмитриевич

со своими советниками, виновата вся Москва, безжалостно расправлявшаяся с новгородцами, – и решил он мстить всей Московской державе, которую возненавидел всеми силами своей души. Сначала он побывал в Новгороде и горячо говорил на вече, живописуя жестокости москвитян, а потом возвратился в Торжок и поднял на ноги горожан, науськивая их на московских доброжелателей. Войска великокняжеского уже не было, некому было задать острастку смельчакам, – торжичане исполнились задора по отношению к Москве и зашумели на собранном вече. Криков, ругательств, угроз было много, страсти разгорелись сильно, но от слов к делу никто не переходил. Один Рогач обагрил себе руки человеческою кровью. Разъярившись на почтенного старика боярина Максима, известного своим тяготением к Москве, он бросился на него с ножом и уложил на месте... Задуманный бунт не удался. Торжичане тотчас же затихли, едва увидели кровь, страшась последствий злодеяния. Рогачу пришлось спасаться бегством из Торжка, где сами горожане хотели схватить его, чтобы выдать Москве. После того он узнал, что его смутьянство дорого обошлось Торжку-городу: семьдесят человек торжичан были схвачены и казнены в Москве... Рогач был обескуражен, но не надолго. Месть нельзя было остановить. И вот он принял на себя вид певца-гуслира и начал расхаживать по городам и селам Руси. Был он и в Новгороде, и во Пскове, и в Твери, и в Рязани, и в Ростове и везде, под видом былин, рисовал московское самовластие. Талант ска-

зителя был у него несомненный: он удивительно легко и свободно сочинял «сказки и присказки, сиречь словеса укладливые», – и многие князья-бояре заслушивались его. Но на Москву никто не смел ополчаться: сильно уж страшна она казалась. Хитроумные подходы Рогача не вели ни к чему. Куда было бороться с Москвою, становившеюся все сильнее и сильнее?.. И махнул рукою на нерешительных князей Рогач, видя, что его труды пропадают даром. Надо было придумать нечто другое. И решил он идти в Москву, для чего примкнул к обозу новгородского наместника Евстафия Сыты, переславшего из Новгорода домой разное добро целыми сотнями возов. Сначала он не знал, что будет делать в Москве. В голове его мелькали мысли даже об убийстве великого князя Василия Дмитриевича. Но он тут же рассудил: ну убьет он московского властителя, а на его место другой сядет, пожалуй, еще грознее убитого, и хуже старого дело пойдет. Нет, это не месть! Следовало отомстить так, чтобы московское державство как дым от дуновения ветерка разлетелось!.. И случай натолкнул Рогача на мысль о чувствительной мести. Сначала в Сытове, где бывший купец пропел былинку про ушкуйников великому князю, а потом в Москве, куда он тотчас же устремился, ему стало известно о нашествии на Русь Тамерлана, надвигавшегося со стороны Волги, – и Рогач воспрянул духом. Вот где погибель для Москвы, если подвести врагов к стольному граду и предать его в жертву варварам! Многие москвитяне надеялись, что Тимур испугается дремучих

лесов и болот, покрывающих великое княжение, и не отважится углубляться в дебри севера; вдобавок приближалась осень, а за осенью недалеко была и зима, страшная своими снегами и морозами. Монголы – народ непривычный к стуже; быть может, они и обратятся вспять, не желая зимовать на севере?.. Этого-то и не хотел допустить Рогач, для чего он придумал немедля же ехать навстречу Тимуру, так или иначе пробиться к нему и пленить его воображение рассказами о великих богатствах московского княжения, хотя богатства эти, в сущности, были не настолько огромны, чтобы славный завоеватель мог польститься на них.

Рогач решил не жалеть красок. Что за нужда, если слова его окажутся впоследствии ложью! Он во сто раз, в тысячу раз увеличит в глазах Тимура то, что есть на самом деле. Тимур двинется на Москву, разгромит великое княжение, предаст огню и мечу все живущее – а этого-то ему, Рогачу, и надо было! А на Новгород монголы не пойдут, как не пошел туда Батый полтора года тому назад. И, успокоенный с этой стороны, Рогач приготовил коня в укромном месте, разжился дорожными запасами и хотел было уже выехать из Москвы, но в порыве ликующей злобы не мог удержаться, чтобы не попытаться счастья в народе, то есть попробовать возмутить его против правителей. Попытка его не удалась: москвитяне были не новгородцы, которые бунтовали из-за каждого пустяка. Особенно возмутила москвичей грязная клевета на митрополита, обожаемого простым народом, и смутьян едва

унес ноги. Тогда он, уже без задержки, сел на коня и крадучись выбрался из стольного града, чтобы ехать к грозному завоевателю Тимуру.

Долго он пробирался путями прямыми и окольными, дорогами торными и тропинками еле заметными и наконец достигнул Рязани. Там он явился к князю Олегу Ивановичу, зная его враждебное отношение к Москве, и произнес приблизительно такую речь:

– Княже великий!¹⁵ Заведомый недруг тебе, князь московский, всегда против тебя замышляет. И не токмо умышляет, но и чинит всякие пакости к твоему, княже, вреду и уничтожению. Вестимо, ты свойственник ему нынче, сын твой, княжич Федор, на сестре его женился, но разве князь Василий Дмитриевич поглядит на свойство да на родство близкое? Не таков он человек зародился, давно уж нож на тебя точит... Послушай меня, княже великий. Есть слух, что на Русь Тимур-воитель идет, а воинства с ним сорок тем. Пошли ты к нему послов тайных, скажи, что заедино с ним готов на Москву идти, и спасется твоя земля от разорения, а Московское княжество сокрушится!..

– А ты откуда приехал? – спросил его князь Олег, хмурия свои седые брови.

– От Москвы, государь.

¹⁵ Князь Олег именовался великим князем рязанским, и даже московские владетели признавали его в этом достоинстве. В описываемую эпоху великих князей было трое на Руси: московский, тверской и рязанский. (Примеч. автора.)

– А роду какого ты?

– Торговым человеком я был, но москвитяне по миру меня пустили...

– Так ты не москвитянин, значит?

– Боже меня сохрани москвитянином быть! В Новгороде Великом родина моя...

– Ага! Новгородец ты! А какой ты веры: русской аль, может, татарской?

Рогач вытаращил глаза.

– Да разве неведомо твоей милости княжьей, что в Новгороде православные люди? Вестимо ж, православный я!

– А чего ж ради ты не по-православному живешь? Аль в Новгороде вашем в обычае родную землю на разграбление врагам предавать? Аль ты меня за иуду-хриstopродавца почел, что на такую измену подбивать дерзнул? Ах ты, смутьян окаянный! С московским князем великим мы в дружбе состоим!.. А твоих речей я слушать не хочу! Знаю я вашу новгородскую породу: вам бы все мутить... Гей, люди! Взять человека сего да на осину вздернуть!.. А хан Тимур авось не дойдет до нас... На осину, на осину его!..

Старый князь Олег разгорячился, раскричался на опешившего Рогача, ударил его костью по голове и передал на руки детей боярских с приказанием вздернуть негодника на первое дерево, но на осину непременно.

Дети боярские повлекли новгородца в ближайшую рощу, чтобы исполнить приказ князя, но в самый решительный мо-

мент, когда веревка уже была накинута на шею Рогачу, прибежал посланец Олега и объявил, что государь раздумал казнить изменника, а повелел в темницу его заключить, дабы после в Москву его отправить за стражею.

– Ах ты, княжище рязанское! – яростно ругался Рогач, очутившись за решеткою. – Экую каверзу учинил – меня задержал!.. Задумал с Москвою дружить!.. Подведет тебя московский князь... подведет! Даром, что он молокосос пред тобой, а ты волк бывалый! Советники у него опытные есть, вот тот же князь Владимир Андреевич... Только бы вырваться мне отसेлева, насолил бы я и Рязани и Москве!

Тюрьма была крепка. Не представлялось никакой возможности выбраться наружу. Он тщательно обшарил стены темницы, попробовал крепость решетки, подергал дверь и, видя, что силой ничего не возьмешь, невольно присмирел до поры до времени.

«Против рожна не попрешь, стало быть, – подумал он. – Сразу отселя не выйдешь. Вот обожду немного... авось подвернется случай...»

И случай действительно подвернулся.

На третьи сутки своего заключения Рогачу представилась возможность убить тюремного сторожа, принесшего ему пищу, и он ночью вышел из темницы, прошел между спящими дружинниками, приставленными для караула над подвалами, в которых содержали преступников, выбрался за черту города и скрылся в ближайшем лесу, не забыв прихватить

добрého коня, пасшегося на городских лугах.

Через сутки после этого изворотливый новгородец был уже далеко от Рязани, едучи не обратно, а вперед, к берегам Дона, куда, по слухам, шел Тимур со своими полчищами. По дороге он завернул в одно селение, отыскал старого воина, живущего на покое, купил у него полный воинский уряд, то есть доспехи, оружие и щит, и, превратившись в почтенного витязя, отправился далее, спеша к намеченной цели.

Немало дней провел он в пути по рязанской земле, тянувшейся вплоть до Дона. Да и за Доном шла рязанская земля, как, по крайней мере, считали рязанцы. Впрочем, понятия о тогдашних границах были самые смутные, и князья не знали, где, собственно, кончаются их владения и где начинаются чужие. Таким образом, Рогачу не было достоверно известно, миновал ли он русский рубеж или же продолжает пробираться по Рязанщине. Маленькая деревенька, в которую он въезжал после двух дней пути по дремучему лесу, сильно обрадовала его.

– Эй, тетка! – закричал он первой бабе, встретившейся ему у крайней избы. – Далече ли до Дона отселева?

Баба поглядела на него и ухмыльнулась:

– А ты, никак, ослеп, старче, что речушку перед собой не видишь? Ведь это же Дон-то и есть.

– Как Дон? – выпучил глаза Рогач, ожидавший увидеть широкую величавую реку, тогда как указанная «речушка» была действительно речушкой, а не рекой.

– А так же и Дон, как Дон! Речушка сия прозывается...

– А как же я слышал раньше, быдто Дон этот – река вельми широкая?

Баба опять ухмыльнулась:

– А коли слышал, так и ищи широкий Дон пониже сего, а здесь только зарождается он! А ниже Дон-река воистину широка и глубока...

Рогач кивнул головою:

– Добро, разумею я. А чьи вы люди будете?

– А люди мы ничьи, на воле живем. Мужики наши только дымовое платят князю рязанскому, коли сборщики князьи до нас достигнут. А потом без стеснения мы.

– А не слышно ли у вас, – медленно заговорил новгородец, пристально смотря на собеседницу, – не подвигается ли с низовьев Дона-реки Тимур-воитель со своим воинством?

– Кажись, гуторят что-то. Елец-город, бают, взял, в верховья идет... Да я баба темная, мало знаю. А вот войди в избу, там у меня муж сидит, лапти плетет. Он тебе расскажет, что и как... Да ты не сборщик ли из Рязани? Не за дымовым ли приехал? – спохватилась баба, испугавшись, что могла пригласить к себе такого человека, который ни для кого не был дорогим гостем.

Но Рогач успокоил ее:

– Не бойся, не сборщик я. Я человек дорожный, не из Рязани совсем. А еду я в низовья Дона по делу своему.

Он слез с коня, пустил его на луг щипать траву и вошел

в избу.

Тут Рогач узнал, что полчища Тимура двигаются по правому берегу Дона; что город Елец, в котором господствовал князь Федор Карачевский, данник Олега Рязанского, уже взят грозным завоевателем; что жители встречных сел и деревень поголовно истреблены монголами, не желавшими даже брать пленных. Мужик, который рассказывал об этом, уверял, что если ехать немешкотно по берегу Дона книзу, то в три-четыре дня можно было достигнуть до Тимура. За безопасность же своей деревеньки он не боялся. По его мнению, монголы не захотят продираться по дремучим лесам, раскинувшимся в верховьях Дона, а, наверное, переправятся через Дон неподалеку от Ельца, чтобы идти на Рязань и Москву людными, населенными местами. Таким образом, деревенька осталась бы в стороне, на что жители ее и надеялись, спокойно занимаясь своими домашними работами.

– А откуда ты уведal про сие? – спросил Рогач у мужика, выслушав рассказ.

– Земля слухом полнится, старче. Вечор много человек с низовьев прошло, все от Тимура бегут... А нам что? Наше дело сторона. На наше место не набежит враг, потому как во все стороны от нас на два дня пути жилья человеческого не повстречаешь... А ты зачем же в ту сторону спешишь? – в свою очередь, осведомился мужик у Рогача, выложив перед ним все, что знал о Тимуре.

– Дело такое есть, тайное дело, о чем никому сказать нель-

зя, – ответил новгородец и, дав отдохнуть своей лошади, оставил деревеньку, направляясь в низовья Дона, навстречу покорителю царств, Тимуру-воителю.

XII

Среди зеленой необозримой равнины, на берегу «тихого Дона», раскинулся стан грозного хана Тимура.

Глазом не окинуть ряды костров, разложенных бесчисленными воинами сагеб-керема (владыки мира). Над кострами висят котлы, в которых варится похлебка; кое-где положены на огонь целые туши диких коз, сайгаков и других животных, заловленных в встречавшихся лесах и степях. Запах вареного и жареного мяса наполняет воздух и приятно щекочет обоняние непритязательных сынов Азии, сидящих перед кострами на корточках и ожидающих той блаженной минуты, когда можно будет приступить к трапезе.

Несколько поодаль от костров, на зеленой сочной траве, пасутся выносливые кони монголов – их верные товарищи в походах, сопряженных с быстрыми передвижениями. Табуны лошадей были огромны; ржание, фыркание их производили смутный шум, усиливаемый бряцанием наборных уздечек и сбруй, украшенных по мере именитости каждого всадника. Местами виднелись верблюды, забавно вытягивавшие кверху свои длинные шеи и испускавшие пронзительный рев, если что-либо вызывало их недовольство. Эти «корабли пустыни» служили для перевозки тяжестей – и одному Богу известно, сколько сокровищ перенесли они на себе, когда хан Тимур ходил громить такие богатые страны,

как Индия, Сирия и Египет!

На пологом береговом холме, в отдалении от места расположения простых воинов, возвышались многочисленные палатки эмиров, князей, воевод, вельмож и знатных чиновников – главных сподвижников «владыки мира». Палатки были раскинуты правильным кругом, охватывающим вершину холма, где стоял шатер Тамерлана, превосходящий все другие своими размерами и великолепием.

Утвержденный на высоких столбах, окованных золотом, укрепленный серебряными цепями, протянутыми между столбами, шатер хана отличался еще тем, что был устроен из тонкого голубого шелка, имевшего громадную ценность. Весною и осенью, когда воздух был сыр и прохладен, шатер покрывался сверху теплыми, непроницаемыми для дождя кошмами, служившими чем-то вроде чехла. К зимнему времени Тимур почти всегда возвращался в свою столицу Самарканд, где у него было много великолепных дворцов, наполненных произведениями искусства и предметами роскоши, награбленными в покоренных городах, – летом же шелковая ткань являлась самым удобным покровом, пропускающая полевой воздух с ароматами распускавшихся цветов, до которых был большой охотник властитель чагатайский.

Да, как это ни странно, великий полководец, равнодушно взиравший на массовые убийства совершенно безоружных людей, встречавшихся на пути его полчищам, любил цветы и щедро награждал восточных поэтов, воспевавших приро-

ду в своих поэмах. Придворные знали эту слабость могучего владыки и украшали цветами не только его самаркандские дворцы, но и шатры в походах, когда, собственно говоря, ничего подобного повелителем не требовалось, потому что полевые цветы всегда были пред глазами.

Вокруг роскошного шатра сагеб-керема, отливавшего на солнце своей шелковой тканью, стояли в три ряда рослые красавцы телохранители, одетые в позолоченные доспехи. Это были не монголы, нет; это были большею частью представители кавказских народностей, отличавшиеся телесной красотой. Были тут грузины, черкесы, кабардинцы, лезгины и другие; были даже дунайские славяне, перешедшие к Тимуру из турецкой службы после того, как гордый султан Баязет был разбит и пленен монархом чагатайским. Эти люди нелицемерно были преданы своему повелителю, привязавшему их к себе многими милостями. Телохранителей насчитывалось до двенадцати тысяч. Каждые сутки начальник их разделял подчиненных на четыре части, по три тысячи в каждой, одну часть приводил к ханскому шатру для «почетной охраны», другую рассыпал по всему стану кучками человека в два-три, «дабы были они ушами великого хана, дабы видели и слышали все, что делают и говорят люди чагатайские» (таков был приказ Тамерлана), а остальные две части, то есть шесть тысяч человек, оставались на отдыхе до тех пор, пока не нужно было сменять товарищей, отработавших положенные двенадцать часов.

Из всего этого видно, что могучий владыка мира не забывал былых времен, когда он, собирая воедино чагатайскую империю, зачастую видел измену и предательство вокруг себя. Телохранители-иноплеменники являлись истинными «ушами и очами хана», и благодаря им Тимур мог быть уверенным, что всякое слово и дело, касающееся его особы, донесется до него без замедления.

– Как Бог на Небесах, так я на земле должен все видеть и ведать, – иногда говаривал он, слушая донесения начальника преданной стражи. – Рука моя высока, но немало есть эмиров и князей властолюбивых, которые рады меня в землю зарыть. Безумцы завидуют моей славе, моему величию, но если бы знали они, что значит быть сагеб-керемом, какая тяжесть лежит на раменах моих, они бы не завидовали! Какие речи слышатся в стане, князь Бартом?

– Славят твои подвиги, хан великий, – отвечал начальник охранной стражи, происходивший из рода грузинских князей, но принявший магометанство при вступлении на службу к Тамерлану. – Эмиры, князья, воеводы невольницами прекрасными услаждаются, вино, пиво пьют, «Фатенамей-Кипчак»¹⁶ поют, а воины мясо едят, кумысом запивают да твое великое имя прославляют! Нигде не слышно слова супротивного, поносящего твою честь ханскую!..

¹⁶ «Фатенамей-Кипчак» в переводе означает «Торжество кипчакское». Это была монгольская песня, сложенная по поводу победы Тимура над Тохтамышем за четыре года до описываемых событий. (Примеч. автора.)

По лицу хана Тимура мелькала презрительная улыбка.

– Не родился еще такой человек на свете, который бы осмелился ныне явно на меня восставать! Тайно, ведаю я, многие бы рады были погубить меня, но явно... О, Аллах! О, пророк Магомет! Кто дерзнет восставать на владыку мира, перед которым трепещут народы?!

Князь Бартом с благоговением внимал словам властелина, удостоившего его милостивым разговором, и восклицал в почтительном восторге:

– О, пресветлейший, высочайший хан! Слава твоя гремит по всей вселенной! Многие царства мира у ног твоих! Кто осмелится восставать на тебя, великого и мощного?.. Ты – Бог земной! На тебя ли возноситься дерзкою мыслью кому-либо из ничтожных смертных?!

– Ты льстишь мне, Бартом, – снисходительно улыбался Тимур, – но лесть от чистого сердца не порок. Сердце твое открыто для меня, и я всегда награждаю тебя по заслугам твоим.

– Готов умереть за тебя, хан пресветлейший! – ударял себя кулаком в грудь Бартом, отличавшийся большой горячностью в проявлении своих чувств, и на коленях выползал из шатра, забывая в такие минуты, что он грузинский князь и по происхождению не ниже «владыки мира», ведущего свой род от одного незначительного князька в империи чагатайских монголов.

А хан Тимур, упоенный своим величием, оставался в

непринужденной позе на драгоценных коврах, устилавших землю в его шатре, и погрузился в глубокие думы...

На берегу тихоструйного Дона, по взятии города Ельца, Тамерлан стоял уже более недели, не отдавая приказа выступить далее, и приближенные ума не могли приложить, что заставляет великого полководца бездействовать, когда следовало бы быстро и решительно идти в глубину Руси, если намерение воевать руссов не было оставлено им.

– Что случилось с великим ханом? – удивлялись князья и эмиры, втихомолку рассуждая о делах грозного завоевателя. – Почему он вперед не идет? Неужели испугался он лесов да болот русских, что путь нам преграждают? Да нет, не может того быть. Раньше мы гораздо труднейшие места проходили. Что-то другое тут...

– А на Руси, говорят, немного войска наготове есть, – добавляли другие, осведомленные об этом от елецких пленников, которые после допроса были тотчас же умерщвлены. – Скорее бы нагрянуть туда. Прошли бы из конца в конец страну сию, города бы взяли, князей бы полонили да с добычей домой бы ушли. А здесь ради чего даром стоять?

– На все воля хана пресветлого! – вздыхали воинственные монголы и покорялись своей участи, терпеливо ожидая той минуты, когда встряхнется задремавший исполин и прикажет идти вперед.

А хан Тимур все медлил и медлил. Целыми днями полулежал он на пышных коврах, расшитых живописными узо-

рами, и предавался отдыху и думал.

О чем же думал сагеб-керем – владыка мира?

О, думы его были всеобъемлющи!

Могучий, прославленный завоеватель, из ничтожества поднявшийся на недосыгаемую высоту, покоривший двадцать шесть держав в трех частях света, он не находит себе равного среди земных царей, считая их ничем перед собою.

Кто равен ему, властителю вселенной?!

Никто, решительно никто не может соперничать с ним по силе, по славному имени, по многочисленности одержанных побед, по необъятности своих владений, тянувшихся от моря до моря. Да что от моря до моря? Моря не задерживали его. Он обходил их, если это было можно, или же переправлялся через них на огромном флоте и распространял свои завоевания за морями, сокрушая все огнем и мечом. Человечество трепетало перед ним – новым бичом Божиим, какого не бывало со времен Аттилы. Сам Чингисхан, завету которого он следовал: «Покорять весь свет под свою руку», не имел такого могущества, как он. Чингисхан овладел только областями китайскими, Тибетом, Великою Бухарией, страной турок-сельджуков, нынешним Кавказом, степями половецкими, а при сыне его Октае, или Угадае, была покорена Русь, – хан же Тимур господствовал в Древнем Иране, или Персии, в Грузии, на Кавказе, на всем пространстве Азии от моря Аральского до Персидского залива, от Тифлиса до Евфрата и пустынной Аравии. Индия, Сирия, Египет были в

его руках; император греческий, султаны мамелюков и османов признавали себя его слугами; сам гордый султан Баязет, ужасавший Европу своими завоеваниями на берегах Черного моря, был побежден и пленен сагеб-керемом; славные богатством города Ормус, Багдад, Дамаск, Смирна, Дели сдались на милость победителя. Батыева держава, то есть Золотая Орда, рассеялась перед ним как дым. Лучшая половина мира, по признанию Тимура, принадлежала ему. Оставалась слабая Европа, а за нею Африка, куда уже заносилась смелая мысль владыки мира. Но... какая непостижимая сила держит его на берегах Дона? Почему он не идет вперед, в глубину неведомой страны, открывавшейся его взорам? Не робость, не боязнь неудачи останавливает его. Нет, эти чувства были неизвестны его твердой как сталь душе. Что-то другое положило предел победоносному шествию повелителя чагатайских монголов...

На тринадцатый день своей стоянки на берегу Дона Тимур особенно был не в духе. Знаменитые князья и эмиры собрались к его шатру, ожидая обычных приказаний, но не показал им лица своего грозный владыка. Среди многочисленных придворных служителей, следовавших за Тимуром даже в походах, царило смятение. Двое беков, то есть дворян, помогавших властителю подняться с ложа при утреннем его пробуждении, сделали какую-то неловкость, а разгневанный сагеб-керем приказал отрубить им головы. Один слуга, опавший повелителя огромным веером по причине жарко-

го времени, не мог удержаться, чтобы не чихнуть, и великий хан повелел задушить его. Любимые жены Тимура, с лютнями в руках, хотели было развеселить его песнями и плясками, но Тимур так мрачно поглядел на них, что они поспешили исчезнуть...

– Великий хан гневается! Великий хан гневается!.. – пронеслось по всему стану, и мертвая тишина воцарилась кругом, точно не четыреста тысяч человек тут собралось, а только четыре десятка.

Монголы любили своего главного вождя, но и боялись его. Характер Тимура был таков, что в гневе он все мог сделать. И поэтому едва стало известно, что великий хан гневается, как в необозримом стане монголов все затаили дыхание и даже лошадей отогнали подальше, чтобы ржание и топот их не долетали до высокого слуха повелителя.

И тихо-тихо стало около огромного шатра владыки мира. Служители ходили на цыпочках. Эмиры, князья, воеводы и прочие вельможи, собравшиеся на лужайку перед временным жилищем Тимура, потупили глаза в землю и молчали. Красавцы телохранители, в золоченых шлемах и доспехах, с обнаженными мечами в руках, тройным рядом стояли вокруг шатра и, казалось, замерли в этом положении. В отдалении виднелись массы бесчисленных воинств Тимура, притихнувших по мановению рук своих начальников, и в каждой голове мелькала робкая мысль:

«А что пресветлейший хан? Усмирилось ли сердце его?»

Покинули ли его думы мрачные?.. Наставь его, великий Аллах, на милость к слугам своим!»

А виновник этого переполоха, полулежа на груди подушек, сурово нахмурил брови и, вперив очи в шелковый верх шатра, думал тяжелую думу.

Что-то удерживало его. Какое-то властное чувство, в котором он не мог отдать себе отчета, точно шептало ему:

– Не ходи далее! Не ходи! Если же пойдешь ты, счастье отвернется от тебя!

И всегда деятельный владыка мира ныне бездействовал, не двигаясь ни взад ни вперед.

«О, Аллах! О, великий пророк Магомет! – мысленно восклищал Тимур, устремляя глаза кверху. – Зачем вы оставили меня? Я ли не воздвигал вам мечетей, я ли не истреблял неверных во славу Божию, а в сии дни вижу, что разум мутится у меня. Не смею я вперед идти... Не смею? О, слово какое! Не робость держит меня, а что-то другое... А надо идти вперед! Что подумают обо мне эмиры, князья и воеводы, если я назад поверну? Нет, вперед, вперед!.. А если изменит счастье?..»

О русских людях хан составил довольно верное представление. Это такой народ, который умирает бестрепетно, если не может взять перевеса над врагом. В Ельце и некоторых мелких городках, попадавшихся на дороге монголам, великий завоеватель видел, как защищаются русские; но он видел также, что единства в русских военачальниках нет, что

всякий действует по-своему, что в чистом поле русские уже не так стойки, – и надеялся покорить Русь без труда... Но мысль о каком-то неотвратимом несчастье, если он пойдет вперед, тяготила его и наполняла сомнениями его душу...

Неподвижно лежал Тимур, безмолвие, окружающее шатер, располагало к размышлениям, и вот перед мысленными взорами великого хана стали развертываться и проноситься картины прошлой жизни, богатой всевозможными удачами.

Вот видит себя Тимур двадцатилетним юношей, исполненным силы и отваги. Отец его, незначительный монгольский князь Аксак, владеющий тремястами семейств на правах данника хана кашгарского, был не богат, но и не беден; доходы его были невелики, но давали ему возможность достойно жить со своим семейством. Миротребие было отличительною чертою старого князя. Тимур же любил волнение, шум, удалые подвиги, славу, свободу. И, не находя удовольствия жить в тихом доме почтенного отца, молодой человек скитался по равнинам Великой Бухарии, собирал охотников и устраивал набеги на гетов или калмыков, угнетавших его родной народ. Так, в непрестанном разгуле и разъездах, столкнулся он с одним могущественным эмиром, которого чем-то оскорбил. Эмир же был жесток и злопамятен. Не имея обыкновения прощать обид, собрал он отряд своих наездников, нагрянул на владения князя Аксака и убил его со всеми домашними, за исключением Тимура, который успел спастись. Двор Аксака был разграблен и сожжен, а под-

властные ему семейства были отведены в плен. С этого дня характер Тимура изменился. Улыбка исчезла с его лица, веселье и разгул прекратились. Он долго пребывал в мрачной задумчивости, не зная, что делать, что предпринять, молился Аллаху и пророку Его Магомету, дабы получить указание о верном пути, и наконец план его созрел. «Или вознесусь превыше всех в мире сем, или умру, как подобает сыну благородного князя, если неудача постигнет меня», – сказал он себе и деятельно принялся за дело. Товарищи для первых подвигов нашлись. Это были такие же молодые, бесшабашные головы, как он. Набрав триста вооруженных всадников, Тимур вторгнулся с ними во владения ненавистного эмира, убил его собственными руками, а подвластных ему людей не тронул. Последние были растроганы подобным милосердием молодого человека и признали его своим владельцем вместо эмира. Тимур умножил ряды своих приверженцев, вступил в соглашение с другими владельческими князьями и эмирами и, совершив многие битвы, ослабил могущество хана кашгарского и гетов, угнетавших чагатайских монголов. Монголы стали независимы; чагатайская держава восстановилась. Но тут началась смута между отдельными владельцами, испугавшимися властолюбия сына Аксака, и в борьбе с ними Тимур провел не один год...

Твердо и неуклонно шел молодой человек к намеченной цели. Успех сопутствовал ему. Когда ему исполнилось тридцать пять лет от роду, он уже находился на вершине славы.

Внутренние враги были усмирены, внешние – не без боязни взирали на отважного витязя, приобретавшего все большую силу и значение... И каким же торжеством вспыхнули очи великого хана, когда он вспомнил о том дне, в который народ чагатайский венчал его именем верховного властителя...

Великолепное было это зрелище. Бесчисленные толпы народа стеклись в город Самарканд, избранный Тимуром для своего пребывания. Эмиры, князья, воеводы, старейшины народные окружали нового властелина, сидевшего на золотом троне хана Угадая, сына Чингисхана, потомком которого он провозгласил себя. На голове Тимура был царский венец, на плечах дорогие одежды, усыпанные золотом и драгоценными камнями; в руках он держал скипетр и державу. Самарканд был окружен двумястами тысяч преданного ему войска, а самые гордые эмиры пресмыкались у ног Тимура... Началась великая церемония. Множество почтенных служителей Магомета, во главе с патриархом-шейхом, венчали его на царство и нарекли сагеб-керемом – владыкой мира. Восточные поэты воспевали его подвиги. Музыканты гремели на инструментах. Войска и народ кричали: «Слава великому хану!» Вельможи смиренно преклонили перед ним колена и сложили свои мечи к его ногам в знак того, что отныне оружие и жизнь их принадлежат вновь венчанному владыке и он вправе распоряжаться ими по своему усмотрению!..

А давно ли, кажется, минуло то время, когда сын князя Аксака, укрываясь в пустынях от неприятелей, имел одного

тощего коня и дряхлого верблюда, чем ограничивалось все его достояние?!

Самодовольная улыбка скользнула по губам Тимура.

– Из бездны ничтожества поднялся я на вершину славы, – прошептал он, – и с помощью Аллаха не упаду вниз! Полмира завоевано мною, остальное не уйдет от меня!..

Он зажмурил глаза, чтобы ярче и полнее представить в своем воображении те великие дела, которые он совершил, и чудные картины развернулись перед его мысленным взором.

Вот он сагеб-керем – владыка мира. Но это только по названию. В действительности самодержец чагатайский владел только Великою Бухарией с прилегающими к ней областями китайскими и кашгарскими, а остальной мир был от него независим. Следовало показать себя. И отважный Тимур показал. Исполненный веры в свое счастье, предпринял он завоевание восточных берегов Каспийского моря, населенных воинственными народами, и успех увенчал его труды. Прикаспийские страны были покорены. Тогда он устремился на Древний Иран, или Персию, и в нескольких битвах решил судьбу будущего достояния шахов. В Персии господствовали многие князья из рода Чингисхана, но, не имея связи между собою, легко подпали под власть предводителя монголов. Сокровища из персидских городов, расположенных между реками Оксом и Тигром, были вывезены громадные. Иран сделался частью чагатайской империи. Но это не удовлетворило Тимура. Отличаясь кипучею деятельностью, он заста-

вил богатый Ормус заплатить ему дань золотом, взял Багдад и долго жил в этом полусказочном городе, прельстившем его роскошью построек, благоухающими садами, прекрасными каналами и, главное, процветающими в нем науками и художествами, которым он искренно или лицемерно покровительствовал...

А слава о нем гремела. Багдадские ученые мужи писали о нем сочинения, арабские мудрецы предсказывали ему владычество над вселенною, восточные поэты воспевали его деяния во вдохновенных поэмах... Победоносный сагеб-керем, вернувшись в свою столицу Самарканд, послал любимых военачальников громить Китай, покорил его, но из уважения к древнейшему государству в мире оставил в нем богдыхана, назвавшегося вассалом Тимура...

А в голове счастливого монарха-завоевателя уже горели другие мысли. Разгромив Грузию, Армению и Кавказ, собрал он свыше пятисот тысяч воинов и двинулся с ними на Индию, идя по следам древнего героя Александра Македонского. Индия восхитила его. Такого богатства, такого плодородия, такой красоты природы он нигде не видел. А главное, там существовало таинственное учение браминов, заинтересовавших Тимура настолько, что он по целым дням беседовал с ними, любя выставить себя человеком ученым и умным. Цепи высоких гор, глубокие реки, леса, пустыни, миллионы воинственных жителей, ополчения раджей, выводивших в поле множество боевых слонов, – ничто не пугало ге-

роя, и он шаг за шагом двигался вперед и вперед, разбивая врагов и забирая города, в которых находил несметное число сокровищ. Индия обогатила монголов. Тимур навел такой страх на индусов, что на берегах священной реки Ганга к нему явились послы от всех индийских раджей и набобов и изъявили полную покорность...

Какая очаровательная картина: Индия у ног повелителя чагатайцев! Великая, древняя, таинственная Индия, не знающая счета своим богатствам, исчисляющая жителей сотнями миллионов, склонила покорную голову!.. Хан Тимур усмехнулся. Какое странное сомнение волнует его душу: на презренную Русь не решается он воздвигнуться, когда управился с такими великими странами, как Персия, Китай, Арабский халифат, Индия, Сирия, Египет, Грузия с Арменией, многие государства Азии и, наконец, греческие колонии! А гордый султан Баязет? А неблагодарный хан Тохтамыш?..

Хан Тимур скрипнул зубами от досады:

– О! Он разгромит Русь! Зачин для того уже сделан: первый значительный русский город разорен. А далее не закрыта дорога...

А в голову его, как бы подзадоривая славного завоевателя, так и лезут новые мысли – воспоминания о борьбе с султанами: египетским – Фаручем и турецким – Баязетом и кипчакским ханом Тохтамышем.

Вот видит себя Тамерлан в стране пирамид, под стенами

города Алепа. Мамелюки обрушились на его полки как лавина, предводительствуемые потомками фараонов, но монголы выдержали натиск врагов и нанесли им страшное поражение. Жители Алепа были вырезаны поголовно. И в тот самый час, когда лилась кровь безоружных людей, любящий разные мудрствования сагеб-керем спокойно беседовал с учеными египетскими мужами, доказывая им, что он друг Божий, что ему указано Богом покорять мир и он исполняет веление Божие, что ни один человек не может укорить его в жестокости, «ибо что делается его воинами, то делается по воле Аллаха»... Из-под Алепа он пошел к Дамаску и, окончательно победив султана Фаруча, овладел сокровищами этого богатого города, после чего приказал разрушить его.

Египет был покорен. Высококультурное царство фараонов испытало на себе, что значит быть посещенным «другом Божиим», как называл себя Тимур... Из Египта владыка мира устремился во владения османов, откуда уже шел ему навстречу султан Баязет, счастливый до сих пор в ратных делах. Но тут счастье изменило Баязету. Страшные янычары, составлявшие главную силу турецкого войска, не выдержали напора монголов и попятились; другие же части приняли его за начинавшееся отступление и бросились бежать, кидая оружие и доспехи. Янычары полегли на месте. В рядах их сражался сам Баязет, не желавший спастись бегством, и был взят в плен. Тимур обнял его, как брата, посадил рядом с собою на царском ковре и старался утешить его рассужде-

ниями о тленности земного величия...

Так окончил дни своего благополучия храбрый вождь османов, знаменитый не менее Тамерлана тем, что постоянно вел войны с соседями и всегда побеждал их, пока злой рок не натолкнул его на грозного Тимура...

А кипчакский хан Тохтамыш? О, это неблагодарный человек! Не по милости ли Тимура воссел он на месте Батые? А между тем, гордый и тщеславный, не внял он предостережениям своих вельмож, советовавших ему не раздражать повелителя полумира, страшного своим могуществом. Тохтамыш сразился с Тамерланом в степях приволжских и, разбитый последним, бежал в свои улусы, не преследуемый, впрочем, победителем. Тогда и была сочинена придворными стихотворцами сагеб-керема песнь о блестящем успехе его оружия, названная «Фатенамей-Кипчак», то есть торжество над Ордою Кипчакской. Но это не образумило Тохтамыша. Взбешенный превосходством Тимура, собрал он еще более войска и через три года послал воевод разорять Северную Персию, управляемую наместниками Тимура. Могущественный сагеб-керем оскорбился. Такая дерзость не могла пройти безнаказанно. С пятьюстами тысяч закаленных в битвах воинов пошел он через Кавказ для усмирения Тохтамыша и встретился с ним между реками Терек и Курой. Сражение было кровопролитное. Обе стороны бились в ужасном остервенении. Тамерлан лично участвовал в схватке, изломал копьё свое, но вырвал победу из рук Тохтамыша.

Последний принужден был бежать. Потери чагатайских монголов были огромны: до ста тысяч человек выбыло из рядов убитыми и ранеными. Но рать Тохтамыша была истреблена поголовно. Тимур отправил тяжелораненых домой, а сам с четырьмястами с лишком тысяч ратников устремился за бежавшим Тохтамышем к Волге, объявил царевича Койричанк-Аглена ханом Золотой Орды, дал непродолжительный отдых войску и вступил в юго-восточные пределы Руси. Тут он взял город Елец, опустошил множество селений и стоял теперь на берегу Дона, не решаясь двигаться вперед в силу какого-то странного предчувствия!..

Лицо его вдруг побагровело. Глаза его налились кровью. Из груди вырвался гневный крик.

Как? Он убоялся чего-то... неведомо чего?! Он, всемогущий владыка мира, перед которым Русь есть ничто?! Эта мысль, точно удар плети, обожгла Тимура, и он привскочил на подушках.

– Гей, люди! – закричал он зычным голосом, хлопая в ладоши. – Призвать сюда верных эмиров, князей и воевод моих! Призвать их всех ко мне!..

И не успел еще, казалось, звук его голоса замереть в воздухе, как огромный ковер, прикрывающий входное отверстие, заколыхался и в шатер вступили главнейшие сподвижники Тимура. Тимур знаком приказал им подойти ближе, и они упали перед ним на колени.

– Вот мое слово, благородные эмиры, князья и воеводы.

Довольно стояли мы здесь, пора нам путь продолжать Борзые кони копытами бьют, в поход рвутся, воины брови хмурят, о кровавых пирах вспоминают, мечи в ножнах ржавеют, стрелы в колчанах притупляются. Завтра вперед пойдём. На Русь пойдём, на Москву! Наутро выступит передовая рать, в полдень остальное воинство. Вот мой приказ, верные соратники мои! Исполняйте же волю мою!

– Рады мы твоему приказу подчиниться, хан пресветлый! – смиренно отозвались эмиры, князья и воеводы и на коленях выползли из шатра, радуясь дальнейшему походу в глубину Руси, занимавшей умы многих сподвижников хана Тимура.

Дремавший исполин встряхнулся... Страшная беда готова была разразиться над многострадальной Русскою землею...

XIII

Весело сияло солнце на небе и отражалось на спокойных водах «тихого Дона», бывшего у места расположения стана Тамерлана довольно значительным. Лето приходило к концу, но воздух был теплый и ароматный, точно в июне. Монголы радостно готовились к выступлению с места стоянки, назначенному на утро завтрашнего дня.

– Пойдем на Москву, товарищи! – слышалось везде, доказывая о том удовольствии, какое испытывали азиаты при мысли о новых победах и завоеваниях. – Пресветлейший хан нас ведет! А с ним не бывает неудачи!..

– На Руси мало войска, – замечали иные. – Недаром Русь с давних пор под кипчакским владычеством состоит. А города на ней старинные, богатые, поживиться будет чем...

– Далеко Руси до тех стран, кои великий сагеб-керем покорил, – толковали некоторые, более других осведомленные о действительном состоянии Русской земли. – Не чета она Индии, Египту, Ирану, даже стране каменных гор! Там золота, серебра, жемчугу, камней самоцветных, всякого добра вволю на каждого пришлось, а на Руси что-то еще будет? Кипчаки на Руси хозяйствуют, русские города разоряют, осталось ли чего на нашу долю?..

На это менее корыстолюбивые говорили:

– Вестимо, большая добыча – доброе дело, но и то пони-

мать должно, что Русь – страна весьма славная среди стран полунощных. Добыча дело проживное, а, покорив Русь, пресветлый хан имя свое на севере прославит. И будут русские князья вечными рабами наших ханов, ибо ведомо всем, что Орда Кипчакская ими спокон века владеет. А ныне, как сокрушил великий сагеб-керем Тохтамыша, кипчаки перед ним ничто, стало быть, и Русь в наши руки отдается. И мы покорим Русь, с пресветлым ханом неудачи не будет!..

– Только вот зима какова настанет? – качали головами мнительные, не бывавшие еще в полунощных краях, но слышавшие о северной зиме разные ужасы. – Не одолеют нас враги, ибо мы с пресветлым ханом идем, а снег да стужа всякого доконают. Особливо не пощадит нас зима, ибо не привыкли мы к ней. Как бы не погибнуть нам в снегах русских!..

– С помощью Аллаха и пророка Его Магомета покорит пресветлый хан Русь и воинство свое с добычей домой приведет, – возражали правоверные воины, уповавшие на небесную помощь, и не хотели предаваться никаким сомнениям или мрачным думам.

После полудня великий хан объехал ряды своих войск на чудном арабском жеребце, украшенном со всею пышностью Востока, и милостиво разговаривал с окружающими его вельможами, расцветавшими от каждой улыбки повелителя. Воины восторженно кричали:

– Слава великому хану!.. Веди нас на Русь, на Москву!.. По одному слову твоему рады мы на смерть идти!.. Прикажи

нам, пресветлый хан, и мы землю для тебя перевернем!..

Просветлевший лицом владыка благосклонно говорил в ответ:

– Завтра вперед пойдем, храбрые воины! С такими богатырями могучими нетрудно Русь покорить!.. Сделаем русских людей рабами своими!..

– Головы свои сложим, а твою похвалу заслужим, хан пресветлый! – гремели восхищенные воины и готовы были нести владыку мира на руках, если бы обычай позволял это.

Под вечер, когда в монгольском стане все укладывались на покой, чтобы подняться утром свежими и бодрыми, сторожевые наездники схватили одиночного всадника, похожего по одежде на русского и прямо скакавшего на монголов. Один из воевод, к которому привели пойманного, начал его допрашивать.

– Откуда ты? – спросил он строго, получив донесение от наездников, что неведомый всадник умеет говорить по-монгольски.

– С Руси, господине, – отвечал тот, смело глядя на азиата.

– Куда ж ты ехал? Зачем?

– К вашему хану я приехал... к Тимуру...

– К нашему пресветлому хану? – с удивлением переспросил воевода, высоко подняв брови. – Да как ты дерзнул?.. Как осмелился?.. Ты, червь презренный, ползающий во прахе земном?..

– Я приехал к хану вашему по особливому делу. Ведите

меня к нему!..

– Много чести для тебя будет, собака, на лицо великого хана взирать! – закричал воевода, заподозрив в говорившем отчаянного человека, способного на всякое дело. – Пресветлейший сагеб-керем повелел таких людей, как ты, мечом сечь и огнем жечь. А посему одна дорога тебе – в ад, где мучаются псы неверные!.. Не посол же ты князя русского? Послы не так ездят...

– Не посол я, я враг великого князя московского, – со значением вымолвил русский, в котором можно было узнать Рогача, приводившего свой коварный план в исполнение. – А приехал я для того, чтобы вашему хану дорогу на Москву указать... и все рассказать о Русской земле. Так и скажите ему, что важную весть я привез...

Воевода нахмурился и плюнул.

– Так, значит, изменник ты? А изменников мы не жалуем! От изменников правды не жди...

– Нет, не изменник я, – торопливо возразил Рогач и постарался объяснить татарину, что между Москвою и Великим Новгородом существует громадная разница, что вредить Москве для новгородца не составляет измены, и в конце концов так убедил воеводу, что тот признал его желание предстать перед лицом владыки мира заслуживающим уважения и повел Рогача к ханскому шатру.

Новгородец был спокоен. Точно лед какой оковал его сердце: ни страха, ни трепета не чувствовал он, шествуя на

страшный суд (как он мысленно называл свое вероятное свидание с Тамерланом). Речь его к великому хану была заранее приготовлена. Недаром он «складывал» былины, отличавшиеся замечательною благозвучностью, – Тимур был бы очарован его красноречием, если бы ему, Рогачу, удалось увидеть грозного завоевателя.

«Не ударю лицом в грязь, – думал новгородец, проходя по монгольскому стану, наполовину уже погруженному в сон. – Запущу соловья в зубы. На то я и гусяр-сказитель, чтоб небылицы в лицах представлять... Удружу Москве злодейской!..»

В стороне слышались стоны. Рогач посмотрел туда и увидел до десятка молодых, совершенно обнаженных женщин, избиваемых двумя воинами. Воины размахивали ножами и погружали их в груди несчастных, падавших со стоном на землю... Зрелище было омерзительное. Даже Рогач был потрясен.

– Что это? – невольно сорвалось у него с языка, когда воювода мельком поглядел на извергов и равнодушно пошагал дальше.

– Поганые русские девушки, – был ответ. – В Ельце-городе взяты были... Наши эмиры да князя забавлялись...

– Чего ж ради убивают их?

– Завтра в поход идем, так они мешать станут. Ну, и отдали воинам...

«Ах басурмане! – мысленно выругался Рогач, не потеряв-

ший еще способности сочувствовать чужому горю. – Отольется вам кровь христианская! Вот погодите ужо...»

Но тут он поморщился и подавил тяжелый вздох, готовый вырваться у него из груди. Сожалеть о неведомых девушках было неуместно тогда, когда он думал предать в руки варваров всю Русскую землю. Понятно, хан Тимур мог и без его «доброхотства» разгромить Русь, но измена оставалась изменою, и Рогач хорошо понимал, какой страшный грех берет он на душу, решаясь распалить воображение завоевателя рассказами о существующих и несуществующих богатствах земли Русской.

Рогач и его провожатые подошли к тройному ряду почетных телохранителей, окружающих великолепный шатер сагеб-керема. Воевода отыскал князя Бартома и долго говорил с ним по поводу того, представлять ли неизвестного русского перед светлые очи ханские? Наконец Бартом произнес:

– Горе нам, если могучий владыка прогневадается на нас за беспокойство. Но и не доложить о сем нельзя. Ведь сам же он повелеть изволил, ежели кто с важным делом придет, пропускать к нему неукоснительно. А убрать этого русского (Бартом многозначительно провел рукой по шее) опасно. Его уж многие видели... Как ты думаешь, брат Гасан?

– Придется к пресветлому хану идти, – пробормотал воевода. – Аль, может, почивает он?

– Ликует сей вечер хан великий, – прошептал Бартом. – Со своими любимыми женами тешится. Видишь, лампы

сквозь шелк просвечивают? Это на женской половине... Туда и придется идти.

– Так иди ты, князь, – взмолился Гасан, чуть в ноги не кланяясь начальнику телохранителей. – Ты чаще у пресветлого хана на глазах торчишь, тебе и бояться нечего...

Бартом покачал головой.

– Не щадит никого великий хан, на кого прогневаается, но гневаться на нас нельзя. Мы по его же приказу учиняем... Быть может, не ложно говорит русский, что важную весть привез. А если солгал он, горе ему!.. Иду к великому хану.

Он круто повернулся на месте, раздвинул ряды телохранителей и скрылся в ханском шатре, рисовавшемся на потемневшем небе своими стройными очертаниями.

Рогач стоял в каком-то оцепенении и думал:

«Скоро ли? Скоро ли?.. Хоть бы один конец!.. И чего они так боятся своего Тимура?..»

Бартом не заставил себя долго ждать. Ему удалось доложить повелителю о русском пришельце довольно скоро, и, выйдя из шатра, он приказал что-то ближайшим телохранителям.

Несколько рослых красавцев, сверкая золочеными доспехами, подбежали к Рогачу, сорвали с него меч и кольчугу, выхватили из-за пояса кистень, из-за голенища нож-засапожник, раздели его донага и, обыскав всего кругом, приказали ему снова одеться, после чего обезоруженный новгородец введен был во временное жилище Тамерлана.

В первом от входа отделении шатра, освещенном пятью лампадами, толпились множество придворных служителей, ходивших с такою осторожностью, что полет мухи был явственно слышен. Князь Бартом молча прошел вперед, к роскошно вышитому ковру, висевшему на золоченых столбах, и махнул рукой стоявшим у ковра евнухам, облаченным в какие-то фантастические одеяния, с белыми тюрбанами на головах.

Евнухи ловко приподняли край ковра, и князь Бартом с Рогачом очутились в богато убранном помещении, озаренном ярким светом лампад, висевших по всем направлениям. По сторонам шли ряды пышных шелковых подушек, наложенных одна на другую, а на подушках возлежало до десятка молодых женщин поразительной красоты. Многие имели на себе такую прозрачную одежду, что сквозь нее просвечивало тело. Хан Тимур, в просторном шелковом халате, с зеленым тюрбаном на голове, небрежно сидел на дорогих пуховых коврах рядом с самою любимую своей женой и, казалось, пронизал острым взглядом Бартома и смельчака русского, упавших на колени при входе.

«Вот он, владыка мира, гроза небесная! – пронеслось в голове у Рогача, лежавшего ниц на ковре. – Что-то изречет он мне?»

– Этот человек хотел меня видеть? – довольно благосклонно спросил Тимур, находившийся в особенно благодушном настроении.

– Этот, пресветлый хан, – раболепно отвечал Бартом, следя за выражением лица повелителя. – Какую-то весть он привез... важную весть, говорит...

– Толмача призвать сюда.

– Разумеет он речь нашу, владыка высочайший. Изволь выслушать его.

– Говори, человек русский, – обратился Тамерлан к Рогачу, слегка приподнимаясь на подушках. – Что привело тебя ко мне?.. Как ты осмелился нарушить покой мой?..

Новгородец поднял голову и смело поглядел на грозного завоевателя, презрительно сжавшего губы. Рогач был человек наблюдательный, и по лицу Тимура он сообразил, что одно лишнее слово – и жизнь его кончится под ножом палача. Тимур шутить не любил. Особенно не жаловал он изменников-перебежчиков, продававших родину из-за собственных выгод, и Рогачу надо было много уменья и изворотливости, чтобы выставить себя не изменником, а «честным врагом» московского государя.

– О, пресветлейший государь, царь над царями, повелитель над повелителями! – заговорил он возвышенным голосом, сложив на груди руки. – Слава твоя сияет как солнце, победы твои гремят по всей земле как гром небесный, слово твое – меч для рода человеческого! Возришь ты грозным оком на народ какой, и все перед тобой трепещет! Никому не остановить стремление ратей твоих: как вихрь, как молонья огненная носятся они из края в край, рокочит раскатами

громовыми, стрелами калеными свет помрачают, заставляют дрожать все живущее! От юных лет до старости преклонной суждено тебе Небом народы и царства покорять, и ты завоеешь весь мир! И будет в мире многое множество языков, а государь один, это ты, о пресветлейший, превысочайший царь царей, равного которому никогда не было и не будет!..

Гордая улыбка появилась на лице Тимура. Новгородец сумел-таки угодить ему. Подобная речь, обладая всеми свойствами тогдашнего красноречия, не могла не понравиться сагеб-керему, и он милостиво кивнул головой оратору.

– Верно говоришь ты. Мир в моих руках... Но не для того же ты пришел ко мне, чтобы поведать мне о том, о чем я уже давно знаю?

– О, превысочайший владыка! Многими царями и народами повелеваешь ты, многие цари и народы лобызают прах ног твоих. Немало таких державцев, кои хоть не видели, но чтут тебя. Имя твое славится во всех концах вселенной... А меж тем обретается такой владетель, который поносит тебя всякими словами непотребными, смеется над тобой заочно, похваляется разогнать твои воинства победоносные и тебя в полон забрать...

Тимур потемнел, как ночь. Рогач поразил его в самое сердце своим указанием на неизвестного владетеля, не признававшего могущества владыки мира, и он спросил отрывисто:

– Как зовут сего владетеля дерзкого?

– Это московский князь, юноша буйный. Надеется он на леса да на болота да на зиму студеную, что скоро наступит, и, вином упиваячись, похваляется, что твоя светлость потемнеет от его меча...

– А ты – подданный сего князя?

Рогач возразил с живостью:

– Я вольный человек, повелитель могучий. Родом я из Новгорода Великого, что не по указу московского князя живет. Московский князь вековечный враг нашему Новгороду; зачастую мы против Москвы ратуем, и Москва против нас войною ходит. Не на жизнь, а на смерть враждуют Москва и Новгород, и москвитяне нас живыми бы съели, если б могли...

– Так, значит, московский князь не государь твой?

– Храни меня Праведное Небо от государя подобного! Московский князь сам по себе, и Новгород наш сам по себе...

– Добро, если правду ты говоришь. А если солгал ты – горе тебе! Изменников я не терплю!

– О, высочайший хан! – воскликнул новгородец, поднимая глаза к небу. – Дерзнет ли червяк ничтожный утруждать уши твои слушанием лжи заведомой? Николи того не бывало, чтоб последний из последних рабов твоих осмелился тебя обманывать!..

Тимур махнул рукой, и Рогач смолк. Раздумье выразилось на лице великого хана. Окружающие его жены хранили бла-

гоговейное молчание. Никто не шевелился, не произносил ни слова, потупив глаза в землю. Наконец Тимур провел рукою по лбу и строго поглядел на новгородца.

– Не изменник ты, стало быть, а враг московского князя? А враги друг другу худо сделать желают. И ты оговариваешь передо мною московского князя... и я понимаю тебя. Не говори ничего о том, как поносил меня юноша безумный; довольно того, что он не чтит меня, славу мою затмить похваляется. Наказание ему будет ужасное. Ни один город на Руси не избегнет разорения и разрушения! На Москву выступлю я завтра... Ты знаешь, человек, пути прямые на Москву?

Глаза Рогача блеснули радостью.

– Самый прямой путь отсюда на Москву – через Рязань-город, где сидит старый князь Олег, друг и свойственник московского князя. И Олег тоже словами непотребными тебя поносил... А дорогу прямую я знаю, с радостью твоим победоносным воинствам укажу...

«Припомнишь меня, лютое княжище рязанское! – подумал новгородец злобно, сообщив о прямом пути на Москву через Рязань, хотя от берегов Дона на Москву можно было пройти гораздо прямее. – Отольются кошке мышкены слезки. Хоть и околица через Рязань выйдет, а поведу басурман на Рязань, да и все тут!..»

– А каков город Москва? – спросил Тамерлан, зажмуривая глаза от истомы.

– О, Москва – город богатый весьма! Без числа в нем хра-

мов каменных, а на каждом храме крыша позолоченная. Маковки на крышах как жар горят: усыпаны они камнями самоцветными, а решетки вокруг храмов серебряные, кованые, точно хитрый узор извиваются. А войдешь в храмы – очи слепит: золото, серебро, жемчуг, бирюза, прочие другие вещи светятся-переливаются, на солнышке поблескивают на все лады. А двор княжий точно ясный день: воздвигнут он из камня белого, что из заморской страны привезен; нигде ни соринки, ни задоринки; покрыт он листьями серебряными, позолоченными, а на верхушках теремов высоких коньки вырезные понаставлены, сияют бирюзой да яхонтами. А окошки все большие, величавые, а в рамах слюда вставлена – и цены этой слюды нет, ибо она на разный цвет и сквозь нее все видно яснехонько. А в кладовых княжиих казны столько пособрано, что и сметы нет! В одном подвале, кажись, золота до тыщи пуд навалено, в другом – камни самоцветные во ста бочонках стоят, в третьем – жемчугом хоть гору вали, а серебра не считали и сочесь не могут: таково-то его много-премного! А потом, сукон немецких, парчи, бархату, алтабасу, шелку антиохийского да азийского, ковров персидских, драгих шкурок пушных и прочего добра подобного – о них же Господь Бог ведает! А кроме сего, у других князей да бояр да торговых людей во всех городах и весях земли Русской изрядная утварь есть, и золото, и серебро, и камни самоцветные, – отовсюду пособрано ими и в укладку положено! Богатство на Руси несказанное, особливо на Рязанщине да

на Московщине! А дружины у князей слабые, куда им тебе супротивничать, хан пресветлый! Пойдешь ты на град Москву, и все перед тобой падет во прах, как солома под серпом жнеца, и озолотишь ты себя и воинство свое...

– Довольно, – перебил Тимур Рогача, наслушавшись его речей. – Не прельщают меня богатства русские, но Русь покорить я хочу. И Русь покорена будет. Не остановят меня ни рати супротивные, ни зима грядущая. Не то преодолевал я, а с Русью ли мне не управиться?.. Ты, русский, прямым путем нас поведешь. Но помни, за истину слов своих головой ты отвечаешь!

– О, пресветлый хан!.. – начал было Рогач, но Тамерлан нетерпеливо махнул рукой, и князь Бартом с такой силой дернул новгородца за плечо, что тот кувырком вылетел за ковер, отделяющий женскую половину шатра от помещения придворных служителей.

«Толкуй там, что не прельщают тебя богатства русские! – думал предатель, укладываясь спать в войлочной палатке, куда его привел Бартом. – На золото-серебро ты падок, поганец! Ну, и иди на Москву!.. Посмотрим, как ты запляшешь тогда, князь-государь Василий свет Дмитриевич! Это не в Сытове с красными девицами потешаться!..»

XIV

Великий, прославленный завоеватель хан Тимур никогда не отменял своих распоряжений.

Отдав приказание о продолжении похода на Русь, он как будто успокоился и даже развеселился, хотя в тайниках своей души не переставал чувствовать некоторую долю тревоги. Не приходит ли конец его могуществу и славе? Почему такая мысль запала ему в голову, этого он сам объяснить не мог. Русь – не такая страна, где можно было ожидать всяких случайностей; воинское счастье никогда не изменяло ему, а тем более на Руси не изменит, где царит разногласие между князьями-владельцами. А тайный голос упорно твердит ему, что, если пойдет он на Русь, счастье отвернется от него!

– Да нет же, пойду я на Русь и покорю ее под ноги свои! – решил славный воитель и не отменил своего приказа о выступлении, хотя недоброе предчувствие по-прежнему давило его и так и подмывало распорядиться об отступлении.

Рогач справедливо полагал, что на золото-серебро Тамерлан был падок. Действительно, владыка мира любил собирать сокровища, хотя собирал их не ради ненасытной алчности к золоту, а просто ради того, чтобы быть первым в мире не только по могуществу, значению и славе, но и по богатству. Когда новгородец рассказал ему о «премномом достоянии» московского великого князя, других князей, бояр, тор-

говых людей и всей земли Русской, не существовавшем на самом деле, он тогда же решил, что все это будет принадлежать ему, и перед сном приказал передать своим военачальникам, что слово его о выступлении остается неизменным, – и опочил на женской половине с мыслью о приобретении новых земель и сокровищ.

Перед восходом солнца Рогач был приведен к эмиру Курбану, начальствовавшему над передовыми отрядами, который расспросил его о прямом пути на Москву через Рязань, осведомился, сколько рек и болот придется переходить, и, довольный его ответами, приказал одеть его в пестрый халат из тонкой дорогой материи, велел дать ему коня и указал ехать впереди войска в сопровождении сотни отборных наездников, которым втайне было внушено зорко следить за русским, не внушавшим полного доверия.

«Начинается отмщение великое!» – радостно думал Рогач, когда половина рати Тимура бесшумно снялась с места и выступила в поход на Москву, ненавидимую мстительным новгородцем до глубины души.

Остальная часть войска осталась. Выступление для нее назначено было в полдень, когда сядет на коня сам высокий владыка, не выходявший еще из своего шатра, и верные эмиры, князья и воеводы терпеливо ожидали его появления, одевшись в полную походную одежду.

– Сумрачен ликом хан пресветлый, – передали придворные служители, и все, как один человек, притихли, понимая,

что при окружающем безмолвии скорее может пройти дурное расположение духа у сагеб-керема.

А время катилось неудержимо. Незаметно приблизился полдень, а хан Тимур не думал выходить из шатра. Это было всего непонятнее. Всегда он аккуратно делал то, что назначал, а теперь – медлит почему-то... И вдруг странная новость была сообщена вельможам князем Бартомом, наведывавшимся в ханский шатер.

– Изволил опочить хан пресветлый, – передал начальник телохранителей. – На подушках с утра он возлежал, великим своим думам предавался, а сейчас задремал и уснул. Не нарушайте покой его!

– Но как же поход на Русь? – нерешительно заговорили военачальники, не ожидавшие такого оборота дела. – Передовая рать уже выступила, вперед идет... нам было указано в полдень сниматься... а пресветлый хан опочить изволил. Что же нам делать теперь?

– Ждать, – невозмутимо ответил Бартом, ставивший выше всего спокойствие своего государя, и вельможам ничего не оставалось, как последовать этому мудрому совету.

И они стали ждать...

Гробовая тишина царила в великолепном шатре сагеб-керема, погруженного в необыкновенный сон. Никогда не засыпал он днем, следуя правилу, что день сотворен для дела, а не для сна, но тут какая-то странная непобедимая дремота овладела им, и он, незаметно для самого себя, заснул, скло-

нив на подушки свою голову... Это было 26 августа 1395 года.

Крепко спит великий хан. Ровное дыхание его отчетливо раздается в шатре, окруженном преданною стражей. Ковры, повешенные с южной стороны, не позволяют лучам солнца падать на лицо владыки мира, любившего поживать в прохладе, и, в силу последнего соображения, князь Бартом распорядился, чтобы двое прекрасных невольниц опахивали его большими веерами, имевшими ручки из слоновой кости.

«Не уйдет от меня Русь... разгромлю я ее! – думал Тимур, засыпая. – Всеми богатствами овладею... Надо в поход выступать... Надо на коня садиться. Что же эмиры, воеводы мои?..»

Мысль великого хана оборвалась. Сон смежил его веки. Голова плавно опустилась на подушки, и он погрузился в то состояние, в котором человек отрешается от действительной жизни и забывает, где он и что с ним.

Легкое всхрапывание хана проносится по шатру. Лицо его остается, даже и во сне, сосредоточенным и горделиво-важным. Правая рука закинута за голову, левая лежит на груди. Губы плотно сжаты; из носа вылетает свист...

«Опочил повелитель наш», – думают прекрасные невольницы и осторожно помахивают веерами, освежая лицо великого хана...

Спавший беспокойно зашевелился. Дрожь пробежала у него по телу. Пальцы на руках сжались в кулак... Хриплый

звук вырвался у него из груди.

– Как смели?.. Дерзкие!.. – невнятно пробормотал он, не просыпаясь. – Эй, стража!.. Бартом!..

– Он Бартома зовет, – шепнула одна невольница другой, наклоняясь к уху товарки. – Сказать или нет ему?

– Не проснулся еще хан пресветлый, – возразила другая, отрицательно мотнув головою. – Во сне он произнес имя Бартома... Как бы не попасть нам в беду...

– Так, значит, не звать Бартома?

– Не смеем мы позвать его. Не наяву, а во сне вымолвил повелитель наш имя начальника телохранителей. Лучше пробуждения его ждать...

Невольницы приложили пальцы к губам в знак молчания и продолжали обмахивать Тимура веерами, робко поглядывая на него... Лицо великого хана изменилось. Вместо горделивой важности на нем появилось выражение какой-то робости, почти ужаса: брови высоко поднялись, ресницы чуть-чуть затрепетали... и вдруг глаза его открылись... Невольницы замерли от страха.

– Кто ты? – беззвучно прошептал Тамерлан, глядя куда-то в вышину и, вероятно, видя что-то невидимое для обеих невольниц. – И ты приказываешь?.. Ты повелеваешь?..

Тут он зашептал что-то непонятное; невольницы ничего не могли разобрать и, не смея уже махать над ним веерами, неподвижно стояли у его изголовья, уподобившись безгласному мрамору...

Тимур продолжал лежать на подушках, устремив глаза кверху, и во взоре его было столько неподдельного ужаса, что невольницы не знали: спит или не спит пресветлый хан, лежавший с открытыми глазами?..

Знаменательное, чудесное событие случилось с повелителем чагатайских монголов, заснувшим в тот момент, когда следовало садиться на коня и выступать в поход. Ночью он спал спокойно, убаюканный мыслью о скором покорении Руси, изобиловавшей несметными богатствами, по словам пришедшего новгородца, но когда настало утро, он поднялся с ложа хмурый и сердитый. Воображение нарисовало ему ту непростительную обиду, какую нанес ему московский князь, и хотя обида эта была нанесена заочно и ничем не доказывалась, кроме извета Рогача, но не таков был хан Тимур, чтобы прощать личное оскорбление, даже и призрачное. И вот он погрузился в мрачную задумчивость, продолжавшуюся до полудня, когда было назначено выступление остального войска. Однако выступать в полдень Тимуру не пришлось. Какая-то необычная, тяжелая дремота овладела им, и он крепко заснул, забыв о назначенном походе.

И вот спит великий хан. Смутное предчувствие чего-то грозного, неотвратимого наполняет его душу. Он делает беспокойное движение... Что-то сдавило ему грудь. «На Русь, на Русь!» – беззвучно шепчут его губы, и он тяжело дышит.

И вдруг показалось великому хану, что полы его шатра приподнимаются... выше и выше... Засинело ясное небо...

Он порывался крикнуть, но не мог. Пальцы его рук сжались в кулак, но тотчас же разжались. По телу пробежала дрожь. С губ сорвался хриплый шепот:

– Как смели?.. Дерзкие!.. Эй, стража!.. Бартом!..

Но ни Бартом, ни стража не являлись. Да Тимур и забыл о них, пораженный представившимся ему зрелищем...

И видит хан... Над ним уже не шелковая ткань шатра, а величественное, необъятное небо. И это не просто небо, какое он привык видеть каждый день, а светлое, лучезарное, ослепительное, никогда не виданное им. А там, высоко-высоко, в глубине этого неба, появилось необыкновенное сияние. И не может понять Тимур, солнце ли это или что другое? Солнце? Нет, это не солнце. Это гораздо ярче солнца. Что же это такое?

А сияние все ближе и ближе. Распространяя вокруг себя свет и тепло, спускается оно прямо на сагеб-керема, лежавшего в полном оцепенении на подушках. Спит он или не спит? Нет, он не спит, а видит это почти наяву. Но и не совсем наяву он видит. По крайней мере, сохраняя некоторое сознание, Тимур мог сообразить, что глаза его закрыты. А между тем чудесное видение представлялось ему до того ясно и отчетливо, что все мельчайшие подробности дальнейшей картины навсегда остались в его памяти.

И видит хан Тимур, что белое как снег облако опускается над его головою. И невыразимо сладкое, тонкое благоухание коснулось его...

«О, Аллах! Не ангела ли смерти за мной посылаешь?» – подумал потрясенный воитель и исполнился священного ужаса, овладевшего всем существом.

– Зри, царь прегордый: Владычица Небесная грядет! – до-несся до него чей-то нежный, как звон серебряных колокольчиков, голос, и он открыл глаза...

Облако уже совсем опустилось над ним. Сияние сделалось еще ярче и ослепительнее. И в середине этого сияния, утверд-ясь на прозрачном облаке, стояла величественная женщи-на несказанной красоты. Одевание Ее было соткано из света и воздуха; на главе было белоснежное покрывало, испускав-шее лучи ярче солнечных. Взоры Ее – бесконечно-кроткие и прекрасные – прямо обратились на Тимура и, казалось, при-казывали ему что-то...

– Изыди вон из страны русской! – услышал он божествен-ный голос и устранился до такой степени, что не знал, жив ли он или мертв.

– Кто Ты? – наконец прошептал он, набравшись силы и смелости. – И Ты приказываешь?.. Ты повелеваешь?..

– Я – Матерь Бога Живого, – прозвучало в ответ. – И Я приказываю, Я повелеваю тебе, царь земной, удалиться из пределов русских. И горе тебе, если ты ослушаешься Моего веления! В один миг исчезнет тленное величие твое, и твое воинство как дым рассеется!..

Тимур затрепетал как лист. В груди его точно оборвалось что-то. Сердце сначала замерло, а потом заколотилось шиб-

ко-шибко... Слова Небесной Владычицы глубоко потрясли его.

– О, Матерь Бога Живого! – воскликнул он, хотя в действительности восклицание его оказалось невнятным шепотом. – Не знал я Тебя раньше, но от христиан слышал о Тебе... И рад бы я исполнить волю Твою, но нельзя назад вращивать... Никогда не отступал назад сагеб-керем – владыка мира, и русских ли сил он убоится?..

– Царь земной! – раздался тот же голос, и кроткая настойчивость послышалась в нем. – Не хвались властью земною. Владыка мира – один Всевышний, а ты последний из Его рабов. Возри на сии силы небесные! Что может противиться им?

Тамерлан возвел глаза кверху. По правую сторону Царицы Небесной стояло в воздухе множество светлых старцев с длинными седыми бородами, в святительских одеяниях, с золотыми жезлами в руках; тут же виднелись молодые юноши и пожилые мужи с венцами на головах; далее расположились сонмы христианских мучеников, пострадавших за веру свою. По левую же сторону Матери Бога Живого раскинулись по всему пространству необъятного неба тьмы молниеобразных воинов Царя Небесного, тихо реявшие белоснежными крылами и имевшие в руках по огненному мечу. И числа этому воинству не было! Ужас обуял Тимура. Куда было его жалким, смертным ратникам бороться с небесными силами!.. А сверху опять раздался голос, но уже не кроткий и

нежный, а громовой и грозный:

– По предстательству Царицы Небесной дарованы мир и благодать стране русской! Обрати вспять полки свои, нечестивый царь земной, ежели не хочешь погибнуть в сей же день со своими кромешниками!..

И, сверкая как молния, появился перед рядами небесных воинов архистратиг-воевода бесплотных сил. И указал он пламенным мечом на Тимура – и тьмы светлых воинов устремились на великого хана, направив в него свое огненное оружие...

Тамерлан закричал от страха и проснулся. Над ним был голубой верх шатра, сквозь который просвечивало солнце. По сторонам виднелась обычная обстановка, окружающая его в походах. Значит, это был сон, а не что иное. Но такой сон не мог быть простым сном, – это был вещий сон. И, придя к такому заключению, Тимур приказал позвать к себе главнейших военачальников и вельмож и сказал им:

– Раздумал я на Русь идти. Не много славы и чести для меня прибавится, ежели я Русь покорю. А ради таких причин повелеваю я: воротить передовые отряды, что в поход выступили, и немедля же идти в страны полуденные. Слышали вы слово мое?

Военачальники были изумлены.

– Но почему же ты на Русь не идешь, хан пресветлый? – осмелился спросить один из них, князь Ахтубай, пользовавшийся большою благосклонностью Тимура.

Тимур сверкнул глазами. Не любил он, когда его спрашивали о том, чем вызвано то или другое распоряжение, но в данную минуту сдержался.

– Потому я на Русь раздумал идти, что чудесное видение мне было... А видение таково было... – И он рассказал своим сподвижникам о том, как явилась ему Матерь Бога Живого и запретила идти на Русь и как устрашили его небесные воины, устремившиеся на него с пламенным оружием в руках. – А против воли Аллаха не пойдешь, – заключил он. – Да и Русь не такая страна, где можно много добычи добыть. Хоть вчера русский человек и говорил, что на Руси богатства немалые, но не всякому слуху верить подобает...

– Позволь слово молвить, повелитель могучий, – произнес эмир Алигур, убеленный почтенными сединами.

– Говори, я слушаю тебя.

– Сегодня я имел беседу с князем елецким Федором, что в плену у нас, и он сказал мне, что Новгород Великий – родовая отчина князя московского. Стало быть, вчерашний русский – подданный сего князя, а если подданный его, то изменил ему. А разве можно верить изменнику заведомому?

Тимур кивнул головой. На лице его была написана досада.

– Изменники всегда лгут, – промолвил он. – А посему содрать с живого кожу с этого обманщика и тело его бросить на растерзание псам. А передовые отряды вернуть. Из Русской земли надо выбраться немедля же. Хоть ночью, а уйдем отсюда. Пойдем в полуденные страны, к теплому морю. Там не

страшна нам будет зима грядущая... Ступайте и исполняйте волю мою.

– Будет исполнено, хан пресветлый, – отозвались эмиры, князья и воеводы и оставили ханский шатер...

Мстительный новгородец не знал, какая угроза поднимается над его головою. Выступив с места стоянки в качестве проводника монгольских орд, он злобно усмехался в бороду и думал, что теперь придет конец московскому владычеству. Но мечты его не осуществились. Едва солнце начало склоняться к вечеру, как сзади послышались громкие крики и к эмиру Курбану подскакал один из воевод, оставшихся в покидаемом стане.

– Назад, назад! – кричал он, махая рукой. – Пресветлый хан раздумал на Русь идти! Повелел он в полуденные страны обратиться! А русского человека казнить: кожу с живого содрать, а тело его бросить на растерзание псам! Такова воля великого хана!

Курбан и другие начальники передовых отрядов не знали, что и подумать про такое распоряжение, но послушаться приказа не смели и исполнили его в точности.

В один миг вся масса двигавшихся войск была остановлена и направлена обратно к стану, а Рогача бесцеремонно стащили с седла и приступили к совершению казни.

– За что же это? За что? – растерянно бормотал предатель, как бы упавший с облаков в грязь.

– За то, что ты обманул великого хана, – отвечали ему. –

За то и казнят тебя. Великий хан изменников не жалует.

– Но разве изменник я? – пробовал возразить новгородец. – Я правду великому хану говорил... Ведите меня к нему. Он выслушает меня, помилует...

– Нечего разговаривать с ним, – вымолвил эмир Курбан, не любивший ни в чем проволочек. – Слово высочайшего владыки – закон. Эй, воины! – крикнул он, обращаясь к ближайшим ратникам. – Содрать заживо кожу с этого человека на моих же глазах. Приступайте.

Рогач упал на колени. Он плакал, молил, бился лбом о землю, бил кулаками в грудь, красноречиво доказывая свою невиновность, но просьбы его не привели ни к чему. Курбан был непреклонен. Воины схватили несчастного предателя и стали сдирать с него кожу, не обращая внимания на его крики и стоны... Окружающие военачальники во главе с Курбаном равнодушно взирали на страшные муки русского.

– Покарал меня Бог!.. – прохрипел искалеченный новгородец и испустил дух под ножами монголов.

После казни тело Рогача было изрублено в куски и брошено на съедение голодным псам, следовавшим за воинством Тимура целыми тысячами.

Такую ужасную кару понес заклятый враг московского великого князя, хотевший предать родную землю на разграбление варварам, но вместо того получивший смерть от руки тех же варваров, которых он думал провести на Москву.

Величайшее бедствие было отвращено от земли Русской,

избавившейся от нашествия хана Тимура дивным заступничеством Царицы Небесной. Тимур не осмелился идти на Русь после чудесного сна или видения, посланного ему в тот самый день и час, когда была встречена в Москве чудотворная икона Владимирской Божией Матери, и вышел со своими полчищами из русских пределов, ограничившись разорением Ельца и немногих мелких городков в рязанских владениях.

А в то время, когда он рассказывал своим сподвижникам о чудесном видении, побудившем его отложить мысль о завоевании Руси, глубокое волнение охватило князя Бартома. Бартом был природный грузин, знатного княжеского рода, со времен святой Нины, просветительницы Грузии, сохранявшего христианское учение во всей первобытной чистоте. Бартомы отличались приверженностью к православной вере, и только он, Георгий Бартом, отрекся от Истинного Бога, принявши Магометово учение и поступивши на службу к Тамерлану. Раскаяние овладело сердцем начальника телохранителей, и он решился бежать от Тимура, великого своими победами, но омерзительного в своих жестокостях. Магометанство было ничем перед христианством; это Бартом понял и исполнился страстного желания вернуться в лоно Православной Церкви. Но куда же бежать ему? Грузия была далеко, и на дороге к ней жили многие кочевые племена, сквозь которые трудно было пробраться. Не бежать ли ему на Русь, столь дивно спасенную от неистовства свирепых монголов?

Да, это самое лучшее. На Руси примут его приветливо. К тому же по-русски он мог объясняться, имея в детстве наставника русского, происходившего из числа тех русских, которые пришли в Грузию с князем Георгием Андреевичем, сыном Андрея Боголюбского, и навсегда остались в ней¹⁷. Итак, на Русь, на Русь!.. И недолго собирался Бартом. В следующую же ночь после знаменательного видения Тимура сел он на доброго коня, выбрался за линию монгольских войск и пустился в неведомый путь...

¹⁷ Как свидетельствует история, сын Андрея Боголюбского, князь Георгий Андреевич, был женат на дочери грузинского царя Георгия III, Тамаре, прославившей Грузию в свое царствование. Однако впоследствии Георгий Андреевич вынужден был, по некоторым обстоятельствам, покинуть свою супругу и новое отечество и ушел неизвестно куда. (Примеч. автора.)

Заключение

Тихо в русском стане, на берегу Оки-реки, где расположился сам великий князь московский Василий Дмитриевич. Ратников собралось уже около ста тысяч, считая в том числе детей боярских, всегда бывших наготове, но партии вооруженных людей продолжали прибывать в стан, изъявляя готовность сложить головы за родину свою да за веру православную. В Коломне, оставшейся позади, откуда и перешел великий князь на берега Оки, считали и счет потеряли собравшимся ратникам, проходившим через этот город.

– Ах, Господи, сколько людей на убой идет! – качали головами коломенцы, видевшие уже поход Дмитрия Донского на Мамай, и рассказывали, как на Куликово поле прошло около двухсот тысяч воинов, а обратно вернулось не более половины. – Точно косой всех скосило! – заключали они, вспоминая минувшее время.

– И нынче то же выйдет, если не хуже, – слышались тяжелые вздохи, и руки истово творили крестное знамение, а уста шептали молитвы, выливавшиеся из измученного сердца.

В воинском стане, раскинувшемся на берегу Оки-реки, все были преисполнены сознания важности грядущего подвига. Воины исповедовались и причащались, как перед смертным часом, и вели между собою беседы о страшном воителе, идущем покорять Русь. О Тимуре ходило множе-

ство разных рассказов, противоречащих один другому, так что из этих рассказов не представлялось возможности вывести верное заключение о личности предводителя монголов. Одно было несомненно, это – движение его к рязанским делам, а затем продолжительная остановка на берегах Дона, приводившая в недоумение многих князей и воевод.

– Чего ж ради он на одном месте стоит? – удивлялся великий князь Василий Дмитриевич, получив уведомление об этом от Олега Рязанского, чуть не ежедневно посылавшего гонцов с грамотками. – Аль назад задумывает оборотиться?

– Не таков Тимур-хан, чтобы назад ворочаться, – возражали на это старые, опытные воеводы, уяснившие себе, на основании слухов, характер Тамерлана. – Другая причина тут. Какую-то каверзу он замышляет... Вот и стоит, думает...

– Ах, Господи! Хоть бы конец какой!.. – волновался Василий Дмитриевич, томившийся долгим ожиданием, и в сотый раз спрашивал у своих воевод о численности собиравшихся дружин, приводимых князьями и боярами.

В характере великого князя произошла заметная перемена. Всегда резкий и даже грубый в обращении с окружающими, неохотно посещавший храм Божий, теперь он обходился со всеми мягко и кротко, принимал всякое мнение и ежедневно слушал Божественную литургию, совершаемую в походной церкви. Приближенные радовались такому настроению своего государя, стряхнувшего с себя младое недомыслие и превратившегося в рассудительного мужа, не падавшего

го духом при известии о нашествии хана Тимура с четырьмястами тысяч монголов. Особенно одобрили все великого князя, когда он высказал мысль о перенесении в Москву чудотворного образа Владимирской Божией Матери и тотчас же послал грамотку митрополиту с просьбою распорядиться по этому поводу.

– Не забывает Бога княже великий, – толковали в стане, довольные благочестием Василия Дмитриевича, – повелел образ честной из Владимира-града на Москву принести. Вестимо, если не Царицу Небесную почтить, если не к Ней с мольбою прибегнуть, то кто же может избавить нас от лютой напасти? Милостива Она, Матушка-Заступница, сохрани нас под кровом Своим!..

В старину все было не так, как теперь. Люди были простые, неученые. Попросту жили они, попросту верили в Бога, и если какая беда постигала их, обращались они к небесному заступничеству – и вера спасала их. То же было и в описываемую эпоху. И когда в стане узнали, что чудотворный образ уже шествует к Москве, несомый из града Владимира, все как-то повеселели, приободрились, получили уверенность в благополучном исходе брани с Тимуром и хвалили великого князя, подавшего мысль о перенесении образа.

Наконец пришла весть и о встрече чудотворной иконы в Москве, ожидавшей ее с понятным нетерпением. Говорили о пророческих словах троицкого игумена Сергия, предрекшего мир и спасение земле Русской. Митрополит Киприан по-

дробно отписал Василию Дмитриевичу о том великом одушевлении, какое охватило его и всех, встречавших святой образ, и, между прочим, сообщал:

«А троицкий игумен Сергей изрек словеса пророческие: спасена-де будет страна русская дивным заступлением Царицы Небесной. А убогий юродивый Феодор, нарицаемый Торжичанином, слезами уливаючись, на образ молился, а потом просветлел ликом. И узрел я по лику его, что не оставила нас Пречистая Владычица... И радость велия, ликование стоит ныне в стольном граде Москве. Уповают все на милость Божию... Уповай и ты, чадо мое духовное, молись с усердием сердечным, и простит Господь Всемилостивый прегрешения наши вольные и невольные и подаст мир и благодать стране нашей».

Великий князь прослезился, читая эту грамотку, и приказал служить молебен с коленопреклонением, после чего почувствовал себя гораздо спокойнее.

Прошло несколько дней. Жизнь в воинском стане на берегу Оки-реки шла своим чередом. Ежедневно прибывали партии ратников и поступали в распоряжение бояр-воевод, распределявших их по своим отрядам. О выступлении далее никто не говорил. Глава всего войска, великий князь, по совету опытных людей решил не идти навстречу Тимуру, а ждать его, и воины упражнялись в стрельбе в цель, точили оружие, чинили доспехи, и нельзя сказать, чтобы без скрытого страха прислушивались к вестям и рассказам о продви-

жении монгольских полчищ.

В начале сентября, в один пасмурный день, великий князь проезжал по стану и разговаривал с окружающими его вельможами, почтительно выслушивавшими его слова. Вдруг вдали показался всадник на черном, бешено скачущем коне, одетый в яркую одежду, а за ним до десятка других вершников, далеко отставших от первого.

– Гонец... из Рязани, никак? – заговорили кругом, увидев приближающихся всадников. – Но почему ж их много так?

– А впереди-то татарин, кажись, – заметил Василий Дмитриевич, обладавший зорким зрением. – В халате красном с полосами синими... Так и есть татарин. Не от Тимура ли хана посол?

И он заметно взволновался, предположив это. Бояре тоже забеспокоились, всматриваясь в приближающегося всадника. Вот всадник совсем близко. Вот он подскакал к группе ратников, стоявших неподалеку от великого князя, и прокричал по-русски, хотя, видимо, с трудом подыскивая слова:

– Где государь ваш? Где князь московский? Надо мне видеть его!..

– Вот княже великий! – указали ему воины, и он спрыгнул с лошади, приблизившись к великому князю.

На нем был просторный шелковый халат, какой носили монголы, но вместо татарской шапки на голове был надет блестящий шлем с вычеканенным крестом впереди. Лицо совсем не походило на монгольское. Это удивило всех, а в

особенности великого князя.

– Кто ты? – спросил его Василий Дмитриевич, отвечая кивком головы на его почтительный поклон.

– Я бывший начальник телохранителей хана Тимура. Зовут меня князь Бартом, князь Георгий Бартом... Я убежал от Тимура... Я православным человеком был раньше... Выслушай меня, княже...

– Что ж Тимур? – перебивая, спросил великий князь и так и впился глазами в говорившего.

– Тимур вышел из пределов русских. И все воинство свое увел... Пресвятая Богородица явилась ему во сне аль наяву, может быть, и повелела из русской страны удалиться...

И князь Бартом передал подробности чудесного видения Тамерлана, о чем тот рассказывал сам в кругу своих приближенных... Василий Дмитриевич не верил своим ушам.

– Значит, уж нет Тимура? Значит, бояться нам его нечего? – спрашивал Бартома.

– Удалился он в страны полуденные, княже великий. Владычица Небесная повелела... Славьте и благодарите Ее, великую Заступницу рода христианского! А без Ее милосердия не устоять бы было Руси перед Тимуром: воинства с ним более четырехсот тысяч было!..

– О, Владычица! – воскликнул Василий Дмитриевич и, соскочив с коня, крепко обнял и расцеловал доброго вестника, крайне обрадовавшего его...

Ликование русских людей было безмерное. Приехавшие

с Бартомом дети боярские из Рязани, посланные для сопровождения его, подтвердили, что Тимур действительно обратился назад и это было известно князю Олегу от его разведчиков, помимо Бартома, – и все веселились и радовались, благодаря Бога за свое спасение.

О преследовании монголов или вообще о неприязненных действиях против них не могло быть и речи. Великий князь, собирая войска, не оставлял мысли, что дело может обойтись без столкновения с грозным завоевателем, и надежда его исполнилась. Небесная Заступница и Молитвенница за род христианский спасла Русскую землю от гибели, и никто не сомневался в том, что никакие иные причины, а только веление свыше заставило Тимура отказаться от похода на Русь.

И полетели грамотки и вести во все концы земли Русской о радостном событии. «Тимур обратился вспять, гроза прошла стороною!..» Эти слова действовали на всех оживляюще, и везде, куда ни приезжали гонцы, русские люди первым делом спешили в храмы, духовенство служило благодарственные молебствия и все от души ликовали, славя Небесную Спасительницу.

После прибытия в русский стан на Оке Бартома великий князь приказал дьякам написать две грамотки: одну митрополиту Киприану, другую – князю Владимиру Андреевичу с уведомлением о «Божьей милости» и послать их в Москву с боярскими сыновьями Сытой и Всеволожем, находившими-

ся при его особе.

Да, все трое бывших собутыльников московского государя, Сыта, Всеволож и Белемут, состояли при Василии Дмитриевиче, но теперь они и думать не хотели о пирах хмельных.

Через несколько дней после этого великий князь окончательно убедился, что Тамерлан повернул на юг, и уехал с берегов Оки в Москву, приказав воеводам распустить собранное войско, в котором уже надобности не представлялось.

Москва встретила великого князя торжественно, и, хотя он не совершил никакого подвига, все видели его готовность пожертвовать собою ради спасения земли Русской, и даже не отличавшийся нежными чувствами Василий Дмитриевич прослезился, когда молодая супруга при встрече, вопреки тогдашнему приличию, упала ему на грудь и залилась счастливыми слезами...

Все страхи и тревоги миновались. После смятения наступило успокоение. Митрополит Киприан передал великому князю о данном обещании воздвигнуть обитель на месте встречи чудотворного образа Пресвятой Богородицы, и Василий Дмитриевич с полным усердием дал слово осуществить на деле эту мысль. В непродолжительном времени на Кучковом поле уже возвышался красивый каменный храм, а затем образовался и монастырь, существующий и по настоящее время под названием Сретенского.

Что касается князя Бартома, то великий князь отнесся к нему весьма благосклонно и, приняв его к себе на службу,

через два года возвел его в бояре. Для бывшего начальника телохранителей хана Тимура нашлось третье отечество, и, сжившись с Русью, он навсегда остался в ней, верно и нелицемерно служа московским государям...

Последние дни Перми Великой

I

Богато и привольно жил боярин, князь Федор Давыдович Пестрый, один из ближних советников московского великого князя Ивана Васильевича III. Дом у него был чаша полная. Челяди, слуг разных, холопов насчитывалось чуть ли не более сотни при его московских хоромах, выстроенных на берегу Москвы-реки, неподалеку от стен каменного города – Кремля. Семейство его было небольшое: жена, два сына да дочь, в которых он души не чаял.

– Хорошо тому на свете жить, – говаривал он под веселую руку, благодушествуя за кружкой пива в дружеской компании, – у кого, братцы мои, совесть чистая да у кого в дому мир да любовь обстоит! А у меня уж чего лучше, все как по маслу идет. Никакими пакостями я не занимался, со своей старухой да с детками как некий Авраам древний живу! Государь великий князь меня жалует...

– Любит тебя княже великий, чего говорить, – поддакивали приятели, такие же бояре, как Пестрый, но не столь сильные при великокняжеском дворе, как он. – Это хоть кто скажет. Завсегда на тебя милости государевы сыплются. Стало быть, есть за что. А семейному житию твоему всякий поза-

видовать может. Такое ли радостное житие, просто глядеть любо!..

– Нечего Бога гневить, взыскан я всяческими щедротами, слава и благодарение Господу! – крестился боярин, отличавшийся большою набожностью. – Чего же желать еще мне?..

– Вестимо, всего у тебя довольно, князь Федор Давыдович, – вздыхали приятели, втайне завидовавшие невозмутимому благополучию Пестрого. – Просто как у Христа за пазухой ты живешь!.. Чего же желать еще тебе?

– Н-да, живем помаленьку! – самодовольно поглаживал свою седую бороду Пестрый и в глубине души посмеивался над друзьями-боярами, которых он подзадоривал речами о своей счастливой жизни.

Но не одни только бояре завидовали этому любимцу Иоанна III. Все жители московские, не исключая купцов и суконников, не без зависти поглядывали на его пышные хоромы, изукрашенные резьбою и даже позолотою, весело поблескивавшие на солнце. Между ними зачастую можно было слышать разные речи, характеризующие личность Пестрого.

– Ишь ты, богатый какой этот боярин, – говорили одни, останавливаясь перед хоромами Пестрого, уступавшими разве только дворцам великого князя по красоте и по роскоши отделки. – Эдакие палаты заворотил! Видать, что птица не маленькая, мощною шибченько потряхивает! Да и то: на вотчинах своих он живет, а вотчины – кормление изрядное, можно добра прикопить!..

– Не вотчинами, а милостью князя великого богат боярин Федор Давыдович, – вставляли другие, более знакомые с жизнью и истинным положением при великокняжеском дворе Пестрого. – Не много таких людей, как он. Правдив паче меры этот боярин, везде правду-матку режет. Недаром про него говорят, что он самому князю великому Ивану свет Васильевичу брякнул раз, что-де ты, государь, такое-то дело рассудил неправильно, не следно ли бы было тебе споначалу совет держать со старыми боярами, ежели-де своего разума не хватает?..

– Ну, и что ж княже великий? Не прогневался?

– Вестимо ж, нет. Только промолвил с лукавой усмешкою: вот времечко-де настало – выше лба уши расти начали! Однако по-евоному сделал и даже слово ласковое к нему обратил: так завсегда режь правду-матку, князь Федор! Люблю-де правду слушать!..

– Гм! Так оно... Только отколева ему такое богатство досталось, ежели он за правду-матку стоит? Неужто от правды богатеть можно? А он, вишь, какие палаты понастроил!

– Э, милый человек, не ведаешь ты про богатства боярские! А у него уж раньше все было... дедами и прадедами накоплено. Из роду в род, значит. Оттого и правдой он живет, потому как нет ему нужды кривить душой корысти ради...

– Тоже нужды нет, сказал ты слово эдакое! – посмеивались торговые люди, почесывая руками затылки. – Это для кого как. Вестимо, Пестрый-князь такой правдолюбец, ка-

ких днем с огнем поискать надо. Про него нельзя худой сказки сказать. А уж про других бояр да приказных много худых сказок отыщется... Шибко уж крепко нас давят, просто дыхнуть не дают! Не страшатся даже грозного государя Иван свет Васильевича. А он ли уж их не наказывает!..

Действительно, в те времена черному народу, людям тяглым и посадским приходилось плохо от бояр, людей служилых и приказных, не брезговавших никакими средствами, чтобы приумножить свое состояние. И тем более честность и благородство князя Пестрого бросались всем в глаза, что большинство вельмож московского двора любили поприжать «меньшого брата», пользуясь бесправием последнего.

Впрочем, не одним своим бескорытием славился князь Пестрый. Был он и славный воевода, известный своей воинской доблестью, проявленной им во многих походах на татар, на Литву, на Вятку, а в последнее время на Казань, куда он ходил под главным начальством князя Константина Александровича Беззубцева. Этот поход был неудачен для русских, сначала побивших казанцев, но потом едва не поплатившихся своими головами за непонятную беспечность, проявленную ими под стенами Казани. Тут плохо пришлось бы руссакам, пировавшим «без опояски» в своем стане, положившись на миролюбивые заверения казанского царя Ибрагима, если бы не распорядительность князя Беззубцева и не находчивость Федора Пестрого, который зашел со своим

отрядом в тыл татарам и заставил их отступить, дав время изготовиться московским полкам к обороне. За этот подвиг князь Пестрый был щедро награжден великим князем, получившим о том донесение от главного начальника рати – Беззубцева.

За этим походом на Казань последовал второй, предпринятый для усмирения казанского царя Ибрагима, посылавшего своих наездников разорять русские области. Братья великого князя, Юрий и Андрей Васильевичи, предводительствовали московскою ратью, при которой находился весь двор великокняжеский, все князья служилые, воеводы и, между прочим, князь Федор Пестрый, состоявший в передовом полку князя Даниила Холмского. Казанцы были разбиты наголову, и царь Ибрагим принужден был заключить мир «на всей воле» государя московского, то есть исполнить все его требования. Таким образом, цель похода была достигнута и Казань была усмирена, но тут Пестрый получил серьезную рану в плечо, вследствие чего не мог участвовать в походе против Великого Новгорода, что ему было даже втайне приятно, ибо сражаться со своими же братьями православными особенного удовольствия не представляло...

В конце 1471 года князь Федор Давыдович, уже оправившись от ран, хотел было ехать в Коломну, где у него находилось много родовых и жалованных вотчин, как вдруг в одно морозное зимнее утро к нему явился дьяк с государева двора и объявил, что на завтрашний день назначено в Кремле

собрание ближних бояр и воевод для суждения по какому-то делу, куда великий князь повелевает явиться и Пестрому.

– А не знаешь ты, дело какое? – полюбопытствовал боярин, выслушав слова дьяка.

– Досконально не знаю, княже, а кажись, о Перми Великой суждение пойдет, – отвечал дьяк. – Больно уж зол государь на людей пермских...

– Это которые зырянами зовутся, на тех, что ли?

– Нет, это другой народ, не зыряне¹⁸, а настоящие, коренные пермяне, которые по край Каменного Пояса¹⁹ живут. С Волги-реки к ним попадают.

– Знаю, слышал о таких. Говорят, там недавно еще вера Христова воссияла по трудам зырянского светителя Ионы?

– Верно изволишь молвить, княже. Десятый уж год пошел, как пермяне владыкой Ионой окрещены. Только нынче смута там творится. Возненавидели пермяне имя русское и, кажись, на веру Христову сердцем восстают...

– Ах, Господи, грех какой! – перекрестился Пестрый. – Чтой-то над ними приключилось?

– А не иначе как дух новгородский в них вселился, – решил дьяк. – Потому как давно они дань платят Новгороду

¹⁸ Под именем зырян тогда известен был народ, обитающий по рекам Вычегде, Сыsole и их притокам, в пределах нынешней Вологодской губернии. Название зыряне (сырьяне) произошло от слова «сыроядь», «сыроядцы», то есть люди, едящие сырое мясо. (Примеч. автора.)

¹⁹ Каменным Поясом называли тогда хребет Уральских гор, по одну, западную сторону которых и находилась Великая Пермь. (Примеч. автора.)

буйному. Ну, и нахватались духу вольного, новгородского, задумали над Москвой посмеяться. Да за одно и верой Христовой пренебречь... Смута такая там пошла, что Боже упаси!..

– Ишь ты, народец какой! Туда же, подумаешь, суются!.. А смута-то какая у них вышла?

– Торговых людей наших обидели они, просто как липок обобрали. Мы, говорит, вашего государя не боимся! Мы, говорит, Москве поклоны не бьем! Мы, говорит, даже новгородцев не особенно жаловали, а москвитян тем паче не трухаем! Вот-де вам сказ наш пермский!.. Ну, и забрали все товары, какие при наших москвичах были, а самих-то их взащей протолкали. Еле добрались они до Москвы, чуть не нагишом пришли. Ладно еще помогли им попы пермские, а то пропадать бы пришлось, как собакам!..

– Ну, дела! Ну, дела! – только развел руками Пестрый. – Не по разуму зазнались пермяне. Большую смелость взяли на себя. А это им даром не пройдет. С государем нашим шутки плохи. Не спустит он дерзость подобную, покажет озорникам, как с русскими жить полагается... Так гневается, говоришь ты, княже великий, а? – спросил он у дьяка, почти тельно стоявшего перед ним.

– Ужаси как гневается! Даже ногой топнул, как услышал о такой продерзости пермской. Проучу, говорит, я этих разбойников! Да и веру православную, говорит, спасти надобно!.. Сами ведь обиженные ему жаловались, всю подногот-

ную выложили, что и как вышло...

– А какие купцы там были, которых ограбили? Как их по имени зовут?

– Были там Семен Живоглот да Степан Курочкин с товарищами. Чаяли с большими барышами вернуться, а пришлось с сумой за плечами...

– Знаю я Сеньку Живоглота, – поморщился Пестрый. – Первый обманщик на Москве! А Степана Курочкина не ведаю.

– Курочкин тоже не плоха блоха, – подсказал дьяк, – но все же Живоглота получше будет...

– Вот то-то и есть, друже. Уж ежели такие купцы там были, значит, не зря заваруха поднялась... Надо, брат, умом тут пораскинуть... Надо правду-матку поискать... Да, да. – Он помолчал немного и сказал: – А пожалуй, можешь идти, дьяче. Слышал я указ государев, наутрие на совет буду. Да ты выпей, дьяче, медку, веселее ноги понесут! – улыбнулся он и приказал холопам поднести приказному кружку вкусного напитка, от которого хмелели самые крепкие здоровые люди.

Дьяк выпил кружку одним духом, поблагодарил хозяина и удалился, славя боярское хлебосольство.

II

На завтрашний день, с восходом солнца, с разных концов Москвы стали съезжаться в Кремль знатные бояре и воеводы, призванные на совет к великому князю. Холопы и придворные челядинцы высаживали прибывающих из саней и помогали им подняться на высокое крыльцо великокняжеского дворца, или терема, изукрашенного со всею пышностью того времени. В сенях встречали их дьяки и провожали в приемную палату, способную вместить более сотни человек.

Князь Пестрый приехал в числе других и обменялся приветствиями с боярами, имевшими кроткий и даже униженный вид. Все говорили полупшепотом, ожидая выхода государя, пребывающего во внутренних покоях. Разговоры как-то не вязались, да и какие разговоры могли быть, когда многие вельможи только и думали о том, как бы изворотистее ответить на вопросы великого князя, если он спросит их мнения о чем-нибудь.

«Надо, брат, ухо остро держать с таким державцем, — проносилось в голове у старых бояр, привыкших трепетать перед своими повелителями. — Он, брат, по головке не погладит, ежели что невпопадбрякнешь. С ним шутки плохи!..»

И они еще глубже уходили в высокие воротники своих кафтанов, отупело поводя глазами по сторонам.

Большую строгость имел великий князь Иван Васильевич III в обращении со своими боярами. Никто не видел у него потачки. Слов нет, он не был так жесток и суров, как впоследствии внук его, царь Иван Васильевич же Грозный, но и мягкосердечием он не отличался и крепко держал в своих руках вельмож, трепетавших от каждого его взгляда. Бояре забывали в его присутствии свою обычную гордость и заносчивость. Никто не смел при нем затевать ссор и свар, учинять буйств, насилий и вообще недостойных дел, зная, что подобные деяния не останутся безнаказанными, и тем более неизменная смелость суждений князя Пестрого и других немногих сановников на придворных собраниях являлась удивительною, что великий князь временами как будто даже гневался на смельчаков, но потом опять снисходительно улыбался и говорил:

– Ладно, ладно, строптивцы вы эдакие. Выслушал я речь вашу дерзкую... и сильно мне по сердцу она прилась. Вижу я, по правде вы судите. А правду люблю я слушать...

– И страх их не берет, право! – толковали в Москве про таких смельчаков и завидовали подобной отваге, перед которою бледнела всякая воинская доблесть.

– Счастливики! Право, счастливики! Видишь, как голову высоко несут! – шептались трусливые бояре, видя, как Пестрый подошел к кучке осанистых вельмож, спокойно рассуждавших о чем-то неподалеку от дверей, ведущих во внутренние покои. – По правде, по совести они судят... Пото-

му как любит их княже великий... А наш брат и пикнуть не смеет!..

– В душу государеву они влезли, кругом его обошли, ну и болтают что на ум взойдет, благо принимают их словеса за суждение праведное, – замечали другие. – А постращай бы их, к примеру сказать, батогами, живо бы правду забыли!..

– Правдолюбцы, что и говорить! – шипели третьи из отдаленных уголков приемной палаты. – Тоже с советами лезут. А княже великий их слушает. А им чего не праведничать, ежели у них многое множество вотчин да тяглых людей есть! А отбери бы у них вотчины богатые да с сумой бы по миру пусти, каково бы запели тогда? Небось бы забыли про правду!..

Между тем князь Пестрый, не подозревая, что много глаз следит за ним с явной неприязнью, беседовал с князем Данилой Дмитриевичем Холмским, известным своими военными удачами. Тут же стояли князь Иван Юрьевич Патрикеев, князь Василий Иванович Стрига-Оболенский и суровый на вид боярин Василий Федорович Образец, закадычный приятель Пестрого.

– Непременно поход будет нынче, – говорил Холмский Пестрому, расправляя воротник своей ферязи. – Вчера государь о том обмолвился...

– Куда поход? – спросил Пестрый.

– На Великую Пермь! Пермяне обидели наших... каких-то купцов, говорят... Что-то такое там вышло...

– Знаю, слышал о том деле. И, говорят, крепко обидели?

– Это Живоглота-то Сеньку? – усмехнулся Патрикеев, прислушавшись к разговору. – Знаю я поганую гадину! Недаром Живоглотом его прозвали. Воистину Живоглот настоящий!.. Из-за него бы, вестимо, марасть рук не стоило бы. Но дело не в обиде наших торговых людей. У великого князя свои думушки...

– Прибрать бы к рукам надо Пермь Великую, вот что! – буркнул Образец, ни к кому, собственно, не обращаясь. – А посему не упустит государь сего случая. Непременно поход будет на Пермь.

– Что же, в добрый час, – сказал Стрига-Оболенский. – Пермь под новгородским началом состоит. А новгородцев летось поупарили мы малую толику. Следно и пермян подковать. Только далече эта страна от Москвы. Трудненько добраться до нее будет.

– Ежели повелит княже великий, дойдем и до Перми живым духом! – тряхнул головой Пестрый. – Проходили же через нее воеводы Иван Руно да Иван Звенец в третьем году, когда в Черемисскую землю ходили...

На этом разговор оборвался. В палату вбежал юркий подьячий и возгласил:

– Государь великий князь жалуется, а с ним митрополит, владыко святой, да княжичи, братья государевы! Приготовьтесь, князья-бояре именитые, государя встречать!

– Господи, благослови!.. Что-то будет?.. – пронеслось

между присутствующими. – О чем соизволит судить княже великий?..

Дверь, ведущая во внутренние покои, распахнулась, и в палату вступил великий князь Иван Васильевич, облеченный в богатые одежды, блиставшие золотом и драгоценными камнями. На нем была шапка и бармы Мономаховы. В руках он держал посох из черного дерева, снабженный серебряным набалдашником. Рядом с великим князем шествовал митрополит Филипп, владыка московский, всегда присутствовавший на важных заседаниях боярской думы. За ними шли два брата Иоанна III, Андрей Большой и Андрей Меньшой, оба известные витязи, искусно руководившие войсками в ратном поле, куда их неоднократно посылал великий князь совместно с другими военачальниками.

Бояре отдали земной поклон государю и пожелали ему много лет здравствовать. Митрополиту они поклонились с не меньшим почтением и стукнули лбами о пол, когда он благословил их общим благословением. На долю братьев великого князя, двух Андреев, достался только поясной поклон, что, впрочем, и требовалось придворным церемониалом.

Усевшись в свое золоченое кресло, стоявшее на некотором возвышении, великий князь окинул быстрым взглядом собрание и начал говорить громким, решительным голосом: – Ведомо вам, князья-бояре, что есть на свете страна, нарицаемая Пермь Великая?..

– Ведомо, государь, ведомо, – пронеслось между присутствующими, гулом отдаваясь в отдаленных уголках приемной палаты.

– А ведомо вам, что страна сия под новгородским началом состоит?

– Ведомо, государь, ведомо, – опять загудели бояре.

– Так вот, князь-бояре, слуги мои и советники, скажу я вам слово единое о стране пермской. Худо пермяне учинили, торговых людей наших обидели... Да оно бы ничего еще, пусть, коли бы Москву они не трогали. А они ведь поносить начали всю землю Русскую, меня на чем свет стоит обругали и даже холопом татарским обозвали!.. – Глаза великого князя сверкнули, лицо вспыхнуло гневом. Он стукнул посохом об пол и продолжал: – О, люди неразумные! Обуял их дух гордыни новгородской, думают так и есть. Надеются на помощь Новгорода. Но мы уж сокрушили Новгород, придавили пятой главу змия шипящего... Помните вы, князь-бояре, как мы с новгородцами управились?

– Как не помнить, княже великий! – слышались голоса. – Зело помяла Москва бока у Новгорода Великого, каким он себя величал! Ведь летось еще дело было. Да и Новгороду не забыть того, как ты, государь, покарал его для примера другим строптивцам!..

И бояре говорили правду. Действительно, трудно было бы забыть Новгороду кровавую бойню, заданную ему великим князем Иваном Васильевичем летом 1471 года. Дело вышло

из-за обычной легкомысленности новгородцев, отказавшихся признавать верховную власть московских владетелей, истари именовавших Новгород своею «отчиной и дединой» и требовавших некоторых доходов, чем все их притязания и ограничивались. Вдова бывшего посадника, Марфа Борецкая, с двумя сыновьями, Дмитрием и Федором Исаковичами Борецкими, при помощи многих подстрекателей, произвела переворот в Новгороде, последствием чего было решение народного веча: отдаться под покровительство польского короля Казимира, порвав всякую связь с Москвою. Это решение было немедленно приведено в исполнение. Новгородское посольство поехало в Литву и заключило с Казимиром формальный договор, предоставляющий польскому королю те права и доходы, каких требовал московский государь, но оставляющий неприкосновенною «народную свободу» новгородцев. Это событие ужасно разгневало великого князя Ивана Васильевича, и он послал несколько отрядов к новгородским владениям с приказанием дать острастку крамольникам... Началось страшное опустошение. Истребляли все огнем и мечом, не щадя ни старого, ни малого, не разбирая правых и виноватых. Таков был дух того грозного кровавого века. Иначе и быть не могло... Следом за передовыми отрядами прибыл сам великий князь с главными силами и расположился станом при Яжелбицах. С его приходом военные действия оживились. Произошли одна за другой две решительные битвы, чрезвычайно счастливые для москвитян.

Сначала князь Холмский с боярином Федором Давыдовичем одержали победу на Коростыне, между Ильменем и Руссою, а потом тот же Холмский, при содействии других воевод, разбил новгородцев наголову при Шелони, чем всякое дальнейшее сопротивление крамольников было сломлено. Они принуждены были смириться, видя, что их нареченный покровитель, король Казимир польский, не может или не желает дать им помощь. Был заключен мир «по милостивому соизволению» Иоанна, обусловившего в договоре, чтобы Новгород за свою вину выплатил в московскую казну деньгами 15 500 рублей, или около восьмидесяти пудов серебра, что составляло по тому времени громадную сумму. Но главная беда Новгорода заключалась в ужасном разгроме и кровопролитии, произведенном московскими дружинами на прострaнстве не одной сотни верст, и такая кара, наверное, долго должна была помниться новгородцам...

– Да, поубавил я спеси у Новгорода прегордого! – усмехнулся Иоанн, весело поглядывая на бояра. – Перед Москвою выю он склонил... А ежели крови пролилось тут много, так то не моя вина. Больно уж осерчавши были ратники наши на изменников новгородских. Просто не удержать было никак...

– Что ж делать? – вздохнул митрополит. – Без крови войны не бывает. Только, вестимо, не следовало бы давать воли ратникам...

– Знаю, владыко, – нахмурился великий князь, – но кро-

тостью многого не достигнешь, не укротишь словами ласковыми вепря свирепого, сиречь народ новгородский неистовый... Одначе довольно об этом, – прервал он самого себя. – Повел я речь о Перми Великой – и надо о ней посудить. Послушайте, князь-бояре! Послушай и ты, владыко святой. Пермiane обидели торговых людей наших, Москву ни во что поставили, имя мое обесчестили, поруху моей княжьей чести нанесли! Что им за это подобает? Какого наказания они достойны?

Бояре переглянулись между собою. Никто не знал, как отвечать государю. Боязнь попасть впросак, высказать несуразную мыслишку связывала языки присутствующим, знавшим крутой нрав Иоанна. Но вот поднялся с места князь Данило Холмский и проговорил:

– Укротить их надо, государь. Покорить под ноге твою.

– Воевод послать туда с ратью изрядною, – поддержал Холмского князь Патрикеев. – Нельзя же от таких смердов обиды терпеть!..

– Непременно покорить надо Пермь, княже великий, – заявил Федор Пестрый. – Только прости меня, государь, я правду скажу. Не верится мне, чтоб так виноваты были пермяне, как о том Живоглот с товарищами толкуют. А потому повели идти на Пермь воеводе честному, некорыстному. Пускай он накажет пермян от твоего грозного имени, но потом пускай и помилует их именем твоим, якобы по рассказию ихнему сердечному. А то пойдет туда воевода жесто-

косердый да корыстный, людей мечом посечет, селения огнем поपालит, добро, какое можно взять будет, себе заберет, а тебе, государь, только пустыня останется. А ты ведь, княже великий, не одне лишь земли покоряешь под высокую руку свою, а покоряешь и людей, кои на тех землях живут!..

– А и умен же ты, князь Федор, ой-ой как умен! – покачал головой Иоанн, выслушав горячую речь Пестрого. – Книжником бы тебе быть, а не воеводой. Да, знать, уж судьбина твоя такая, что не попал ты в книжные люди, а советчиком моим сделался... Ну, ладно, по-твоему будь. Пошлю я такого воеводу в Пермь, какого ты расписал сейчас, ежели работа ратная там будет... А что скажут прочие князья-бояре по делу сему? – обратился великий князь к остальному собранию. – Следует ли посылать рать на Пермь Великую, дабы покорить ее, как того советуют князья Холмский, да Патрикеев, да Пестрый?

Бояре дружно возгласили, следуя примеру названных князей:

– Посылай, государь, рать на пермян!.. Укротить их надо хорошенечко, дабы вперед неповадно было!.. А мы рады за тебя головы свои положить!..

– А я, чадо мое, господине княже великий, – прибавил митрополит, – стану Бога молить за ратников храбрых, кои в дальний поход уйдут. А паче всего желаю я, дабы вера Христова там сохранилась, ибо худые вести оттуда пришли, будто в умах пермян сомнение велие учиняется насчет истин

евангельских. И вот задумал я святое дело поддержать, с воеводами попов да иноков послать в Пермь Великую... но об этом после потолкую я, с кем потребно будет. А теперь аз, пастырь недостойный стада словесного, от души благословляю поход сей, да будет он счастлив для русского оружия и да крови поменьше прольется во имя милосердия твоего, княже великий!..

– Аминь! Да будет так! – заключил великий князь, поднимаясь с места. – И я объявляю поход на Пермь Великую, по совету вашему, князья-бояре, да по благословению твоему, владыко святой, а паче всего по моему хотению личному. Пусть знают пермяне, каково над русскими людьми куражиться!.. Назавтра укажу я о том, каким воеводам ратью водить, а теперь можете уходить, князья-бояре. Спасибо вам за совет ваш разумный.

Он поклонился собранию и вышел из приемной палаты рядом с митрополитом, шептавшим про себя молитву.

Великокняжеский совет был закончен.

III

С разными чувствами встретила Москва весть о походе на Пермь Великую. Во многих семьях городских и посадских людей были здоровые мужчины, считавшиеся очередными ратниками для пополнения великокняжеских войск. Тут сразу поднялись плач и рыдание, усиливаемое рассказами об отдаленности пермской страны, откуда многие могли не вернуться совсем. Горевали преимущественно матери и жены ратников, страшась вечной разлуки со своими сыновьями и мужьями. Мужчины же с твердостью переносили новую тяготу и говорили, что ради государя да родины всякую невзгону можно претерпеть.

Зато находились такие люди, для которых поход на Пермь обещал одно удовольствие. Это были бездомные бобыли, вечные искатели приключений, служившие в дружинах разных князей и бояр, считаясь, однако, не холопами их, а вольнонаемными дружинниками. Они, по первому слуху о войне, стекались под знамена великого князя, иногда в составе боярских дружин, иногда же сами по себе и всегда храбро сражались, но зато при всяком удобном случае принимались грабить, не разбирая, по какой стране они проходили – по русской или по басурманской. Впрочем, в пределах московского великого княжения озорство их места не имело, а «пощаливали» они только в областях новгородских, или твер-

ских, или рязанских, на что воеводы смотрели сквозь пальцы. В «басурманских» же землях, будь то владения татар, или литвы, или немцев, или же каких-либо людей лесных – инородцев, разорять народ позволялось всякими способами, а добро народное составляло невозбранную добычу победителей. Оттого-то объявленный поход на Пермь Великую и радовал искателей приключений, тем более что там, по слухам, имелось много серебра, известного под названием закамского, при мысли о котором у каждого «храброго витязя» посасывало под ложечкой от жадности.

«Вот только большим воеводой назначат кого? – подумывали они, зная по опыту, что от главного военачальника все зависит. – Не дай Боже, ежели какой-нибудь правдолюбец будет, вроде князя Пестрого, али Образца-боярина, али там князя Патрикеева Ивана Юрьевича, али свойственников его князей Ряполовских! Те уж на чужое добро не позарятся, да и нашему брату воли не дадут! А вот ежели бы князя Руно Ивана поставили, он бы нашему нраву перечить не стал, ибо сам любит чужое добро заграбастать. У него уж руки такие загребушие, того и глядят, поди, чего бы в карман себе захватить. Он даже с царя казанского откуп взял, когда мы под Казань ходили ратной чести искать!..»

Об Иване Руно все говорили, что он в 1469 году, в мае месяце, будучи предводителем сильного русского отряда, мог бы легко взять Казань, застигнутую москвитянами врасплох, но после битвы в предместьях города он внезапно приказал

отступит к Волге, потом сел на суда и отплыл к Коровничьему острову, где русские целую неделю сидели без дела. Тут к Руно приезжали какие-то таинственные незнакомцы, не то поволжские разбойники, не то татары же и привезли двенадцать мешков с чем-то тяжелым и тщательно увязанным в свертки, из чего дружинники заключили, что воевода взял откуп с казанского царя Ибрагима за уход из-под стен его столицы...

– Ах, хорошо бы было, кабы Руно в Пермь послали! – вздыхали любители чужого добра, побывавшие уже в походах с этим воеводой, но их вождедения не оправдались.

Через два дня после собрания бояр в Кремле по Москве разнеслась весть, что большим воеводой рати, набираемой для похода на Пермь Великую, назначен князь Федор Давыдович Пестрый, а в «товарищи», заместителем ему – воевода Гаврило Нелидов, приходившийся ему дальним родственником.

Этого никто не ожидал. Даже сам Пестрый удивился, когда его позвали в Кремль и объявили неожиданную новость.

– Не ждал я такой милости, княже великий, – говорил он, скромно выслушав указ государев о назначении своем большим воеводой для похода в Пермь Великую. – Ведь многие бояре-воеводы старше меня есть... и поопытнее. Как будто неладно их обходить...

– На то моя воля государская! – прервал Пестрого Иоанн, сделав нетерпеливое движение. – По-моему, ладно я учинил,

что обошел двух-трех стариков, которые годятся только в приемной палате сидеть да расправлять свои бороды сивые. По-моему, дело не в старшинстве, а в таланте воинском, а таланта сего у тебя не занимать стать. Ты ведь из первых воевод моих, на тебя я как на каменную стену надеюсь, а потому и порешил тебя в Пермь послать в челе дружин моих воинских!..

Воевода отвесил низкий поклон великому князю.

– Спасибо тебе, государь, за добрые словеса твои! Не знаю, не ведаю я, чем милость твою заслужил?..

– Заслужил ты ее верой да правдой своей, а правдою ведь редкий человек живет. Оттого и люблю я тебя, что завсегда ты правду-матку режешь. А правду люблю я слушать.

Иоанн помолчал немного, подумал и продолжал:

– А теперь скажу я тебе, как надо воевать Пермь Великую. Вот тебе наказ мой потаенный. Все думают, что гневаюсь я на пермян за обиду торговых людей наших. Но я не поглядел бы на то. Купцы сами виноваты. Слишком уж много дерут, алчностью непомерной одержимы. Да и слух до меня дошел, что Сенька Живоглот, суконник, у одного пермянина девку уволок да обесчестил. За то и прогнали их оттуда, а товары себе забрали. Ну, это бы так и следует, не ходи в чужой огород... А вот меня-то зачем же поносить словами непотребными? За это не будет им спасения!..

– Да, может, пустое брешут, государь? – решил возразить Пестрый. – Может, не виноваты пермяне, а лжу-напраслину

на них плетут? Кто знает...

– Я тоже мерекаю: может, мол, напраслину плетут? Но, видишь ли, князь Федор, причина-то больно хороша подошла, – присовокупить Пермь Великую к земле московской! Вот я и придрался к такой оказии да порешил воевать пермян. Пусть, с помощью Божьей, ширится и поднимается Русь святая, пусть врагам иноземным будет она на страх и трепет... и да сгинут кровные враги ее, татары ордынские, которых нынче я не страшусь уж нисколько!..

Великий князь опять помолчал и продолжал снова:

– Так вот, мой названный большой воевода! Даю я тебе заповедь такую. Покоряй под мою руку Пермь Великую, сначала строгость покажи, а потом помилуй их моим именем, как ты позавчера толковал о том. А мирный народ тамошний, особливо женщин да детей, не давай в обиду своим воинам. А то ведь они охочи во вражеской земле поозорничать.

«Эвона! Да разве я не знаю того без приказу нарочитого?» – мысленно удивился Пестрый, но потом тотчас же ответил:

– Слушаю, государь. Неукоснительно по слову твоему сделаю.

– То-то, смотри. Да слышь ты, князь Федор, не забывай, что там крещеный народ живет, православные христиане, как и мы с тобой, только роду не нашего русского. Так вот, как слышал ты позавчера о том, с тобой владыко-митрополит попов да игуменов с монахами пошлет, дабы они людей

пермских в истинах Христовых утверждали. Так ты им всяческое пособие делай, этим церковникам да черноризцам, ибо великая от них польза может выйти.

– Постараюсь, княже великий! Ведь тоже я человек православный! – горячо проговорил боярин. – Жизни своей не пожалею я для дела подобного!..

– Потрудишься, князь Федор, во славу Божью! Да будет твой поход счастлив и удачен, да будет московской державе приращение! А ежели князья пермские живьем тебе сдадутся, ты их в Москву посылай, за стражею. А я уж увижу, что сделать с ними.

– Слушаю, государь.

– Да, да, – задумчиво продолжал Иоанн, – я не желаю губить пермян, а желаю только под свою власть их привести. Это еще раз говорю я тебе. А нынче они дань новгородцам платят, а новгородцы уж сами живут, дышат лишь милостью моею. А посему смешно даже пермян не трогать, будто у нас сил не хватает с эдаким народцем управиться... И вот повелеваю я тебе, князь Федор, как только покоришь ты Пермь Великую, тотчас же заставь пермян крест целовать на верность мне и наследникам моим, да будут они подданными моими, наравне с другими подвластными мне народами.

– Постараюсь исполнить указ твой, государь, – наклонил голову Пестрый.

– А дядьки да подьячие, коих я придам тебе, разведуют да распишут, сколько дымового с них брать придется, окромя

дани воинской. А ты им охрану давай, как полагается.

Пестрый слегка поморщился.

– Не люблю я, государь, крапивного семени, сиречь крючковых приказных. Нельзя ли как-нибудь без подьячих обойтись?

– Нельзя без приказных народ описывать, чего просить невозможного! – зыкнул на воеводу великий князь, не любивший ни в чем противоречий. – Не станешь же сам ты писать!..

– Оно, вестимо, плохой я мастер закорючки выводить гусяным пером, хоша свитки церковные читаю порядочно...

– А тут писать надо, а не читать, понимаешь ты?

– Понимаю, государь.

– Ну, то-то же. Слишком уж смел ты с правдой своей! Пожалуй, пора бы помирнее быть. Ведь, знаешь, слишком крутая правда глаза колет! Такая уж пословица есть... Да ладно, куда тебя девать? За правду-то, вишь, ругать тебя не приходится. Оттого ведь и посылаю я тебя в Пермь, что знаю правду да некорыстность твою. За тебя ж и владыко-митрополит просил. Он знает, что ты человек богомольный, крепко церковь Божью любишь. А для пермян нынче такой человек и надобен, ибо от веры Христовой они отвращаются. А посему ступай сейчас к владыке, он тебе свое поученье даст, как в стране пермской дело святое настраивать. А ежели владыко о чем попросит тебя, ты неукоснительно сделай по словам его, ибо его слова дышат любовью евангельской!

– Слушаю, государь, – отвесил низкий поклон Пестрый и отправился в митрополичье подворье, куда его послал великий князь.

Старец Филипп, митрополит московский, бывший епископ суздальский, отличался кротостью характера, не в пример своему предместнику Феодосию, который, ревностно следя за христианским благочестием, строго наказывал священнослужителей, ведущих развратную жизнь. Оттого-то в 1467 году добродетельный, но суровый нравом митрополит Феодосий, слыша всеобщий ропот духовенства, отказался от митрополии, а на его место был выбран Филипп, занявшийся умиротворением своей паствы кроткими мерами.

Много дела представилось новому митрополиту, видевшему кругом себя тьму суеверия и невежества. В народе господствовала уверенность, что по случаю истечения седьмой тысячи лет от сотворения мира, согласно исчислению греческих хронологов, должно было произойти преставление света. И это ужасало всех. Многие уходили в монастыри, чтобы провести остаток дней земных в посте и молитве. Другие бросали обычные работы и занятия, говоря, что теперь нечего трудиться, а надо только о спасении души заботиться. Появилось немало лжепророков, которые проповедовали о скором скончании века, а под шумок обделывали свои темные делишки. Празднолюбцы-грамотеи шли в попы и в дьяконы, соблазняя народ своим грубым невежеством и распутством. В довершение беды в некоторых областях Руси свирепство-

вала заразная болезнь, называемая в летописях «железою», от которой умерло до двух тысяч народа...

Времена стояли переменчивые. Умы народные шатались, не зная, где ложь, где правда... Митрополит Филипп, как пастырь добрый – не наемник, со времени своего вступления на первосвятительский престол Русской Церкви не покладая рук трудился над умиротворением мятущихся.

Заботился владыка и об окраинах, населенных язычниками-инородцами, приводимыми в московское подданство, но там уж совсем было плохо, потому что боговдохновенных проповедников было мало, а заурядные попы и монахи не могли снискать к себе уважения и доверия среди язычников...

Между прочим, с некоторого времени до слуха владыки стали долетать вести, что жители Перми Великой, крещенные в 1462 году пермским епископом на усть-вымской кафедре Ионою, намерены отпасть от православия, склоняясь на уговоры языческих жрецов и шаманов. Купцы-москвичи, прогнанные возмущившимися пермянами, подтвердили слухи об этом, ввергнув святителя в глубокую печаль и тревогу. Следовало принять свои меры, чтобы спасти колеблющихся от мрака идолопоклонства. А средств для того было мало. И вдруг решение великого князя послать войско для покорения Перми Великой подало митрополиту счастливую мысль... И он пожелал повидать Пестрого перед походом.

– Да будет благословен приход твой, чадо мое, – встретил

митрополит воеводу, осеняя его крестным знамением. – Да будешь ты счастлив в ратном деле, на какое теперь воздвигаешься!

– Аминь, – ответил Пестрый, принимая и целуя благословляющую руку святителя. – Спасибо тебе, владыко святой, за слово доброе!..

– Садись, боярин, потолкуем с тобой, – указал митрополит на лавку, покрытую мягким войлоком. – Надо мне словцо-другое молвить о пермянах, коих ты воевать собираешься...

И он начал говорить.

Долго говорил митрополит, посвящая Пестрого в свои планы и заботы о делах церкви. Владыка скорбел о пермянах, недавно еще принявших православие, но замысливших уже отступить от него. Причины к тому были общеизвестны: отдаленность Перми Великой от Москвы, отсутствие хороших священников, могущих показывать примеры благочестивой жизни, враждебное отношение пермян к русскому племени, олицетворяемому среди них новгородцами и, только лишь отчасти, московскими купцами. А так как христианство шло с Руси, считаясь «русскою верой», то новопросвещенные охладевали и к христианству, не получая от него никаких вещественных благ, на что, быть может, они надеялись. Поэтому владыка решил, что весьма полезным будет послать в Пермь Великую пятерых священников и иноков, трое из которых были зыряне, то есть родственные пермянам

люди, для утверждения последних в спасительной вере.

– Надо обратить заблудших на путь истины, – заключил Филипп свою речь, выслушанную Пестрым с глубоким вниманием. – Да не взыщет с нас Господь за попущение словесного стада своего. А тебя умиленно прошу я, князь Федор Давыдович, не оставь своим попечением попов да иноков моих, коих тебе я поручаю!

– Будь покоен, владыко. Ни на час о них я не забуду, за всегда для них подмогой да защитой буду!

– Вот как утешил ты меня, боярин! – радостно воскликнул митрополит, набожно перекрестясь на иконы. – Большое спасибо тебе. Потрудись же во славу Божью! Только вот тебе завет мой духовный, княже: не позволяй воинам страну пермскую разорять, ибо не подобает христианам подобных себе людей обездоливать! А потом, Боже храни, не невольте вы язычников веру Христову принимать, ибо не меч, не огонь несут свет любви евангельской, а мир, да слова добрые, да кротость беспредельная, ими же вся церковь вселенская зиждется!

– Аминь! Да будет так, как повелел ты, владыко! – наклонил голову Пестрый и, напутствуемый благословением и доброжеланиями Филиппа, оставил митрополичьи покои, глубоко тронутый евангельским заветом святителя.

Начались деятельные приготовления к далекому походу, пугавшему воображение одних и открывавшему перед другими широкие виды на наживу. Ковали и чинили оружие,

шили теплую одежду, необходимую для зимнего времени, заготавливали съестные припасы, заключавшиеся в хлебе, рыбе и разной живности.

Наконец все было готово к выступлению. Отслужили напутственное молебствие, и многочисленная рать, предводительствуемая большим воеводой, князем Федором Пестрым, и товарищем его, боярином Гаврилом Нелидовым, выступила из Москвы, провожаемая за несколько верст от города самим великим князем Иваном Васильевичем, братьями его, боярами, митрополитом, игуменами окрестных монастырей и всем народом московским, желавшим ратникам удачи и благополучного возвращения.

IV

Во второй половине XV столетия Великая Пермь делилась на две половины – Верхнюю и Нижнюю. В Верхней Перми был городок Изкар, а в Нижней – городки Чердын, Покча и Урос²⁰. Городки эти стояли на правом, возвышенном берегу реки Колвы²¹ на более или менее неприступных местах, приспособленных для защиты их от нападений враждебных народов. В городках Изкаре, Чердыне и Покче жили князья, совместно властвовавшие над пермскою странюю. В Уросе же начальствовал воевода покчинского князя (главного среди пермских князей), управляя порученною ему местностью.

Великая Пермь, получившая свое название от слов «великая парма» (что значит – бесконечное болото, поросшее густым девственным лесом), раскинулась на большом пространстве. Владения пермских князей простирались до верховьев Печоры и верховьев Камы, распространяясь во все стороны от Колвы не на одну сотню верст. Было тут много болот, считавшихся совершенно непроходимыми, куда не решались проникать самые отчаянные люди. Это была имен-

²⁰ Названия Изкар и Чердын зырянско-пермяцкие. Изкар означает «Каменный город», а Чердын – «устье топора» или «конец топора». Нынешние же названия Изкара – Искор (село Чердынского уезда) и Чердына – Чердынь являются совершенно извращенными. (Примеч. автора.)

²¹ Приток реки Вишеры, впадающей в Каму. (Примеч. автора.)

но Великая Пермь – неприветливая дикая парма, грозно шумевшая своими древними густыми лесами.

Пермскую страну тогда назывался вообще и Привычегодский край, населенный исключительно зырянами, но ввиду своей близости к городам Устюгу и Вологде этот край раньше прикамской части страны пермской подпал под власть Московского государства. Старая Пермь, как именовался тогда зырянский край в отличие от Перми Великой, являлась уже вполне христианскою страной в то время, когда Великая Пермь погрязла во тьме язычества. Святой Стефан, будущий незабвенный епископ пермский, просветил жителей Старой Перми в 1379 году, тогда как обитатели Великой Перми были крещены только в 1462 году четвертым преемником святого Стефана на усть-вымской кафедре епископом Ионою. Городок Усть-Вым, стоявший на правом берегу реки Вычегды, стал называться с 1382 года градом владычным, потому что в нем установилась кафедра епископов пермских. В Старой Перми до пришествия святого Стефана были тоже свои особые князья, которые жили в городке Княж-Погосте, но с того времени, как последний представитель этих князей, кудесник Пама, был изгнан зырянским народом из своей страны, вся власть духовная и светская сосредоточилась в городке Усть-Выме. Там стали жить московские тиуны и сборщики податей; там начали чинить суд и расправу над зырянами по указам великого князя. Москва любила прибирать к рукам мелкие народы. Она не забыла и

зырян. Произошло полное подчинение Старой Перми московскому владычеству, и зырянский народ навсегда утратил свою самостоятельность.

Таким образом, к описываемому времени только Верхняя и Нижняя Пермь в Прикамье являлись свободными странами, хотя и они платили дань новгородцам. Но новгородцы во внутреннюю жизнь Перми Великой не вмешивались, довольствуясь собиранием с нее дани, что составляло главную цель тогдашних завоеваний.

В начале лета 1472 года, в дождливый и ненастный день, к городку Покче медленно подъехал какой-то человек на тощей лошаденке, облаченный в невзрачную серую одежду и серую же шапку-четыреуголку, сшитую из грубого жесткого сукна. В руках он держал короткое деревянное копьё с железным наконечником, а за плечами у него висел колчан со стрелами и лук с туго натянутой тетивой, сделанной из овечьей кишки. Прибывший неловко слез с лошади, такой же неприглядной и низкорослой, как он сам, суетливо привязал ее к ближайшему дереву и застучался в деревянные ворота городка, окруженного со всех сторон высоким земляным валом.

– Эй, слушайте! Пустите меня! – крикнул он по-пермяцки, увидев человеческое лицо, выглянувшее сверху из-за вала. – Из Чердына приехал я.

– Зачем? – послышался вопрос, сделанный крикливым сиповатым голосом.

– К вашему князю Микалу я послан... от нашего князя Ладмера... С вестью...

– С вестью?

– Да, с вестью. Недобрую весть я привез...

– Неужто вогулы проявились опять? Али другая твоя весть, не про вогулов проклятых?

– Москва на нас поднимается... Москва на нас посылает силу воинскую, которой и сметы нет!.. Отворяй, брат, ворота поскорее. Не время мне с тобой толковать.

– Ах, беда! Ну, беда!.. – забормотал испугавшийся покчинец и быстро скрылся за валом.

Через несколько минут тяжелые деревянные ворота отворились, и посланец чердынского князя вступил в городок, ведя лошадь за собою.

Привратник сказал ему вполголоса:

– Ступай к князю скорее. Недавно с охоты он приехал, пожалуй, спать завалится. А тогда будить его трудно.

– Знаю я, крепок сон князя Микала, но Москва хоть кого разбудит! – усмехнулся чердынский человек и пошагал к княжескому жилищу, находившемуся в центре городка.

Городок Покча, известный в летописях под названием Покчи, стоял на самой вершине крутого холма, омываемого с двух сторон водами реки Колвы, в которую он вдавался отвесным полукруглым мысом. С третьей стороны покчинский холм опоясывала речка Кемзелка, вытекавшая из ближайших болот, снабжавших водою многочисленные реки и

речки Пермского края, с четвертой же стороны, на расстоянии сотни сажен от земляных укреплений городка, проходил глубокий овраг, соединявший Колву с Кемзелкой.

В весеннее время, когда этот овраг тоже заливала вода, Покча представлялась настоящей крепостью, находясь как бы на возвышенном острове, не доступном для вражеских нападений. Летом же, разумеется, этот овраг обсыхал, лишая Покчу ее естественного прикрытия со стороны суши, но, в сущности, это лишение особенного значения не имело, потому что вогулы, или остяки, или татары сибирские, – злейшие враги пермских людей – не останавливались перед такими препятствиями, признавая только вооруженное сопротивление защитников, оборонявших свое достояние с поразительным упорством и храбростью.

За внешним валом, окружающим городок, был другой вал, внутренний, снабженный невысокой изгородью из толстых жердей, вбитых стоймя в землю по гребню вала. В промежутках между валами лежало множество коротких бревен и обрубков, вперемежку с грудями камней, заготовленных на случай осады городка внешними врагами. Этими бревнами и камнями покчинцы отражали приступы неприятелей, скапывая им на головы бревна и бросая камни. Кроме того, на обоих валах, в равномерном расстоянии друг от друга, были построены маленькие деревянные башенки, с которых жители городка встречали врагов стрелами. Во втором валу тоже были устроены ворота.

Внутри городка, на довольно ограниченном пространстве – около двухсот сажен в длину и не более полутора в ширину – расположились жилые строения – маленькие бревенчатые избышки, с узенькими отверстиями вместо окон, затянутыми бычьим пузырем. Тут жили приближенные к князю люди, ратные воеводы и помощники его, многие зажиточные пермяне и большое число отборных охотников и стрелков из лука, составлявших нечто вроде дружины князя. Эти дружинники обитали здесь со своими семействами, занимаясь в мирное время звероловством и рыболовством, а при появлении врагов – обороняя городок от нападений неприятеля, ожесточенно штурмовавшего земляные укрепления Покчи.

В самом центре городка, за высоким деревянным забором, стоял дом довольно искусно выстроенный и, главное, представлявший из себя настоящее подобие новгородских купеческих хором. На этом доме красовалась хорошая тесовая крыша, с двумя трубами посредине, выбеленными раствором извести. Окна были узенькие, высокие, «косячатые», как говорили тогда, со вставленной в них разноцветною слюдою, что тогда составляло большую роскошь даже в богатом Великом Новгороде. Дом этот являлся делом рук новгородских выходцев, которые прибыли сюда удачными вольными ушкуйниками²² и по разным обстоятельствам навсегда остались в Великой Перми. Здесь проживал владе-

²² Ушкуйники – новгородская вольница, искатели приключений. (Примеч. автора.)

тельный князь покчинский – властитель Нижней Перми.

Князь покчинский Михаил (по местному произношению Микал) являлся чистокровнейшим зырянником по своему происхождению: все предки его были из народа коми²³. Отец его был тоже князем покчинским, а дед и прадед князьями чердынскими, откуда его отец переехал в Покчу, потому что Покча для него казалась гораздо спокойнее Чердына. В Чердыне была вечная суета: туда наезжали гости (купцы) московские и новгородские, меновые торговцы из земли камских татар; с Чердына же начинали свои грабежи новгородские разбойники, или ушкуйники. Поэтому, чтобы от греха подальше быть, отец князя Михаила начал постоянно жить в Покче, а в Чердыне оставил своего брата, обязавшегося исполнять волю старшего в роде, то есть князя покчинского. После смерти своего отца и Михаил не оставил Покчи. Этот городок составлял для него место родное, любимое, как он сам отзывался о Покче. В Чердыне же продолжал управлять его старый дядя, Владимир (по зырянскому произношению Ладмер), находившийся в полнейшей от него зависимости. Отношения Ладмера к своему племяннику были чисто подчиненные.

До 1462 года Великая Пермь являлась страной языческой. Князья ее тщательно чтили разных языческих богов, главным из которых был Войпель²⁴. Перед ними соверша-

²³ Так называют себя зыряне. (Примеч. автора.)

²⁴ Войпель в русском переводе значит Северное или Ночное ухо. (Примеч. ав-

лись моленья, им приносили жертвы, но вот около 1462 года пришли из печорского края на Колву монахи Свято-Троицкой обители²⁵ и возвестили Слово Божье жителям Верхней и Нижней Перми. Монахи эти были зыряне, князя пермские тоже происходили из зырянского рода, – убедительная проповедь соотичей сильно повлияла на них, и они изъявили желание креститься. Тогда прибыл из Усть-Выма епископ Иона и крестил великопермских князей, а затем и весь народ их. Последний, впрочем, крестился не совсем охотно. Многое множество причин препятствовало сердечному уяснению пермянам евангельских истин... Князь покчинский получил при святом крещении имя Михаила. Князя изкарский и чердынский нареклись Матвеем и Владимиром. Епископ Иона основал Иоанно-Богословский монастырь в Чердыне, а в Покче и Изкаре построил по небольшой церковке и поставил в них игумена и священников. Потом он преподавал архипастырские наставления своей новопросвещенной пастве, заповедал им во всем следовать христианскому учению и соблюдать душевную чистоту и возвратился в городок Усть-Вым, куда его призывали дела церкви.

Население Перми Великой состояло из всевозможных народцев: зырян, пермяков, остяков, самоедов, вогулов, татар, башкир и других, но главными, преобладающими народа-

тора.)

²⁵ Свято-Троицкая обитель на Печоре была основана одним из преемников святого Стефана и находилась на том месте, где теперь стоит село Троицко-Печорское, Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. (Примеч. автора.)

ми были зыряне и пермяки. Пермяков насчитывалось более всех других, а зырян хотя было и меньше, но все-таки по своей численности они могли считаться вторым народом после пермяков. Затем шли вогулы, но большая часть их не признавала власти пермских князей, а образовала особую орду, которая осела в верховьях реки Колвы и реки Печоры и имела своих князей. Между последними и князьями пермскими длилась вечная распря, зачастую разрешавшаяся кровавыми столкновениями и набегами вогулов на пермские земли. Вогулы опустошали Пермь, но иногда и их постигала расплата – они терпели жестокие поражения от пермских князей, и беспокойный вогульский народ надолго затихал в своих лесах, между верховьями Колвы и Печоры, где он занимался звероловством... Между прочим, в Перми Великой находились и русские. Русских здесь было, однако, не особенно много. Это были новгородские повольники из числа вечных искателей приключений, облюбовавшие пермские леса для свободной жизни. Владетели Перми Великой относились к ним доброжелательно, во-первых, потому, что они служили им незаменимыми посредниками при сношениях с чужестранными людьми: с московскими купцами, с новгородскими сборщиками податей, с удалыми грозными ушкуйниками, из числа которых они и сами происходили, а во-вторых – они знали очень много таких вещей, о чем обитателям Великой Перми даже во сне не снилось. Например, они «ведали» искусство возведения укреплений, умели строить большие дома

по образцу купеческих хором, ковали всевозможное оружие, отличавшееся хорошей закалкой, делали прочные щиты от стрел и вообще знали много полезных ремесел, необходимых в домашнем обиходе. Проживали они в разных городках и селениях Великой Перми, и, между прочим, неподалеку от городка Покчи у них был свой собственный городок, носивший название Малого Новгорода, где они образовали нечто вроде крохотной республики, наподобие вечевого устройства Господина Великого Новгорода. Городок этот торчал как бельмо на глазу у всех пермских князей, но они не решались предпринимать чего-либо серьезного против отчаянных русских людей, которые были полезны для самих князей, показывая, как «настоящим людям» жить должно. Да к тому же страх перед всемогущим Великим Новгородом удерживал их от неприязненных действий по отношению к русским выходцам. Это позволяло смелым новгородцам беспрепятственно жить на пермской земле, где они являлись первыми по времени русскими поселенцами.

Христианство среди обитателей Перми Великой было распространено повсеместно, но не все подданные пермских князей приняли его по убеждению в превосходстве новой веры над язычеством. Находилось много таких людей, которые только внешне исполняли обряды Православной Церкви, а в глубине души являлись ревностными язычниками. Сам князь покчинский начинал сомневаться в спасительности новой веры. Случилось так, что едва было принято Вели-

кой Пермью христианство, различные бедствия (хотя и бывавшие раньше) стали постигать новопросвещенную сторону. Грубые умы приписывали это гневу старых богов, а между тем священников было мало, чуть ли не шесть человек на всю страну, поддерживать новопросвещенных было некому, и недоверие к новой вере стало захватывать всю Великую Пермь.

В таком виде застал Великую Пермь 1472 год, год великих для нее событий.

V

Покчинский князь Микал (мы станем называть его помещику) спал, когда в дом его явился посланник чердынского князя Ладмера и попросил разбудить его. Домоправитель князя не соглашался было беспокоить Микала, доказывая, что он недавно вернулся с охоты и поэтому нуждается в отдыхе, но посланник стоял на своем, и домоправителю воле-неволе пришлось будить своего господина.

– Зачем? – недовольно спросил Микал слугу, когда последний начал осторожно трясти его. – Чего тебе надо от меня? Ведь знаешь, устал я изрядно!

Домоправитель почтительно вымолвил:

– Прости, господин мой. Не посмел бы я тебя тревожить, но дело такое подоспело... Приехал к твоей милости посланный Ладмера, князя чердынского... приехал с худыми вестями. Прикажешь впустить его?

– С какими худыми вестями? – встрепенулся Микал, с живостью поднимаясь с постели. – О чем еще каркаешь ты, Куштан?

– И рад бы я не каркать, князь, – тихо произнес Куштан, – но страшная беда нам грозит... беда от Москвы далекой!.. Москва ведь на нас поднимается, Москва на нас идет, господин мой, а с Москвою шутки плохи...

Микал побледнел немного. Озноб пробежал у него по спи-

не. Он с испугом поглядел на своего слугу.

– Неужели Москва на нас идет? Неужели Москва, которая Новгород Великий сломила?.. О горе! О горяшко наше! Скорее зови его сюда, зови гонца. Москва страшнее всего...

Домоправитель поспешно вышел. Князь Микал остался в своей опочивальне и с каким-то странным выражением поглядел в передний угол, где висела икона с изображением святого Николая Чудотворца. Сомнение и досада выразились у него на лице.

– Вот она! Вот эта вера христианская! – презрительно прошептали его губы. – Немного добра принесла она нам! Сперва эти тяжелые притеснения новгородских разбойников, а потом битвы кровавые с вогулами проклятыми!.. А потом пошло и пошло: то зверей не будет в лесах, точно они сквозь землю провалятся, то рыба в реках в глубину уйдет, откуда ее не достать никак, так что голодовать приходится! То зима такая наступит, что люди десятками замерзают!.. А наши попы говорят, что это Бог нас испытует из любви к нам... Хороша же, однако, любовь Бога Христианского! Подальше бы от такой любви... право, подальше! Лучше бы не было такой любви, ежели от этой любви люди страдать должны!..

В опочивальню вошел гонец чердынского князя. На лице его была написана глубочайшая почтительность. Он низко поклонился Микалу.

– От чердынского князя Ладмера к твоей милости, князь высокий, – степенно проговорил он. – Прислан к тебе с ве-

стью нерадостной...

– Говори, какая весть? – приготовился слушать Микал. – Кажись, о Москве что-то такое?

– Москва на нас войной идет, князь... Москва нас хочет покорить, как волость новгородскую...

Микал вдруг рассердился почему-то и стукнул кулаком по столу.

– Волостей новгородских здесь нет! – закричал он раздраженным голосом. – Мы вольные люди пермские! Над нами никто не начальствует... Мы сами собой управляемся...

– Прости, господин князь высокий, – униженно закланялся чердынец, видя, что попал впросак. – Не то я сказать хотел. Вестимо, Пермь Великая не волость новгородская. Но ежели мы платим дань Новгороду Великому, Москва-то, значит, и считает нас волостью новгородскую...

– И Москва тебя не умнее, ежели мыслит так, – угрюмо пробурчал Микал. – Не думает, взять в толк она не хочет, что Новгороду не дань мы платим, а только откуп за свое спокойствие даем. А это ведь разница не малая. Понимаешь ты, о чем я толкую?

– Понимаю, князь высокий.

– Ну, ладно, дальше говори теперь, чего ради Москва на нас воздвигается? Ведь ведомо вам в Чердыне многое бывает, о чем мы в Покче даже слыхом в кое время не слыхиваем...

Посланец откашлялся и продолжал:

– Князь Ладмер повелел доложить твоей милости, князь высокий: много-де причин Москва нашла для того, чтоб Пермь Великую воевать, но главная причина такая – хочется-де Москве откуп тот с нас брать, который мы Новгороду даем. А Новгород нынче Москвою побежден несомнительно, ну и разлакомились москвитяне на другой кусочек лакомый, на нашу Пермь Великую, порешили к рукам ее прибрать по обычаю своему по московскому...

Злобная усмешка пробежала по лицу князя.

– Авось подавится Москва проклятая таким кусочком, как наша страна благодатная! – выругался он, считая родные леса действительно благодатными местами для житья людского. – Не сразу ведь мы ей поддадимся! Не эжвинские ведь люди мы, которые сами в московский хомут шею запихали...²⁶ Мы еще с Москвою потягаемся! О, мы еще потягаемся с Москвою!..

Князь Микал понимал, что он говорит несообразность: Москва была не такая страна, чтобы позволять Великой Перми долгое время тягаться с собою. Но он не лишил себя удовольствия сказать задорное слово по адресу грозной Москвы и горделиво поглядел на посланного, как бы говоря ему взглядом: «Смотри, мол, брат, как я боюсь Москвы!»

– А слухи об этом с Волги-реки пришли, – продолжал чер-

²⁶ Эжвинские люди – жители зырянских селений по Вычегде (Эжве), без всякого сопротивления покорившиеся русскому владычеству еще во время Ивана Калиты. (Примеч. автора.)

дынец, дав время князю высказать свое хвастовство. – Приехали вчера в Чердын люди новгородские, которые завсегда весной бывают у нас. Говорят, будто в поволжской земле торговали они, но видать, что не торговецкое дело рукомесло их. Шибко уж крикливы они, много вина пьют, оружия разного в лодках навезли видимо-невидимо, а товаров на один грош нет...

И начал их спрашивать князь Ладмер, о чем на Руси слышно. Не грозитя ли на кого Москва, которая завсегда готова бывает пощипать того, кто ее послабее? И ответствовали люди новгородские: на вас-де, на пермян, Москва ополчается! Плохо-де пришлось Новгороду Великому от Москвы, а скоро-де и Перми Великой от нее плохо же придется! Такая уж повадка у Москвы – все бы к своим рукам прибрать!.. Так и сказали они... А польстились москвитяне на земли пермские потому, что много здесь зверья ловится, а Москва меха любит, вот и распалился государь московский вожделением на нашу страну, порешил лишить нас вольностей наших. А потом на Москве слух идет о каком-то серебре закамском, которого мы и не видывали, – это тоже воздвигает их на Пермь, ибо москвитяне ух как золото-серебро почитают!.. Беда, сущая беда, князь высокий! – вздохнул чердынец. – С Москвою воевать дело трудное. Прости уж, я правду скажу...

– Да, может, облыжно донесли люди новгородские? – пытался усомниться Микал, не думая уже раздражаться на сло-

ва посланца о трудности борьбы с Москвою. – Может, пугают они нас... смеха ради, что ли... кто их разберет...

– Нет, князь, правду новгородцы говорят, – возразил чердынец, сокрушенно качнув головой. – Они даже то пояснили, с какого часу заваруха на Москве поднялась, когда на нас поход готовить начали. Прибыли-де в Москву из Перми Великой люди торговые, москвитяне тоже по роду-племенни, которые в Чердыне обитали. И заявили-де они прямо на великокняжеский двор и пожаловались государю своему, что пермяне обидели их крепко-накрепко и всего имущества лишили!.. А этого государю московскому только и требовалось... И сразу объявил он поход на Пермь Великую...

– Да, да, – задумчиво протянул Микал. – Государь московский немалую причину нашел. Купцы те богатеями первыми были, много добра привозили с собой в Чердын. Один даже сукна немецкого пять кусков подарил мне, другой – стальную кольчугу с оружием. Да жалко, прогнать их пришлось, ибо много пакостей чинить они начали... Эх, кабы знать все это!

– А рать московская в походе уже, – добавил чердынец. – Новгородцы досконально про то ведают. Да вот, коли позволишь, князь высокий, князь Ладмер завтра прибудет к тебе с новгородцами... Новгородцы-то ведь послужить тебе думают, с москвитянами биться охотятся. На Москву они злобятся как звери лютые, зубами скрежешут, вспоминая, как в прошлом году москвитяне Новгород Великий разорили у

них. А это для них горе горькое, погибель сущая. С того самого и сердиты они на Москву...

Микал подумал и сказал:

– Что же, пускай приезжают. Погляжу я на витязей новгородских, каковы они есть из себя. А воители они преотменные, это я наперед знаю. Так и скажи князю Ладмеру, что завтра я ждать их стану.

– Слушаю, князь высокий.

– А кроме того, в Изкар гонца я пошлю, чтоб князь Мате²⁷ приезжал сюда же на совет наш общий. Это тоже скажи князю Ладмеру.

– Слушаю, князь высокий.

– А теперь назад ворочайся, – заключил Микал, находя разговор с чердынцем законченным. – Я знаю, притомился ты порядочно, сюда едучи, но от Покчи до Чердына недалеко²⁸. Пожалуй, засветло успеешь еще ты до дому добраться... Ну, с Богом! Передай князю Ладмеру то, что я сказал.

– Слушаю, князь высокий, – опять повторил посланец и, поклонившись, вышел из комнаты.

Князь Микал остался один.

Глубокая скорбь и раздумье выразились у него на лице...

Природный типичный зырянин, с маленькою рыжеватою бородкой и выразительными карими глазами, он производил

²⁷ Искаженное Матвей. (Примеч. автора.)

²⁸ От Покчи до Чердына было не более 5 или 6 верст, книзу по той же реке Колве. (Примеч. автора.)

впечатление настоящего родовитого князя, чему много способствовала его важная и горделивая осанка и привычка обращаться с другими повелительно. Говорит он всегда по-зырянски, но он умел также говорить и по-пермяцки, и по-вогульски, и по-русски. По-пермяцки говорить было немудрено, потому что пермяцкий язык составляет ветвь того же зырянского и зырянин может хорошо понимать пермяка, как равно и пермяк зырянина, но вогульский и русский языки (в особенности русский) знали очень немногие из зырян того времени, и князь Микал являлся первым человеком своего народа не только по положению, но и по уму. Это был не робкий и трусливый зырянин, какими обыкновенно представляют людей племени коми, это был, напротив, отменно смелый и решительный человек, крепко державший в своих руках бразды правления, отличавшегося, впрочем, большою простотою и несложностью. Конечно, силою обстоятельств князь Микал вынужден был переносить безропотно своеволие русских выходцев (преимущественно ушкуйников) в пределах Перми Великой, но, наверное, не тяготей над ним ненавистная новгородская опека, он в свое время натворил бы много таких дел, о чем его предшественники и подумать бы не смели... Но вот, как могучий дуб, подсекаемый рукою дровосека, затрещал Великий Новгород... Князь Микал начал было поднимать голову: Новгород хоть не всегда, но все же давал себя чувствовать, а тут открывалась полная свобода действий... и вдруг – грозная Москва!.. Озадачен-

ный князь призадумался. Этого он не ожидал... Для него не составляло тайны, что в Москве заключается страшная сила, готовая сокрушить всякого, кто ей задумает противиться. О Москве долетало много слухов и с Привычегодского края, где тамошние зыряне считались подданными московского великого князя. О Москве же десять лет назад повествовал епископ Иона, крестивший Великую Пермь. А затем рассказы и похвальба московских купцов, любивших покичиться перед пермянами богатством и укладом своей родины, – все это, вместе взятое, естественно, заставляло князя Микала думать не без досады, что Москва Великой Перми не по силам. Москва не вогульская орда, Москву не заставишь бежать перед собою. Москва победила Великий Новгород, Москва может покорить и Великую Пермь... Князь Микал соображал: как быть?

Обстоятельства складывались зловещие. Он не любил предаваться отчаянию, это было не в его характере. Он вызывал всегда твердость духа и при случае любил похвастать, но он не являлся пустым хвастуном, как это обыкновенно бывает, а хвастал только тогда, когда ему представлялась в том необходимость... И вдруг ужасная, небывалая мысль блеснула в его голове:

«А что, ежели мы сами себя погубили принятием веры христианской? Москва – православная страна, крестил нас епископ православный, московскому государю подначальный, не сделались ли мы через то подвластными Москве

людьми? От Москвы ведь все станется, она не постоит ни перед чем, только бы силу забрать над кем ей угодно. Такая уж повадка у нее... Неужто так случилось, что предала нас вера христианская в руки московские?..»

Князь Микал содрогнулся. Предположение было ужасное. Неужели христианская вера предала его?..

Конечно, по словам чердынского вестника, на Москве придрались к обиде, нанесенной пермянами купцам-москвичам, но, по-видимому, это не являлось истинной причиной похода москвитян на Пермь Великую... Христианство погубило пермских людей, легкомысленно, по мнению князя Микала, переменивших старую веру на новую и жестоко за это поплатившихся...

– Эй, кто там! – крикнул Микал, хлопнув в ладоши. – Адзяна-конюха послать ко мне!

– Вот я, – явился Адзян. – Чего изволишь приказать, князь высокий?

– Слушай, Адзян, – заговорил князь, придавая своему лицу строгое выражение. – Скоро темнота землю покроет, но мне надо человека в Изкар послать сейчас же. Можешь ты ночью добраться до Изкара?

– Постараюсь, князь высокий.

– Какой же дорогой ты пойдешь: лесом аль рекой в лодке?

– Пешую тропой я пойду. Только бы на зверя не нарваться али где с вогулами не встретиться... Всяко ведь случиться может...

– Не слышать нынче что-то о вогулах. Стало быть, спокойнее стали они. Не выглядывают из углов своих поганых... Нечего бояться их тебе. А дело я такое поручаю тебе, Адзян. Ежели дома Мате, князь изкарский, не мешкая его ты повидай и скажи ему, что я его в Покчу зову на совет наш общий княжеский. Дело, мол, важное есть. Москва, мол, на нас войско шлет. О том и совет будет. Слышишь?

– Слышу, господин князь высокий.

– Смотри же, не мешкая в путь выходи, – строго проговорил Микал. – Я не люблю проволочек. К утру ты в Изкаре должен быть непременно. Такова моя воля непреклонная.

Он махнул рукой – и Адзян скрылся за дверью, оставив своего повелителя в тревожном раздумье о новом бедствии, надвигающемся со стороны московского государства.

VI

Над Покчею спускалась ночь.

Потемнело покрытое облаками небо и слилось на горизонте с землею, притихнувшей в вечернем безмолвии. Вода в Колве почернела и глухо журчала внизу, у подножия холма, увенчанного валами и сторожевыми башенками городка.

Жители Покчи крепко спали, утомившись дневными работами, которых у них было немало. Отовсюду несясь здоровый храп намаевшихся людей, спешивших воспользоваться ночным отдыхом. Только князь Микал не мог заснуть, взволнованный полученным известием о походе Москвы на Пермь Великую, что грозило крушением всех его планов о благосостоянии родной страны. Да и мысль о предательстве православной веры, внезапно пришедшая ему в голову, не давала покоя. Он думал и придумать не мог, на какую бы меру решиться, чтобы спасти себя от московского владычества...

«Погибель, погибель нам грозит! – стучало у него в голове, удрученной тяжелой заботой. – С Москвою куда нам тягаться!.. Придется, видно, с великой честью новгородцев пришлых принять, авось они взаправду с москвитянами биться пожелают, а это нам на руку будет. А ежели новгородцы откажутся, Москва нас сразу прихлопнет, как малую букашку какую!..»

Он медленно поднял глаза на икону, подумал, покачал го-

ловой и, сердито насупившись, вышел на улицу, чтобы проветриться и привести в порядок свои мысли.

Кругом стояла тишина. Воздух был влажен и неподвижен. От реки несло холодком, властно забиравшимися под одежду. Слышалось чириканье какой-то птички, рассыпавшейся звонкими трелями. Временами ухал филин, кричавший дикими голосами, производившими странное впечатление в ночной тишине...

Князю сделалось жутко от хохочущих пронзительных звуков, испускаемых противною птицей. Он быстро взошел на сторожевую башенку, где стоял один из четырех караульных, охранявших мирный покой спавших жителей городка.

– Кто идет? – окликнул его караульный по-пермяцки.

– Я, – по-пермяцки же отвечал Микал. – Что слышно?

– Ничего не слышно, князь высокий. Только сюзь-птица²⁹ в лесу горло дерет.

– Не к добру эта птица кричит, – задумчиво промолвил князь. – Бывает, она беду на людей накликает. Не люблю я голос ее слышать.

– Да, может, во сне она ухаёт? Не всегда же ведь на худо она горло дерет...

Микал промолчал на это и начал пристально глядеть в темноту с высоты башенки, исполнившись какого-то странного предчувствия.

Вдруг в глубине леса, из-за оврага, послышалось громкое

²⁹ Сюзь – филин.

воронье карканье. Из-под берега Колвы отозвался точно такой же звук. Со стороны речки Кемзелки закаркали те же вороны, как будто перекликавшиеся между собою... Долетел сухой треск валежника, захрустевшего под чьими-то ногами... За валами раздался шорох...

А филин продолжал громко ухать, наполняя воздух дикими стонущими звуками...

Князь Микал, пораженный, откинулся от отверстия башни. Сердце его испуганно забилося в груди, как пойманная птица в клетке.

– Вогулы, вогулы! – зашептал он прерывающимся голосом. – Это уловка вогульская... Откуда их принесло, наше горяшко? Они окружить нас замышляют... Надо народ будить, на валы ставить... Беги к воеводе Бурмату, – шепнул он караульному, перепуганному до последней крайности. – Он об обороне распорядится... Буди всех, мимо кого бежать будешь. Говори, что вогулы наступают. Пусть все свои места занимают... А я здесь постою, буду в доску бить, ежели вогулы на валы полезут... Беги же, говорят тебе!

И он почти сбросил караульного с башенной лестницы – и бедный пермяк кубарем полетел вниз, не успев сохранить равновесия. Но через минуту он уже сломя голову бежал по городку и кричал, просовывая голову в открытые окошечки встречавшихся обывательских избушек:

– Вставайте, вставайте! Вогулы идут!!! Вогулы!.. На валы полезут скоро... Вставайте, спасайте самих себя!..

Обитатели Покчи всполошились. По городку распространилось ужасное смятение. Из избышек один за другим начали выскакивать вооруженные люди и бегом поспешили к валам – отражать нападение вогулов... А караульный уже был в жилище воеводы Бурмата, которого он сразу огорошил криком, что «вогулы идут». Но воевода не потерял присутствия духа. Живо вскочил он с постели и набросил на себя боевую одежду, лежавшую тут же под руками. Потом он схватил оружие и выбежал на улицу, где уже ожидали его распоряжений...

– Вот и воевода наш, – слышались голоса, звучащие с деланною бодростью. – Видите, готов уж он к битве... в одеянии воинском своем! Небось не заспится, как другие...

– Сейчас он нам слово свое скажет, как нам с десятками управляться... Он все рассудит.

– А и славная же одежда у воеводы, – сказал кто-то, одобрительно прищелкнув языком, – в темноте инда как серебро светится! Такая же ведь и у князя есть... тоже изделия русского...

Бурмат подбежал к кучке людей, человек в семь-восемь, остановившихся у княжеского дома... Темнота ночи не помешала им, однако, рассмотреть снаряжение воеводы, являвшееся действительно великолепным. На нем была надежда кольчуга – подарок новгородских выходцев, к которым он сильно благоволил. На голове красовался шлем с поднятым забралом. Сбоку болтался меч в широких ножнах, обтяну-

тых блестящей кожей.

За спиною висели лук и колчан со стрелами, изготовленными самим воеводой. За поясом торчал нож довольно внушительных размеров... Он подбежал к кучке людей и проговорил вполголоса:

– А вы чего остановились тут, десятники? Меня дожидаетесь, что ли?

– Тебя, воевода, мы ждем. Быть может, скажешь ты слово какое особенное...

Десятники окружили воеводу. Это были смышленнейшие люди из жителей Покчи. На обязанности их лежало руководить обороною, если враги нападут на городок. У каждого под рукой состояло десять человек вооруженных ратников, почему они и назывались десятниками. Каждый десяток знал свое место на городских валах, где он должен был собираться при тревоге. Места на валах были строго распределены, так что незащищенных пунктов городка не оставалось. Воевода Бурмат состоял главным начальником городских десятков, находящихся в полном его подчинении.

– Какое я слово вам скажу? – скороговоркой отозвался воевода. – А скажу я вам вот что, десятники. Вогулы на нас наступают, хотят нас врасплох застать, но мы уж готовы их встретить стрелами и копьями... Вестимо, никто из нас перед ними не попятится... Сам князь на сторожевой башне стоит, сам князь вогулов учуял. А это – пример для нас всех, слуг его покорных... А посему ступайте на места свои, обо-

роняйте достояние общее, стрел и камней не жалейте, а ежели уж сильно вогулы стеснят, бревнами сверху их давите!.. Блюдите, чтоб десятки ваши на местах были, чтоб никто от работы не отлынивал. А я за вами смотреть буду и после князю доложу, кто из вас храбрее да опытнее был... Постарайтесь же, друзья мои, сил не жалеючи! А Бог христианский поможет нам одолеть злых недругов. Молитесь великому Богу христианскому!..

– Плоха надежда на Бога христианского, – сказал кто-то из толпы. – Не лучше ли нам помолиться старым богам нашим... нашему Войпелю, которому отцы и деды наши поклонялись...

Воевода порывисто обернулся. Он один из жителей городка искренно верил в христианскую религию и всегда относился к ней с уважением. На лице у него выразилось негодование.

– Замолчи, человек безумный! – гневно перебил он говорившего. – Разве есть у нас боги иные, кроме великого Бога христианского? Разве лучше мы жили, прежних богов наших почитаючи? Никогда того не было и впредь не будет...

Но вдруг он поперхнулся и замолк, не dokonчив своей горячей речи. На сторожевой башне загудела чугунная доска – клепало, приобретенная от тех же новгородцев и служащая для разных сигналов. Разнеслись зловещие звуки во все стороны и заставили содрогнуться не одно пермяцкое сердце, убежденное теперь, что предстоит схватка не на жизнь, а на

смерть с кровожадными врагами-вогулами... За валами слышался шум, крики... Кое-где вспыхнули огоньки... Бурмат громким голосом крикнул десятникам:

– Вот и дождались мы нападения вражеского!.. Бегите, братцы, по местам своим! И помните, что я вам сказал... А я к князю побегу...

Десятники быстро рассыпались. Воевода побежал на сторожевую башню, где находился его повелитель. Нападение оказывалось несомненным...

Между тем князь Микал, послав караульного будить народ, встревоженный и бледный, стоял на башенке, зорко глядя в темноту. На небе мерцали звезды, но от этого не становилось светлее благодаря туману, поднявшемуся от Колвы и Кемзелки... В городке зашевелились люди: это караульный поднимал мирно спавших покчинцев. Около валов появлялись темные фигуры – сбегавшиеся защитники городка... В лесу продолжалось слышаться похрюстывание ветвей. Под берегом Колвы шорох усиливался; мелкие камни и земля с глухим шумом посыпались с обрыва. Из-под берега полезли чьи-то фигуры.

Князь Микал взял в руки железные колотушки и приготовился бить тревогу...

А возня в городке принимала характер осмысленной подготовки к предстоящему бою... Между избышками замелькали огоньки, неосторожно зажженные кем-то... Промеж валов закопошились городские десятки... Микал внимательно

следил за всем, начиная понемногу успокаиваться. Для него выгодно было, что вогулы не сразу нападают. Он знал, что через самое короткое время большая часть защитников городка займет свои места, а это давало ему повод надеяться, что конец обороны будет успешен для покчинцев. И он не торопился бить в доску, понимая, что в случае открытой тревоги вогулы сразу накинулись бы на Покчу и, наверное, прорвались бы сквозь укрепления, пользуясь превосходством в силах. Теперь же, по-видимому, они имели намерение потихоньку перелезть через валы, почему и не проявляли поспешности, думая, что о приближении их никто не подозревает в Покче.

Вдруг несколько темных фигур прошмыгнуло под самую башенкой, на которой стоял Микал... Опять прокаркала зловещая ворона... Затопотало, зашлепало множество ног по грязной глинистой земле, пропитанной выпавшими дождями, донеслось тяжелое сопенье устремившихся на вал людей – и в то же мгновение зазвенела сигнальная доска, издавая тревожные заунывные звуки под руками покчинского владельца...

Расчеты Микала оправдались. Злоумышленники успели занять свои места заблаговременно... На башенках зажглись огоньки. Это стрелки со своими луками и стрелами взобрались на высоту и начали освещать лежащее против башен пространство, чтобы вернее разить врага. На валах вспыхнули пучки просмоленной соломы и связки хвороста, озарив

окрестности городка на далекое расстояние... Вогулы испустили яростный рев: они увидели, что присутствие их открыто... Началась жестокая перестрелка с обеих сторон. Сотни стрел забороздили воздух, отыскивая каждая свою жертву... С вершины вала посыпались на нападающих камни, покатались бревна, обрубки дерева... Вогулы немного попятись. Передние ряды их заметно поредели. Ужасные вопли и проклятия вырывались у них из груди...

– Послушай, князь, – услышал Микал за собой голос воеводы Бурмата, незаметно взобравшегося на башенку, – прошу тебя уйти с сего места. Неровно стрела пролетит... а жизнь твоя дорога для нас. Позволь нам, верным слугам твоим, с врагами управиться, а тебе здесь не подобает стоять...

– Ладно, пойду я домой, – подумав, сказал Микал, – но обратно я вернусь, только московскую кольчугу надену.

– Напрасно беспокоишься, князь высокий, – ворчливо буркнул воевода, недовольный намерением князя вернуться на место схватки. – Не попятимся ведь мы перед врагами. Не в первый уже раз вогулов мы видим!

– Ведаю я, воевода, про доблесть вашу воинскую, но где слуги мои кровь проливают, там и мне быть должно, – проговорил князь и сбежал по лестнице с башенки, оставив храброго Бурмата в порядочном беспокойствии за целостность княжеской особы...

– Помоги нам, Господи, одолеть врагов лютых! – перекрестился воевода и с совершенным спокойствием выглянул из

отверстия башни на скучившегося за валами врага.

Лицо его сразу омрачилось и приняло озабоченное выражение.

Вогулы окружали городок со всех сторон. Из лесу от оврага выходили все новые и новые толпы и приваливались к городским укреплениям. Перед валами они останавливались и осыпали градом стрел защитников городка. Последние отвечали им тем же... Воцарился какой-то ад... Вогулы завывали как дикие звери, едва увертываясь от катившихся сверху бревен, сбивших с ног уже не одного их воина. От стрел же они заслонялись щитами, пробить которые из обыкновенного лука не было никакой возможности... Покчинцы тоже кричали на разные голоса, стараясь утратить нападающих, что, конечно, успеха не имело... Воевода поглядел вниз, в самую гущу толпы вогулов, где происходила какая-то возня, и испустил невольное проклятье:

– Ах, чтоб вас ворса³⁰ заел! Гляди-ка, чего захотели! Туда вас нельзя подпускать... Я тоже понимаю мыслишку вашу... Ужо вот мы вас приостановим...

И он троекратно просвистал в свисток, сделанный из камышового дерева, что означало у него призыв ближайших десятников.

Десятники подбежали к нему, спрашивая, что прикажет воевода.

Бурмат указал им вниз на вогулов и сказал:

³⁰ Ворса – леший.

– Видите?

Десятники кивнули головой. Они все поняли. Враги замыслили смелое дело, гибельное для осажденного городка. Они, вероятно, порешили разбить городские ворота, для какой цели тащили из лесу несколько толстых и длинных бревен, около которых суетились самые высокие и плечистые люди, видимо отборные силачи... Воевода приказал десятникам:

– Посадите на валы и на башенки у ворот два десятка людей, которые других понадежней. Пусть лупят они разбойников этих стрелами, да камнями, да обрубками, сколь только сил у них хватит. Нам бы лишь ворота уберечь. А в остальном управиться можно.

Десятники немедленно удалились. Воевода продолжал следить за ходом схватки.

Вогулы, по-видимому озадаченные первым отпором, попятались, но они и не думали отступить. Из лесу продолжали приваливать к городку новые и новые толпы. Озаренные ярким пламенем костров, пронзительно выкрикивая свой воинственный клич и делая удивительные прыжки из стороны в сторону (вероятно, чтобы уклониться от стрел и камней, летевших с городского вала), они казались какими-то демонами в своих изодранных лохматых одеждах, со своими скуластыми зверскими лицами, свирепо выглядывавшими из-под черных меховых шапок... Бурмат еще более нахмурился, увидев, как один из вогулов, одетый получше других,

подошел к городским воротам и что-то быстро заговорил с окружающими, прикрываясь щитом от сыпавшихся сверху стрел... Вогулы ухватились за бревна. Другие устремились на валы... Началась вторая атака...

Бурмат с испугом воскликнул:

– Да это Асыка тут орудует! Сам Асыка вогулов привел! О Господи Боже Всемилостивый! Помоги нам с разбойником управиться!.. Асыка не отойдет от нас, пока своего дела не сделает... Лютее он волка голодного... Знаю я Асыку порядочно...

Воевода недаром испугался, увидев среди вогулов Асыку, которого он знал в лицо. Это был один из вогульских князей, самый беспокойный и воинственный, не упускавший случая пограбить пермские пределы, когда тому благоприятствовали обстоятельства. Князь Микал считал его своим злейшим и непримиримым врагом. В другое же время свирепый предводитель вогулов пускался в более далекие походы, нападая на зырян, на вятчан, на башкир, даже на татар сибирских, обитавших за Каменным Поясом. Но чаще всего терпели от него пермяки и зыряне, как ближайшие соседи разбойничьей вогульской орды. Например, в 1455 году Асыка сделал набег на привычегодскую Пермь, дойдя даже до града владычного Усть-Выма, то есть почти до устюжского воеводства. Этот набег известен в истории тем, что тогда был убит пермский епископ Питирим, предшественник епископа Ионы, крестившего Великую Пермь. Вообще, Асыка никому

пощады не давал и все предавал смерти и разрушению. Жестокость его меры не знала.

– В оба глаза глядеть за ним надо! – решил Бурмат и поспешил к городским воротам, где сосредоточивались главные силы вогулов.

Нападающие неудержимо лезли на вал, втыкая перед собой в землю крепкие колья, которые останавливали скатываемые сверху бревна. Покчинцы защищались с остервенением, но, поражаемые меткими стрелами, громимые камнями, обрубками дерева, бревнами, вогулы кучею валили вперед, затаптывая своих убитых и раненых... Среди покчинцев произошло замешательство. Отчаянный приступ вогулов, видимо, устрасил их. Со всех сторон налезали на них неукротимые разбойники, не знавшие страха смерти. С берега Колвы тоже велось нападение, но главная сила удара была направлена на городские ворота. Тут уже раскачивали два огромных бревна и поочередно ударяли концами их в полотнища ворот, стараясь разбить их, что, впрочем, не сразу удавалось. Сам Асыка руководил этим делом.

– Смелей, смелей! – закричал Бурмат, взбегая на вал около ворот. – Бревнами давите их! Бревнами! Камнями что есть мочи лупите! Ворота берегите, братцы! Ворота, ворота!..

Среди защищающих городок людей замечалась робость, нерешительность, но появление любимого воеводы заставило многих встрепенуться, и они с удвоенными силами приня-

лись за оборону городка. Над воротами были собраны огромные камни, которыми покчинцы не без успеха давили вогулов, громивших ворота бревнами. Ворота с внутренней стороны заваливались землею, деревьями, но вдруг раздался страшный треск, и одна половина ворот тяжело рухнула на землю, погребая под собой несколько неосторожных покчинцев... Вогулы издали торжествующий рев: старания их увенчались успехом. Первая линия укреплений была прорвана... Разгорячившиеся, ожесточенные дикари бешено ринулись в образовавшийся проход...

Настала страшная, решительная минута...

Все на мгновение оцепенели.

VII

Князь Микал, вернувшись домой со сторожевой башенки, поспешно начал надевать на себя московскую кольчугу, подаренную ему русскими купцами. В доме стояла суета. По двору пробегали люди – личные слуги князя, проворно таская княжеское добро в тайник, выкопанный неподалеку от дома. В тайнике же готовилась спрятаться жена князя, Евпраксия, носившая до крещения имя Бур-Лов (что значит «Добрая Душа»). Этот тайник был замечателен тем, что от него шел подземный ход в сторону леса, где в дупле громадного кедра устроен был выход наружу. Последнее обстоятельство, то есть тайну подземного хода, знали только сам князь, княгиня, их единственный сын Матвей (Мате), пятнадцати лет от роду, воевода Бурмат, домоправитель Куштан и немногие из верных людей, в преданности которых не было причин сомневаться.

– Что-то будет с нами теперь, что будет? – плакала княгиня, ломая в отчаянии руки. – Управятся ли наши с вогулами? Сумеет ли Бурмат от Покчи их отогнать?

– Надеюсь я на воеводу храброго, – сказал Микал, – но трудно с вогулами управиться. Люто дерутся они, сами себя не жалеют... Надо ко всему приготовиться...

– А ты на валы пойдешь? – спросила Евпраксия, с тоскою глядя на мужа.

– Вестимо, в тайник я не спрячусь. Не бабье ведь дело мое. Нельзя мне от своих отставать.

– Да там ведь Бурмат все укажет! Зачем же тебе-то идти?.. Остаься при мне да при Мате, при сыне нашем единственном! Остаься при нас, Микал! Не покидай нас сиротами бесприютными! – горько зарыдала княгиня и прижала к себе сына, дрожавшего всем телом от испуга.

– Эх, Евпраксия, Евпраксия! – досадливо вырвалось у князя, расстроенного причитаниями жены. – Немного в тебе разума есть, как я погляжу! А твердости и того меньше. Да разве приличествует мне, первому из князей пермских, за спины ратников своих прятаться? За это ведь не прибавится чести моей, которая дороже для меня всего...

– Да и не осудит тебя никто, это я знаю тоже, – возразила княгиня, утирая слезы, катившиеся у нее по щекам. – Послушай, остаься при нас... не ходи в опасность смертельную...

– Бурмат тоже говорит: не подобает-де князю на башенке стоять... неровно стрела прилетит... ступай-ка, говорит, домой, князь высокий! – усмехнулся Микал. – Но знаю я место и дело свое и завсегда буду там, где быть мне подобает!

Он подошел к жене, обнял и поцеловал ее, потом поцеловал сына и сказал:

– Ну, прощайте на время недолгое. Спешите в тайник спрятаться... на всякий случай, вестимо. А я на валы пойду.

– Мир вам! – раздался громкий голос с порога, заставивший Микала быстро обернуться к дверям.

– Здравствуй, поп, – отозвался князь не особенно ласково, оглядывая вошедшего с ног до головы. – Чего тебе надо от нас?

Перед ним стоял высокий широкоплечий старик с жирным лоснящимся лицом, украшенным рыжею бородою, спускавшеюся до самой груди. Волосы на голове его – такого же цвета, как и борода, – представлялись громадною копною, всклокоченною до последней крайности. Нос отливал сизо-багровым румянцем, доказывавшим близкое знакомство вошедшего с хмельными напитками. Только глаза светились каким-то добрым огоньком и осмысленностью, что мало соответствовало его грузной неопрятной фигуре. Одет он был в длинный широкий подрясник из синего домотканого холста, изготовляемого в самой Покче по указанию русских людей. На шее у него висел наперсный посеребренный крест на медной цепочке.

Это был покчинский священник отец Иван, или Иванище, как его прозвали знакомые новгородцы за высокий рост и за толщину тела. Жизни он был недостохвальной, по его же собственному сознанию: много ел, много пил, много спал, много творил других «непотребств», не приличествующих духовному званию, но народ извинял ему многое, видя его доброе сердце, готовое на все жертвы для блага ближнего своего. Только в последнее время, благодаря тайной деятельности языческих шаманов, шатающихся по городам и селениям новокрещеной страны, покчинцы стали коситься на

своего попа, говорящего в церкви одно, а делающего совершенно другое. Разумеется, поп Иван, как человек неглупый и наблюдательный, понимал, что поведение его вредит святому делу, которому он служил, но дурные привычки до такой степени укоренились в нем, что он не мог отстать от них, хотя бы сам желал того в минуты пробуждения своего нравственного чувства и сознания долга пастыря. А было время, когда отец Иван считался примерным священником, почему епископ Иона и послал его в Пермь Великую из Усть-Выма, где отец Иван родился и вырос, происходя из зырянской семьи...

– Не сердчай, князь, – кротко отозвался священник, истово перекрестясь на иконы. – Не время сердиться теперь... Напрасно ты гнев на меня держишь: беда на Покчу понадвинулась! Теперича молиться надо, обидчиков своих прощать, а ты – сердчать изволишь!..

– Не сердчаю я, поп, на тебя, – буркнул Микал, не глядя на отца Ивана, – но горько, обидно мне становится за веру христианскую, которая меня погубила... и народ мой в несчастья ввергнула...

Священник посмотрел на князя с таким выражением удивления и укора в глазах, что тому сделалось неловко от его взгляда. Как будто стыд какой заставил покраснеть Микала.

– Ишь ты, дошло до чего! – покачал головой отец Иван, широко разведя руками. – На веру Христову ты ропщешь?..

Опомнись, чадо мое духовное! Вестимо, я пастырь недостойный, похуже наемника всякого буду, но душу-то, душу твою жалко! Уготовается она в ад крошечный, где будет плач и скрежет зубов... Опомнись, князь, не изрыгай хулу на Господа своего! Не гляди на меня как на пса смердящего. Ведь я по слабости своей человеческой непотребно живу, а святая вера православная яснее солнца красного будет! Какая же погибель от нее? Разве погибают люди от света истины, им же весь мир просвещен? А ежели житие мое греховное претит душе твоей, князь, возьми да и накажи меня по власти твоей княжеской, а веру Христову не замай! Ведь знаешь сам, сколь велико и спасительно учение христианское, только служители его многие нерадиво живут, из них же первый есмь аз!..

Говоривший стукнул себя кулаком в грудь и зарыдал совершенно неожиданно для князя, взволнованного горячей речью попа-грешника. Княгиня вторила ему, буквально захлебываясь слезами и с трудом выговаривая сквозь всхлипывания:

– Прости нас, отец Иван... Зачастую серчали мы на тебя... А Микал на веру Христову сердцем восстал... А люди не безгрешные мы тоже... Нельзя же других осуждать...

– Верно, возроптал я на веру христианскую, – пробормотал Микал, потупя глаза в землю. – По-моему, так выходит – несчастлива вера христианская! При старой вере лучше мы жили...

– Опомнись, Михаил-князь! – воскликнул священник, смахивая с глаз слезы. – Досада в тебе возгорелась... Не помнишь ты, что говоришь... Какого же счастья тебе надобно? И разве счастливее вы жили, когда Войпелю-идолу поклонялись?

– Это кому как покажется. Вестимо, не лучше теперь. Вогулы вот сейчас нападают, а вскорости Москва придет...

– А ты Богу молись усердней, Бог-то и спасет тебя от всякой напасти!

– Чего Богу молиться? Бог-то христианский и предает нас в руки московские. А может, и вогулы побьют нас всех... Вот тебе и Бог христианский!

– Не богохульствуй! – строго остановил князя поп Иван, протягивая перед собой руку. – Не возведи лжи на Творца своего! Поможет тебе Владычица Небесная побороть злых вогуличей, ибо темной силой они сильны, а над тобой свет евангельский сияет!.. А о Москве толковать еще рано. Не сразу достигнет она до мест здешних... А вогулов отбить вы можете...

– Хорошо тебе, батька, толковать так, ежели не идешь ты в сечу кровавую! А с вогулами биться трудненько ведь! Попробовал бы с ними схватиться, небось бы не то запел!..

– Что же, могу я на валы с тобой идти, ратников твоих ободрять. Самое место мне там.

– Не пойдешь, батька! – усмехнулся Микал, убежденный в малодушии священника. – Там ведь много стрел летает, а

стрелы – кушанье несладкое...

Он не успел договорить. В открытые окна дома донесся яростный рев вогулов, кричавших что-то торжествующее... Послышался треск и грохот в отдалении, точно свалилось что-то тяжелое и громоздкое... Микал подскочил к окну.

– Беда, беда! – раздался голос с улицы. – Вогулы ворота разрушили!.. Промеж валов уж схватка идет...

– Ворота внутренние рушат тоже, – сообщил другой. – А наши падать духом начинают...

– Погибли, погибли мы, князь высокий, – завопил третий отчаянным голосом, просовывая голову в окно княжеского дома. – Нетрудно им сломать ворота внутренние... Прирежут они жен и детей наших... Попали мы волкам лютым в зубы!..

– В тайник, в тайник! – закричал князь, оборачиваясь к жене и сыну. – Куштан, в тайник их веди, – приказал он домоправителю и мимоходом бросил священнику – А ты тоже в тайник иди. Самое место твое там... с бабами язык чесать, что ли...

– Бог тебя простит, сын мой, за слова смешливые, – смиренно отозвался отец Иван и, благословив княгиню Евпраксию и сына ее Матвея, спокойно вышел на улицу, следуя за выбежавшим князем, стремившимся к месту битвы...

Вогулы громили вторые ворота, устроенные во внутреннем валу, снабженном подобием частокола на вершине. Но тут ворота были гораздо слабее внешних и разлетелись после

десятка ударов бревнами, подтащенными от первого пролома... Вогулы ворвались в городок...

– За мной, братцы! За мной! – крикнул Бурмат и врезался в самую гущу врагов, хлынувших в разбитые ворота...

Покчинцы совершенно растерялись, видя себя подавленными вражеской силой. Немногие из них последовали за воеводой, другие прятались за валы, за камни, за кучи хвороста, пуская оттуда стрелу за стрелой, без всякого, однако, вреда для врагов, попавших в не освещенное кострами пространство...

– Бейте их, бейте! В ворота обратно их гоните! – вопил Бурмат, страшно работая своим мечом, пролагавшим широкую дорогу в рядах вогулов, но ратники были обескуражены неудачной обороной города и не слышали голоса воеводы, призывавшего их к дружному отпору нападающим...

Произошло полное расстройство городских десятков, потерявших уже веру в свою победу над дикарями, вломившимися в самую Покчу, преодолев все поставленные им препятствия. Вогулы везде брали верх, бросаясь на защитников с воем и визгом, подобно голодным собакам, увидевшим бегущего зайца. Казалось, Покча погибала, а с нею должны погибнуть все жители ее под ударами свирепого неприятеля, не знающего чувства жалости к людям чужого племени...

В эту минуту князь Микал подоспел к месту свалки у городских ворот, где воевода Бурмат, поддерживаемый десятком храбрейших покчинцев, сопротивлялся натиску воинов

Асыки, предводительствуемых этим последним.

– Крепись, Бурмат! Крепись! На помощь к тебе я иду! – крикнул князь и принялся избивать встречавшихся вогулов, озадаченных появлением нового витязя в блестящей одежде, которую не пробивали ни стрелы, ни ножи, ни копья.

Ратники, окружающие Бурмата, часто падали под вражескими ударами, не имея таких доспехов, как он и князь, сам же Бурмат, а потом и князь, пробившийся к нему, оставались невредимыми, продолжая работать своими страшными мечами, производившими в толпе вогулов порядочное опустошение.

Вдруг в самый решительный момент, когда князя и воеводу уже окружала толпа врагов, готовивших против них длинные жерди, которыми предполагалось сбить с ног неуязвимых бойцов, не подвергаясь их ужасным ударам, – в этот момент от маленькой деревянной церковки, стоявшей неподалеку от княжеского дома, отделился светлый огонек, задвигавшийся к месту побоища.

Конечно, в появлении огонька ничего удивительного не заключалось и сначала на него никто не обратил внимания, но вот через несколько минут перед лицом сражающихся выросла высокая фигура священника в золототканой парчовой ризе, отливавшей яркими искорками при свете ближайших костров, озарявших толпу вогулов и покчинцев фантастическим блеском.

В правой руке отец Иван держал крест, а в левой пасхаль-

ный тресвечник с тремя зажженными свечами, спокойно горевшими в тихом безветренном воздухе.

– Милосердия двери отверзи нам, Препоблагословенная Богородица... – запел отважный священник и смело пошел навстречу вогулам, высоко подняв крест над головою...

– Поп, поп! – пронеслось между покчинцами, попрятавшимися за разные прикрития от неприятеля. – Неужто врагов он не боится?..

– Вали, братцы, за попом! – крикнул кто-то. – На Бога христианского он надеется, без страха вперед идет. Авось и поможет нам Бог христианский...

– Выручим князя с воеводой! – раздались голоса. – Видишь, уж жерди злодеи тащат, прихлопнут их не в кою пору... Не дадим же разбойникам порадоваться!

Одушевление охватило всех, увлеченных примером священника. Выскочило несколько смельчаков из засад, примыкая к отцу Ивану, а следом за ними повалили остальные ратники, решив схватиться с вогулами врукопашную...

– Благослови нас, отец Иван, на врагов идти! Помоги нам молитвами твоими!

– Бог вас благословит, отцы и братья мои! – приостановился отец Иван, осеняя крестом сбегавшихся к нему ратников. – Да победите вы недругов злых во славу Божию! Выручайте же князя своего да воеводу доброго из рук противников!

Священник совсем переменился. Это был уже не полу-

пьяный поп, смущавший народ своим поведением, это был именно пастырь стада Христова. Глаза его светились миром и душевным спокойствием, на лицо легло выражение кроткого величия, подобающего служителю алтаря в такие минуты. Даже фигура его, облаченная в ризу, выглядела стройной, величественной. По-видимому, укоризненные слова Микала глубоко запали ему в душу.

Вогулы заметно удивились, увидев христианского священника, облаченного в сияющую ризу. В рядах их произошло замешательство. Кто-то прокричал: «Питирим! Питирим! Убитый!» – после чего несколько человек, побросав оружие, побежали обратно к воротам, производя среди товарищей беспорядок и путаницу. Вероятно, эти люди участвовали в убийстве епископа Питирима в 1455 году и, увидев ризу отца Ивана, приняли его за мученика-святителя, воскресшего из мертвых.

– Вперед, друзья мои, во славу Божию! – воскликнул отец Иван и во главе собравшихся десятков устремился на врагов, имея при себе одно оружие – крест святой...

Что произошло после этого, трудно поддается описанию. Вогулы сразу дрогнули и пустились в бегство, гонимые непонятным страхом... Покчинцы побежали за ними, настигая отстававших и раненых и беспощадно убивая их... Князь и воевода с недоумением глядели на эту кутерьму, не понимая, что заставляет несомненного победителя-неприятеля показывать тыл побежденным. Микал просто своим глазам не ве-

рил. Он думал, что все пропало, – и вдруг чудесное спасение!

Зоркий Бурмат рассмотрел в темноте, как неукротимый Асыка останавливал своих воинов, как он рубил топором бегущих, заставляя их идти на противников, как он бесновался и топал ногами от досады, грозя кулаком ободрившимся покчинцам, предводительствуемым высоким священником, – но стихийное бегство обезумевшей от ужаса орды не было способа остановить – и Асыка куда-то исчез, еще раз погрозив кулаком противникам...

Покча была спасена... Князь Микал подошел к отцу Ивану, приближавшемуся уже к городским воротам, и сказал ему с мольбою в голосе:

– Прости меня, отец Иван. Огорчил я тебя давеча...

– Бог тебя простит, князь дорогой, – радостно улыбнулся священник. – Правдиво укорил ты меня. Спасибо тебе за то сердечное. Только одно я скажу тебе, князь: не осуждай ты веру христианскую! Не ропщи на Господа Бога, ибо это грех великий! Завсегда ты с молитвой к Богу прибегай – и спасет Он тебя, Многомилостивый, как сейчас тебя и Покчу твою спас от вогуличей!..

– Не забуду я сего, отец мой, – начал было Микал, протискиваясь в разбитые ворота за священником, следовавшим за своими ратниками, далеко опередившими его, как вдруг в этот момент с наружного вала скатилась какая-то темная фигура, подскочила к отцу Ивану... и перед глазами ошеломленного князя сверкнул боевой вогульский топор, направ-

ленный на безоружного священника...

Микал не успел предупредить удара – и пораженный в грудь отец Иван грузно упал на землю, успев только простонать:

– Господи!..

Князь бросился на убийцу, но Асыка (это был он) ловко увернулся от него и быстро исчез в темноте, отомстив главному виновнику своей неудачи.

Удар свирепого дикаря был верно направлен. Рука его не дрогнула, поражая свою жертву. Отец Иван испустил дух на глазах князя Микала, познавшего теперь, какая высокая душа скрывалась под неприглядною внешностью попа-грешника. Покчинцы оплакивали его как отца родного, забывая его человеческие слабости. Все понимали, что только геройская решимость попа спасла городок от разорения вогулами, не пощадившими бы ни старого, ни малого, если бы Покча была занята ими.

А Бурмат просто неудержимо рыдал над телом погибшего, повторяя:

– Искупил ты жизнь свою, отец Иван. За ближних душу положил. Вечная память тебе, служителю верному Бога христианского!..

VIII

Недешево досталась покчинцам победа над вогулами: двадцать два человека было убито в схватке да почти вдвое более того было изранено и искалечено вражьиими стрелами и копьями, которыми в начале приступа вогулы осыпали защитников городка. Потери, таким образом, были тяжелые. Много семейств осиротело, много жен осталось вдовами, осужденными на самую печальную участь при тогдашних суровых нравах.

Заголосили бедные женщины, лишившиеся своих кормильцев и поильцев, захныкали осиротевшие дети, напуганные окружающею суматохой... Принасупились уцелевшие ратники, переноса раненых и убитых в избушки, где живым перевязывали раны, а мертвых обмывали и клали в передний угол, чтобы через три дня предать их погребению по обряду Православной Церкви...

Пригорюнился и князь Микал, видя, каких бед натворил Асыка со своею ордою, подчинявшеюся ему беспрекословно. Отступление вогулов от Покчи он приписывал единственно страху перед отцом Иваном, появившимся среди сражающихся в церковном облачении, с крестом в руках, что, по видимому, вызвало в уме дикарей представление о воскресшем из мертвых епископе Питириме. Впоследствии он узнал от пленных вогулов (а их было захвачено живьем пять чело-

век), что многие из них приняли храброго попа за усть-вымского святителя, в убийстве которого они участвовали. Один же вогул уверял, что он ясно видел, как двое светоносных юношей, с огненными мечами в руках, реяли в воздухе над священником, грозя сподвижникам Асыки... Это последнее обстоятельство заставило Микала сознаться, что он напрасно роптал на Бога христианского, чудесным действием которого Покча была сохранена от разорения, а женщины и дети покчинцев остались невредимыми, что было дороже всего.

– Пожалуй, взаправду оно того... Бог христианский нам помог... – сказал Микал, взвесив в уме все события тревожной ночи, завершившейся геройским подвигом и смертью отца Ивана. – Только урону получили мы много. Не даром нам победа досталась... Эх, кабы раньше знать, что вогулы на нас наступают!..

Но раньше никто не мог предвидеть, что Асыка появится перед Покчей. Напротив, молва говорила, что вогулы ушли в набег за Каменный Пояс, на реку Тюмень, где обитали татары сибирские. Поэтому Микал не ожидал нашествия своих кровных врагов в такое время, когда о них не было ни слуху ни духу. Однако Асыка перехитрил пермского князя, оставившего некоторые предосторожности, что, несомненно, послужило бы гибелью для Покчи, если бы отец Иван не устрасил вогулов своим видом, заставившим их бежать из осажденного городка в неопишемом ужасе и беспорядке.

По подсчете павших врагов оказалось, что убито их пять-

десять семь человек, а раненых вогулы унесли с собой кого только заметили, конечно. Осталось в руках покчинцев пять живых вогулов, которых победители хотели было утопить в Колве, но благодущный Бурмат предупредил такую жестокость, запретив расправу над пленными.

Преследование бежавших дикарей прекратилось почти в виду Покчи, потому что, достигнув леса, вогулы тотчас же остановились и оказали упорное сопротивление. Асыка поспевал везде. Он ловко бросал из-за деревьев пук тоненькой крепкой веревки, на конце которой была устроена петля. Веревка быстро разворачивалась в воздухе и захлестывала шею того, для кого была предназначена. Таким образом был пойман один покчинец, отважно бросившийся вдогонку за отступавшими вогулами. Его, разумеется, убили на месте, вонзив нож в горло. У другого была снесена шапка с головы... Остальные благоразумно отступили к городку, не желая подвергаться опасностям ночной схватки в чаще леса с таким отчаянным головорезом, как Асыка...

Когда взошло солнце, воевода Бурмат лично сделал разведку в глубине леса, чтобы узнать, куда ушли вогулы, но Асыка так искусно спутал следы своего отряда, что даже опытные звероловы-пермяне не могли решить, в какую сторону удалился неприятель, исчезнувший подобно камню, брошенному в воду.

– Ах ты, чертов сын, собака вогульская! – плюнул Бурмат, не нашедший ничего хорошего в своих поисках. – Сумел

ведь следы замести. Как будто туда он ушел... а может, туда повернул... а может, направо утек... а может, налево ударился... Не знаешь, подумать чего. Хитрее лисицы всякой. Не сразу его разберешь... Придется ни с чем ворочаться...

– Пускай он домой утекает, хоть это утехой нам будет, – заметил один из десятников, сопровождавших Бурмата на разведке. – А если бы здесь он остался, пришлось бы еще нам побиться с ним до сытушки. А это ведь закуска несладкая!

Воевода вздохнул и сказал:

– Вестимо, несладко с вогулами биться. Это хоть кто скажет. Много погибло бы наших в новой схватке, если бы с Асыкой мы встретились. Но, видно, взаправду Асыка восво-яси ушел, не захотел нас снова затрагивать, ибо и сам потерпел не мало. А это нас радовать должно. Потому как Москва нам грозит. А с Москвою не сразу управишься...

– Это когда еще будет аль не будет там, – промолвил другой десятник, – а с вогулами теперь мы управились! Спасибо отцу Ивану за дело его доброе...

– Молиться нам надо об отце Иване, – прослезился воевода, – ибо он нас от гибели спас. Вечная память ему!

– Вечная память отцу Ивану! – закрестились окружающие, проникаясь теплою благодарностью к убитому священнику. – Спасибо ему, молитвеннику нашему! А мы-то его осуждали, ругали за жизнь непотребную... а он от вогулов нас избавил...

– Слава и благодарение Господу Богу Христианскому! –

послышались голоса, звучащие искреннею верой. – Сохранил Он нас от напасти лютой по молитвам служителя Своего! Показал, что сила Его велика есть!..

Настроение у всех было приподнятое, возвышенное. Все сходились в одном мнении, что совершилось какое-то чудо, сохранившее Покчу от окончательного разгрома вогулами. Воевода душевно радовался такой перемене в мыслях своих подчиненных и бодро пошагал к городку впереди отряда, повернувшего домой из лесу...

Возвращение Бурмата с разведки совпало с прибытием в Покчу пришлых новгородцев, приглашенных из Чердына князем Микалом. Покчинцы, кто только на ногах мог стоять после тревожной ночи, сбежались поглядеть на редких гостей, заявивших себя друзьями пермян, которых, впрочем, друзья эти временами грабили в открытую, объясняя, что дань народную собирают. Приковыляли даже многие раненые, влекомые жгучим любопытством. Ни для кого не составляло тайны, что новгородцы являются злейшими врагами Москвы, почему теперь, ввиду слухов о походе москвитян на Пермь Великую, представлялось вдвое интереснее поглазеть на удалых повольников, какими, несомненно, были пришлые новгородцы.

По обеим сторонам разбитых вогулами ворот столпились любопытные, стараясь выглянуть в подробностях, каковы из себя пришельцы. Все думали, что это обычные удалыцы-оборванцы, не заботившиеся о нарядном одеянии, вместо чего

они щеголяли своими лохмотьями. Но тут пермянам пришлось удивиться, и удивиться вполне основательно.

Новгородцы один за другим поднимались из-под крутого берега Колвы, где у них были оставлены лодки, в которых они прибыли из Чердына. Впереди шел высокий статный мужчина, с широкою окладистой бородою, обрамлявшею его красивое румяное лицо. Глаза его светились лукавым добродушием, показывающим готовность его побалагурить и посмеяться при всяком удобном случае. На нем была надета стальная кольчуга замечательно тонкой иноземной работы, ценимая в те времена чуть не на вес золота. Поверх кольчуги было наброшено полукафтанье из дорогого алого бархата. На голове блеснул позолоченный шлем, с черным крестом впереди, сразу бросавшимся в глаза. Меч в широких ножнах, осыпанных самоцветными камнями, и нож с костяной рукояткой, заткнутый за пояс, довершали его вооружение.

Следовавшие за ним люди – спутники его – отличались не меньшею нарядностью одежды и вооружения, хотя таких кольчуг и мечей, как у первого, по-видимому, ни у кого не было. Вероятно, это был наибольший над удалыми добрыми молодцами, выбравшими его в предводители по каким-либо особенным причинам, имевшим важное значение в их глазах.

– Не чета это ушкуйникам третьегодним, – зашептались пермяне, внимательно рассматривая гостей, приближавших-

ся к городским воротам. – Те что? У тех ничего не было, кроме мечей простых да луков со стрелами, а эти как жар горят! Просто глядеть на них боязно... таково-то хорошо снаряжены все... как будто князья все родовитые!..

– Видать, что люди не бедные, не из нужды в наши края забрели. А витязи, видать, они добрые, перед врагом небось не попятятся. Эх, кабы раньше они к нам подоспели, задали бы жару вогулам проклятым!..

– Вестимо, помога была бы нам изрядная, много бы наших в живых осталось, – слышались вздохи в толпе. – Да теперь уж времечко упущено, пообидел нас Асыка поганый, чтоб с него медведь кожу содрал!..

– Здорово, братцы! – громким голосом по-русски крикнул передний новгородец, вступая в ворота городка. – Каково Господь Бог вас милует? Дома ли ваш князь именитый?..

Говоривший остановился на месте, ожидая ответного приветствия, но покчинцы не поняли его возгласа и молча глядели на пришельцев, не ломая шапок перед ними.

– Ишь, дурни, стоят как пни лесные! – проворчал новгородец и хотел было проходить далее, но в этот момент в глаза ему бросилась куча вогульских тел, наваленных неподалеку от прохода, что сразу заставило его даже рот раскрыть от удивления.

– Ай, батюшки, да у них тут побоище было!.. Покойничков-то сколько лежит! И видать, в крови все позамараны... А тамо-тко рука чья-то валяется, по локоть отсеченная... А

округ – топоры, ножи, копья поразбросаны... А ворота-то, кажись, поразбиты тож были... да и люди-то здешние, живые которые стоят, переранены есть кой-кто порядочно... Не иначе как битва здесь была, посражались они с кем-то не на шуточку... Вот, братцы, оказия-то какая!..

И он удивлялся все пуще, поворачиваясь из стороны в сторону и оглядывая следы вогульского нашествия, видневшиеся на каждом шагу. Товарищи его тоже заволновались, увидя поле битвы, доказывавшее большое кровопролитие. Послышались крики удивления, даже восторга, когда один добрый молодец заметил неподалеку от ворот, в тени внутреннего вала, тело обезглавленного вогула, голова которого была отделена от туловища одним ударом меча, как это определил опытный глаз витязя-повольника.

– Глянь-ка, глянь, братцы, – говорил наблюдательный новгородец, указывая на окровавленное тело, – за единый ведь мах головушка-то отрублена!.. Ишь ты, ловкач какой кто-то, славно его рубанул! Это не всякому дается...

– Верно, удар приметный, – раздались голоса товарищей, с любопытством рассматривающих дело рук неведомого ратника. – Начистоту работа сработана! Нигде ни сучка ни задоринки! Пожалуй, и мы так не сработаем, ежели у пермян не поучимся...

– Ах ты, голова садовая, у пермян учиться вздумал! – расхохотались окружающие, отходя от трупа вогула. – У них, брат, умишко не лишка, кажись, да и силенки они не особ-

ливой... А это, полагать надо, наш же брат, человек русский, орудовал. Мало ли здесь-тко повольников наших околачивается, а они ведь, вестимо, князьям пермским разные послуги делают. Ну, и помогли им врагов отогнать... Вот и вся загвоздка!

– Кто их разберет, так или иначе дело вышло. Поспрошаем, увидим ужо, какая тут катавасия творилася... Да чего это отповеди никто не дает атаману нашему? – Зашевелились повольники, не слыша взаимных приветствий со стороны покчинцев на слова предводителя. – Аль, может, по-русски не понимают они? Надо, брат, толмача в дело пустить. Выходи-ка вперед, Яшка-букашка! Ты, брат, по-пермяцки маракуешь порядочно...

– Стой! – зыкнул атаман, останавливая взглядом подчиненных. – Не Яшкина речь здесь пойдет. Видите, князь здешний выехал встречу нам делать, в новую кольчугу снарядился, на коне добром сидит. С ним толковать мне придется. А он по-русски понимает, как я слышал, не хуже, чем Яшка по-пермяцки... Надо, братцы, поклон ему отдать, ибо он князь родовитый, что ж делать, хоть и маленький князь...

Новгородцы притихли в одно мгновение, подчиняясь знаку старшего. К воротам подъезжал князь Микал, нарочно надевший на себя кольчугу, снятую было после битвы, и севший на коня, чтобы в таком виде встретить гостей, прибывших в его владения. Следом за ним ехал Бурмат, успевший вернуться из лесу, с бесплодных поисков бежавшего

Асыки, наделавшего столько бед в пределах Перми Великой. Несколько десятков вооруженных ратников, стуча и гремя оружием, выступали за князем и воеводой, придавая некоторую торжественность княжескому выезду.

– Будь здоров, князь высокий! – проговорил атаман и отвесил поясной поклон Микалу, предварительно сняв шлем с головы.

Спутники его сделали то же самое, следуя примеру старшего.

Микал отвечал на приветствие:

– Будьте здоровы и вы, гости дорогие! Откуда вас Бог несет в места здешние? Какого вы роду-племени, други мои?

– Из Новгорода Великого мы, из самого Новгорода Великого, – продолжал атаман, лукаво поблескивая глазами. – По Волге-реке мы погуливали, торговлю на лодках вели, барыши большие загребали. А теперича в Пермь пожаловали без спросу у твоей милости княжьей, не во гнев будь сказано тебе, князь высокий... А зовут меня Василь Киприянович, Арбузьев по прозванию, а роду я боярского новгородского. А это мои сотоварищи, помощники мои преусердные... Не знаю, как примешь ты нас, князь высокий?

– Душевно рад я вам, гости дорогие! – горячо воскликнул Микал, поспешно слезая с лошади. – Добро пожаловать хлеба-соли откусать ко мне, как на Руси у вас это водится!

И он взял за руки Арбузьева и повел его за собою, выражая этим свое искреннее желание принять гостей со всем

радушием, на какое только был способен.

Новгородцы двинулись за своим предводителем и, идя к княжескому дому, расспросили наконец, с каким врагом дрались пермяне в минувшую ночь, памятную для обитателей городка. Это их всех раздосадовало до крайности, потому что, находясь в нескольких часах пути от подобного кровопролития, они не могли участвовать в схватке со злыми вогуличами, известными по убийству епископа Питирима.

– Только бы подоспеть нам к тому времени, ни один бы вогульчишко цел не ушел! – говорили они, слушая рассказ Бурмата о сражении с ордою Асыки. – У нас уж обычай такой: до последнего человека биться! А там победа аль нет – верно конец скажет...

– А слышь-ка, воевода почтенный, – обратился к Бурмату тот новгородец, который первым увидел труп обезглавленного вогула, привлекшего к себе всеобщее внимание, – никак, посреди вас русские люди обретаются?.. Наверное, помогали вам вогулов бить...

Воевода мотнул головой.

– Не было вчера посреди нас людей племени русского. Одни мы с вогулами бились.

– Да, может, запямятовал ты, воевода почтенный? Мало ли того не бывает. Может, хоть один русак да был среди вас, когда вы вогулов отгоняли?..

– Не было ни одного русака посреди нас, правду я тебе говорю! – с твердостью произнес Бурмат, удивленный настой-

чивостью новгородца. – А мне ведь поверить можно. Завсегда я в Покче нахожусь.

– Вестимо, поверю я тебе. И все мы поверим тебе, воевода. Только кто же башку снес вогулу тому, который у ворот лежит? Неужто ваш же пермянин поработал так?

– А это, други мои, князь поорудовал, мечом своим широко размахнулся. У него ведь силушка немаленькая!

– Да неужто князь ваш силач такой? Вот уж не думали, не чаяли мы!.. А мы было на человека русского положили... Ишь ты, оказия какая! Право, оказия!..

И все хлопали руками от удивления, не ожидая встретить в Перми Великой витязя, ссекающего одним ударом человечесьи головы. Микал сразу поднялся в глазах новгородцев на большую высоту, потому что редкий из них мог похвастать тем, что снес когда-нибудь «башку вражью» единым махом, как это сделал повелитель Перми Великой.

Все русские гости – а их было шестьдесят шесть человек – вступили во двор княжеский, где для них стали готовить столы, чтобы угостить их теми сикасами (кушаньями), какие могли найтись под руками княгини Евпраксии и ее прислужниц в это тревожное утро.

IX

Новгородцы не успели еще как следует попробовать княжеского хлеба-соли, как в Покчу приехал и чердынский князь Ладмер, призамешкавшийся было дома с какими-то делами.

Ладмер уже знал все о ночном событии, потому что утром к нему был отправлен гонец с вестью о битве с вогулами в стенах Покчи, что крайне озадачило и встревожило старого князя. Этот гонец прискакал в Чердын как угорелый, крича во весь голос о поражении Асыки, считавшегося многими непобедимым и неуязвимым. Ликование всех было полное. Зазвонили даже в три единственных колокола в Иоанно-Богословском монастыре, где проживал игумен и шестеро иноков. Но народ не пошел в церковь, не находя в том душевной потребности, – Василий же Арбузьев с товарищами успели до прибытия вестника сесть в лодки и отвалить от чердынского берега, чем и объяснилось их полное неведение о происшедшем в Покче кровопролитии.

– Эх, дядя, – встретил Ладмера Микал, – беда за бедой на нас валится! Просто хоть жизни лишайся!..

– Что ж делать! – отозвался Ладмер, здороваясь с племянником. – Надо, друг мой, духом крепиться!..

– Знаю я, робеть нам не следует. Знаю, что плохо нам придется, ежели мы руки опустим. Но силы-то, силы где нам

признаться, коли на нас враг понасядет?

Ладмер подергал свою сивую реденькую бороденку, пожевал губами и сказал:

– А сила в Перми у нас найдется, князь дорогой. Была бы голова твоя на плечах по-прежнему. А с нею уж мы не погибнем.

– А может, погибнете скорее еще, – усмехнулся Микал, в глубине души довольный открытою лестью дяди. – Времена теперь приходят тяжелые. Вогулы шевелиться опять начали. С Асыкой едва мы поуправились в ночь минувшую, да и то нам поп немало помог... А без попа неведомо бы еще, кто кого поборол, ибо тьмы вогулов к Покче подступали...

– Слышал я про доблесть поповскую, но мало ли того не бывает, что случай людей спасает? Нельзя же честь победы попу отдавать. Не поп, а ты, полагаю я, Покчу от разорения спас. А попу посчастливилось только случаем попользоваться...

Микал стал возражать дяде, доказывая, что не случай, а единственно беспримерная храбрость отца Ивана помогла покчинцам отогнать неприятеля, но Ладмер просто слышать не хотел о чудесном заступлении Божиим за погибающий городок, почти уже взятый вогулами... Ладмер был упрямый старик, принявший православие не по сердечному влечению, а по примеру старшего князя, от которого нельзя было отстать. На христианство он смотрел презрительно, разделяя мнение большинства пермян, что русская вера гу-

бит Великую Пермь, поставленную в крайне тяжелые условия во всех отношениях... На Микала резкие отрицания дяди произвели впечатление ушата воды, вылитой ему на голову, что заставило покчинского владельца как будто даже поколебаться в своем убеждении о происшедшем чуде, удостоверяемом показаниями пленных вогулов.

– Ну, ладно, оставим этот разговор на время недолгое, – сказал он нерешительным голосом, не глядя в лицо Ладмера. – По-моему, одно хорошо, что жару Асыке мы задали. Попомнит он, собака поганая, каково в Покче его приняли. А отца Ивана мне жалко до слез, право слово! Не мог ведь оборонить я его от злодея проклятого... Погиб он смертью мученической... А слышь-ка, дядя любезный, – переменял тон Микал, – прибудет ли сюда игумен чердынский мертвых хоронить, как о том с гонцом я наказывал?

– Прибудет, вестимо, прибудет, коли требуют. Ведь в том и работа его.

– А у нас работа другая пойдет, не поповская. С вогулами сумели мы управиться в ночь минувшую, теперь готовиться надо Москву встречать. А Москва ведь не чета орде вогульской, я думаю.

– Новгородцы помогут нам Москву отогнать, потолковать только надо с новгородцами.

– Для того-то вас, князя чердынского да князя изкарского, и в Покчу я призвал, чтоб с вами да с новгородцами сообща порешить, миром аль войной Москву встречать. А новгород-

цы на Москву крепко зубы грызут, наверное, не откажутся помощь нам дать по силам своим. А когда князь Мате прибудет из Изкара, тогда мы окончательный совет учиним, чтоб после всем в ответе нам быть, ежели что худо случится...

Разговор этот происходил у них на крыльце княжеского дома, где Микал встретил Ладмера. Когда же они вошли в горницу, то Василий Арбузьев, сидевший тут, озадачил их такими словами:

– А вот и другой князь пожаловал!.. Так что ж, по рукам, что ли, князья почтенные? Давайте супротив Москвы заодно идти. У меня шесть десятков с лишним людей наберется – и все ратники бывалые; у вас, князей, наверное, тьму-тьмущую пермян нагнать можно, только бы охота была. А потому рискнуть непременно надо, князья почтенные, на счастье наше общее. А я уж все силы положу, чтоб насолить Москве загребущей!..

Глаза новгородца загорелись гневом и злобою. Руки судорожно сжались в кулаки, показывая, какие чувства питал он к «Москве загребущей». В голосе его прозвучали угрожающие нотки, заставившие попятиться назад князя Ладмера, который не понимал по-русски и, услыша неприязненный тон Арбузьева, вообразил, что тот набросился на него или на Микала с какими-нибудь оскорбительными или ругательными словами.

– Чего это он? Что ему надобно!.. – пробормотал старик, оглядываясь на племянника.

Микал объяснил ему, в чем дело, после чего Ладмер сразу оживился и внимательно начал прислушиваться к словам русского гостя, речь которого постепенно переводил и передавал ему Микал.

Новгородец переспросил снова:

– Так, значит, по рукам, что ли, князя почтенные? Согласны вы Москву встречать стрелами да копьями? А она ведь скоро к вам пожалует... Аль, может, головы свои под веревку московскую протянете вы с покорностью кроткою?..

– Не поддадимся мы Москве без борьбы, не преклоним пред нею выи покорной! – проговорил Микал, энергично потряхнув головою. – Не хотим мы стать рабами московскими... С радостью мы помощь вашу принимаем, ибо ведь вы, новгородцы, витязи преотменные, умеете в ратном поле за себя постоять... А посему вот тебе рука моя, Василь Киприянович! – протянул он руку Арбузьеву, который крепко пожал ее. – Станем с сего дня друг за друга стоять, как братья родные! Станем сообща против Москвы промышлять, а там уж увидим, что выйдет у нас...

– Вот это ладно, друзья мои! Ладно, ладно! – бормотал Ладмер, тоже протягивая руку новгородцу. – Прогоним мы москвитян из страны своей, ежели сюда они пожалуют!..

– А по такому случаю выпить надо! – возгласил Арбузьев, показывая на стол, где возвышались два жбана с пивом и брагой, красовался узкогорлый кувшин с заморским вином, доставленным в Пермь волжскими купцами, и стояли две мед-

ные енды и три стакана. – Да будет наш союз удачен и крепок... и да сгинет, прости Господи, окромя храмов святых, Москва проклятая, которая многих людей несчастными сделала!..

– Да сгинет Москва проклятая! – повторили князя и выпили с новгородцем сначала по стакану вина, а потом попробовали пива и браги, отчего в голове у них немножко зашумело.

– Эх, други мои сердечные, князя разлюбезные, – заговорил Арбузьев, утирая концом полотенца бороду, смоченную пивом и брагой, – не подумайте вы, что взаправду я с товарищами своими, по Волге-реке гуляючи, торговлю на лодках вел да загребал барыши большие. Не до торговлишки было нам, по правде сказать, не на такой мы путь вступили, когда из дому своего утекли на Волгу-реку на раздольную, на раздольную речушку вольную... От московской ведь плахи утекли мы, ибо порешил нас князь московский лютой смерти предать за удаль нашу молодецкую да за излишнюю прыткость бесшабашную...

Говоривший вздохнул всею грудью, выпил еще стакан и продолжал:

– В прошлом году это вышло, когда государь московский руку свою на Новгород Великий наложил, поразил его как язва египетская. Наверное, слышали вы, как тьмы московских воинств свирепых вторглись во владения новгородские и начали жителей беззащитных избивать, учинили крово-

пролитие страшное... Воеводы пример всем показывали, говорили, что щадить никого не надо, ибо-де все крамольники заведомые!.. И застонала страна новгородская!.. А следом за воеводами своими, как коршун за коршунятами малыми, препожаловал сам князь Иван, владыка московский, возжелавший упиться кровью людей новгородских... И выступили полки наши навстречу злым недругам, которые хуже татаровой были, ибо никому пощады не давали, даже ребят грудных за ноги хватали да о каменья головой разбивали!.. Но плохо пришлось нашим ратникам, измена все дело сгубила. Сначала на Коростыне несчастье приключилось, а потом чем дальше, тем хуже пошло. Не благословил, вишь, владыка нареченный наш, Феофил, полк свой в сечу идти: богопротивно-де на царя православного руку поднимать... А воины владычные его послушались, в сторону от нас отошли, наперед о том не сказавши, а москвитяне той порой на нас нагрянули да рать нашу по полю рассеяли, точно и не было ее!.. А кого москвитяне в полон взяли, тем Холмский-князь, воевода Иванов приказали носы да губы отрезать – да и послали их в Новгород истерзанными, на страх новгородцам прочим...

– Ой ли, да неужто так было воистину? – переспросил Микал, думая, что ослышался. – Неужто москвитяне так зверствуют?

– Москвитяне, брат, не то еще делают! – усмехнулся Арбузьев, выпивая опять стакан вина. – Они и Христа Самого снова распяли бы, если бы Он, Всемилостивый, снова на

землю бы спустился...

– Да ведь веры православной же они. А вера православная даже врагов любить повелевает, как о том попы да монахи нам рассказывали...

– А вы слушайте больше попов да монахов ваших, они вам не то еще расскажут! Потому как кто для вас попов да монахов поставляет? Ведь тот же епископ зырянский, который под московской рукой состоит? А епископ зырянский, вестимо, за Москву горой стоит... Ну, и попы с монахами тоже...

– А пожалуй, и взаправду оно так. Как я не смекнул о том раньше? – почесал голову Микал и передал об этом Ладмеру, который был доволен, что суждения новгородца слово в слово сходились с его собственным мнением.

– Так вот, други мои, какова Москва нам показала себя на Коростыне, – заговорил опять Арбузьев, возвращаясь к прерванному рассказу. – А дальше уж совсем плохо пошло... Пошатнулась стойкость новгородская, замутилася душенька народная... Началось шатание велие, изменники как грибы росли, только в кузов, знай, клади их князь Иван Московский... А потом на Шелони-реке побоище учинилось – и последние силушки наши порастаяли, яко снег под солнышком вешним! А и тут же на Шелони-реке полонен был москвитянами родитель мой Киприян Селифонтович, посадник степенный, боярин вольного Новгорода. А вместе с ним захвачены были Борецкий Димитрий Исакович, да Селезнев-Губа

Василий, да Еремей Сухощок, чашник владычный, да еще многие другие мужи совета при вече новгородском. И присудил их князь Иван злой смерти предать, якобы за крамолу явную, а пуще всего за смелость ихнюю, ибо они доблестно за вольность народную стояли, а князю Ивану, вишь, хотелось единой волей своей править Новгородом Великим... И посекали им головы палачи московские... и погиб мой родитель безвременно, а нас, детей своих, сиротами оставил на расправу псов московских...

– Эх, горюшко наше! – вздохнул Арбузьев, смахивая с глаз невольные слезы, выступившие у него при упоминании о казни отца. – Покарал нас Бог за грехи наши, а больше всего измена нас сгубила. Хотели было мы за стенами новгородскими отсидеться, но предатель проклятый заклепал полсотню пушек крепостных, которые огнем стреляли. А это смелости москвитянам придало, приготовились они приступом город брать... А у нас уж хлеба не стало, просто хоть ложись в могилу да помирай с голоду, ничего другого не оставалось для нас... Тут и порешили у нас на вече народном челом бить Ивану Московскому, авось, мол, помилует он Новгород Великий за то, что крепко тот за вольность свою стоял... И пошел владыко нареченный наш, Феофил, с посадниками да с боярами знатными на поклон к воителю грозному, который праведным судиею прикинулся... И покорился Новгород Великий под ноже Ивана Московского, и лишились мы вольностей своих, с какими с покон века жили...

– Ишь ты, беда какая! – сочувственно проговорил Микал, выслушав рассказ новгородца. – Так, значит, москвитяне нынче правят Новгородом Великим по указке князя Ивана?

– Не то чтоб москвитяне правят, – возразил Арбузьев, – а выходит так, что по московской дудке плясать приходится вече новгородскому. Иван-то ведь, слава богу, не дотронулся пока до обычаев наших древних, оставил даже вече народное по старине да по вольности, а только приказных своих к вече приставил. А те уж, известно, обо всем в Москву отписывают. А оттуда нагоняй за нагоняем летит посадникам нашим... Ну, и пляшет нынче Новгород Великий под дудку московскую, потому как нельзя иначе...

– Не красны дела у Новгорода Великого, чего говорить! – покачал головой Микал. – Потеснила-таки его Москва проклятая, ой как потеснила!..

– А я, человек грешный, уж не мог претерпеть, – продолжал Арбузьев, попробовав еще пива пенного, – пораспалился я гневом лютым на князя Ивана, который родителя моего убить повелел... Не захотелось мне идолу московскому кланяться, не захотелось и в Новгороде околачиваться, ибо всюду москвитяне со своим носом длинным совались. А сердце у меня так и посасывает, так и посасывает, просто спокою нет. А в голову мыслишка такая втемяшилась, что споначалу даже самому мне страшно стало. Э, думалось мне в те поры, не пропадать же нам из-за одного человека злодейского, си-

речь Ивана Московского, который всех бед причина! Убить его надо, как он родителя моего убил со товарищи!.. Ну, и дошло до того, что не стерпел я, высказал думушку потайную другу своему, сыну купца новгородского, Пашку Григорьевичу, у которого отца тож москвитяне зарубили, только не на казни, а в ссоре на мосту Волховом. А Пашко и не весть как обрадовался. Что ж, говорит, ладно, оборудуем мы дело сие. Отомстим за наших родителей да за мучения людей новгородских!.. Принялись мы товарищей подыскивать, чтоб не меньше полусотни витязей было. А голытьбой тогда в Новгороде хоть пруд пруди было. Живо мы пять десятков молодых ребят залучили, снарядили их оружием на свой кошт да риск да и зачали думушку думать немалую, как бы князя Ивана погубить. А это ведь трудненько было... Одначе, пока мы с Пашком мозгами ворочали, затесался промеж ребят наших изменник заведомый, пронюхал, о чем мы совет держали, да и донес о том воеводам московским. А те уж зевать не любят, коли где добычей припахивает. Мигом на нас стража московская нагрянула, почитай, полк целый, принялись искать-поискать... но мы ведь тоже парни не промахи, незадолго о беде той прослышали, да и все стрекача задали. Попался только Пашко-бедняга, у невесты своей, вишь, призамешкался, и сгубил себя этим добрый молодец! Отрубили ему голову по приказу князя Ивана, а меня с товарищами прочими присудили той же казни предать, только поймать им не удалось нас, оттого и цел я перед вами сижу, князь

почтенные, да заедин с вами думаю Москву отгонять, ежели пожалует он в Пермь Великую!..

Воцарилось недолгое молчание, во время которого Микал успел передать дяде суть речи словоохотливого новгородца, не скрывшего ничего из своей прошлой жизни. Ладмер зачавкал губами и промычал:

– А сильна же она – Москва проклятая! Смотри ведь, как Новгород скрутила... А все же не надо нам робеть раньше времени...

– А как вы о том разузнали, что москвитяне в поход пошли на нас? – спросил Микал у Арбузьева, тянувшего брагу из ендовы.

– А зимовали мы нынче на Волге-реке, около самого устьяца Камского. А тут к нам один москвитянин пристал, который из темницы московской убег... И поведал он нам без утаечки, каковы дела на Москве у них творятся... А потом и другие слухи были... По зиме ведь еще рать московская выступила, значит, вскорости быть здесь должна...

– Беда, беда! – понурил голову Микал. – Смеем ли мы Москве супротивничать, коли уж вы, новгородцы, перед ней устоять не могли?

– Измена ведь нас погубила! – сумрачно буркнул Арбузьев. – Да и место такое у нас... дороги кругом понаезжены... везде города да деревни стоят, припасов разных видимо-невидимо... воинству московскому раздолье было, а у вас ведь, окромя лесу, нет ничего. Оголодают воины враже-

ские, заплутаются в лесах пермских... а тут мы и прихлопнем их, как мух очумелых, ежели с голоду они сами не подохнут...

– Верно, верно, так бы и следует им, мучителям нашим! – закивал головой Ладмер, уразумев слова гостя. – А мы уж постараемся прикончить их, только бы вы, новгородцы, вместе с нами были...

– Да будет так! Да рассыплется в прах воинство московское... А я уж не отступлюсь от своих слов. А товарищи мои тоже хоть куда идти за мной готовы, могу я за них поручиться... Поцелуетесь же теперь по обычаю нашему православному! Ведь люди православные вы тоже.

Арбузьев встал с места и поочередно поцеловался сначала с Микалом, потом с Ладмером, и, закрепив этим свой союз, все трое вышли на двор, где угощались удалые добрые молодцы, истребляя приносимые кушанья и напитки в огромном количестве.

Х

Изкарский князь Мате прибыл в Покчу уже на другой день вечером, невольно замешкавшись в пути, где он едва не столкнулся с отступавшими от Покчи вогулами. К счастью для князя, сопровождавшие его люди вовремя заметили грозившую опасность и спрятали лодку, в которой ехал князь, под крутым берегом Колвы, в чаще ивняка, откуда они хорошо рассмотрели вогулов.

Дикари тянулись по берегу Колвы, соблюдая всякие предосторожности, из чего Мате заключил, что поход их не удался. Сам Асыка, заметно прихрамывая на правую ногу, вел свою орду, среди которой виднелось много раненых. Повидимому, вогулы вышли к реке для того, чтобы отдохнуть на береговом угоре, где так ласково пригревало солнышко. Вскоре же они, однако, торопливо обмыв свои раны в воде, втянулись в лес и скрылись из глаз изкарского князя.

Далее Мате сообщил, что он вернул домой воеводу Коча, который подготовил бы Изкар к обороне, если бы Асыка, паще чаяния, задумал напасть на городок. Однако через полсутки Коч донес князю, дожидавшемуся от него ответа на полпути от Изкара к Покче, что толпы вогулов, переправившись через речку Низьву, бесследно исчезли в лесу, из чего можно было заключить, что они сразу двинулись в свои кочевья, миновав городки и селения Верхней Перми. Таким образом,

князь Мате получил полную уверенность в неприкосновенности своих владений и, уже успокоенный, прибыл в Покчу, где его ждали с нетерпением.

– Да, брат мой Мате, тяжелые времена для нас приходят! – сказал Микал, выслушав повествование гостя о встрече с вогулами и сообщив ему о том, как эти вогулы Покчу приступом брали. – С Асыкою пока мы поуправились, но горе другое нас ждет. Послушай-ка, какую весть принесли нам новгородцы... – И он передал в коротких словах зловещую новость о походе москвитян на Пермь Великую, что крайне взволновало и встревожило изкарского князя.

– Да неужто правда это? Да неужто Москва на нас войско шлет? – удивлялся Мате, испуганно мигая глазами. – Вот ведь беда какая!.. А я, признаться, не поверил послу твоему. Просто, мол, врет человек. Потому как причины такой не было...

– Для Москвы причин не надо, только бы охота была... Ну, да и причина нашлась у Москвы; купцов ихних пообидели, вишь, в Чердыне... Хотя и за дело пообидели. Вот и ополчилась Москва на нас... Не знаю, что будет с нашею страною...

– А новгородцы, говоришь ты, заодно с нами на москвитян пойдут? – спросил Мате, искоса поглядев на Арбузьева, находившегося тут же с ними.

– Новгородцы – друзья наши нынче. По рукам мы ударили с ними. За тобою лишь, Мате, дело стоит.

Микал объяснил ему сущность и значение заключенного с добрыми молодцами союза, после чего изкарский князь заметно повеселел и протянул руку Арбузьеву.

– Вот и рука моя, воевода храбрый, – сказал он по-пермяцки, причем Микал быстро переводил его слова на русский язык. – Не отстану я от братьев своих – от господина князя покчинского да от дяди его, князя чердынского. За-всегда мы дружно жили, и нынче мы врознь не пойдем!..

– Умные речи и слушать сладостно! – осклабился новгородец, пожимая руку Мате. – Дай Бог нам удачи в ратном поле, ежели с Москвою схватиться придется!..

– Спасибо тебе, друг, за согласие твое! – воскликнул Ладмер, хлопнув по плечу изкарского князя. – В согласии ведь сила великая!.. С согласием своим мы авось Москву отобьем... ежели Небо нам поможет...

Ладмер хотел было сказать: «Ежели Войпель нам поможет», но рассказ Микала о чудесном избавлении Покчи от разгрома вогулами произвел на него известное впечатление, и он не осмелился произнести слова, оскорбляющие христианскую религию.

А Микал искренно радовался тому, что вопрос о войне с Москвою получил окончательное решение. Мате был почти независимый от него владетель, признающий его главенство только из уважения к старшему в роде, каким считался покчинский князь ввиду происхождения своего по прямой линии от первого властителя пермского. В Верхней Перми Ми-

кал не имел никакого значения, хотя Мате, по своей доброте и простоте, оказывал ему знаки внимания, чтил его. Вдобавок Изкар, главный населенный пункт Верхней Перми, стоял на такой неприступной горе и имел такие грозные по тому времени и месту укрепления, что никому и в голову не пришло бы принуждать Мате примкнуть к руководителям Нижней Перми, если бы на то не было доброй воли изкарского князя. Таким образом, Мате мог бы, если бы захотел, остаться при особом мнении по вопросу о войне или мире с Москвою, но так как он проявил полное единодушие с остальными, то его слова о согласии, естественно, вызвали чувство удовлетворения у присутствующих.

– Значит, окончательный совет наш такой учинился, – заговорил Микал твердым, решительным голосом, придавая своему лицу торжественное выражение, – супротивничать Москве мы начнем, на жизнь и на смерть станем биться с москвитянами! А посему потолковать нам надо о том, как силы свои собрать для отпора Москве свирепой, как вражью рать не пускать в страну свою...

И еще долго рассуждали князя совместно с Арбузьевым, сначала строя догадки о том, с какой стороны нагрянут москвитяне, о направлении пути которых ничего не было известно. Знали только одно – да и то по смутным слухам, принесенным новгородцами, – что вражеская рать выступила из Москвы зимою и достигла Ярославля, но двинулась ли она оттуда на Вологду и Устюг, чтобы через зырянский край

проникнуть в Великую Пермь, или же повернула на Вятку, с намерением дойти до Камы и весною сплыть по ней до Чердына, – этого никто не знал. Князь Микал полагал, что москвитяне, вероятнее всего, шли через зырянский край, где для них путь был знакомый, ибо четыре года назад воеводы Иоанна III, князя Иван Звенец и Иван Руно, возвращаясь домой из похода в черемисскую землю, во главе порядочного числа ратников проследовали через Великую Пермь, направляясь прямо на Вычегду, а оттуда на Устюг и Вологду. Таким образом, московскому войску представлялось более выгодным пуститься по знакомой дороге, не отличавшейся, впрочем, большими удобствами. Но тогда об удобствах дорог имели некоторое понятие только в пределах коренной Руси, где насущная нужда заставляла проводить так называемые «тележницы» (то есть просеки, очищенные от пней с таким расчетом, чтобы могла протиснуться одна телега), на окраинах же никаких тележниц не знали и довольствовались пешеходными тропинками, по которым, конечно, могли пробираться и всадники, зачастую царапавшие свои лица при путешествии по лесным трущобам.

– По-моему, так выходит: через Старую Пермь москвитяне идут, – сказал Микал, закончив свои объяснения. – Не знаю, как вы о том думаете?

– А может, на Вятку они двинулись, – неуверенно промолвил Мате, обводя глазами собеседников. – А с Вятки на Каму попадут. А с Камы на Чердын пойдут пешим путем либо на

Изкар наш наступят, ежели сумеют дорогу найти... А я уж постараюсь их встретить, только бы подошли они к Изкару!..

– У тебя, князь Мате, гнездо крепкое, на горе высокой стоит, недоступно для врагов всяческих! – подольстил ему Ладмер, верный своей привычке подлаживаться к влиятельным людям. – А о москвитянах я вот что скажу вам, други мои. Откуда бы они ни пришли, завсегда от них оборониться надо, завсегда надо быть начеку, чтобы впросак не попасть. А главное, узнать бы нам пораньше, как они в страну нашу заявятся...

– Вот, вот! Это ты дело говоришь, князь Ладмер! – закивал головой Мате, внимательно слушавший чердынского князя. – Только бы узнать нам пораньше, не прозевать, не проспать...

– А чтобы не прозевать, не проспать нам вражеское пришествие, – продолжал Ладмер, – надо нам разведчиков послать во все стороны. Пусть они в оба глядят за тропинками, а пуще всего за реками дозор имеют, ибо москвитяне по воде могут плыть для легкости...

Микал перебил дядю:

– Дозорные ведь у нас завсегда кругом сторожат, только, может, лениться стали, ибо про врагов не слышно было. А посему можно наказ им послать, чтоб зорчей сторожили они. Особливо на Каме-реке место такое опасное. Отовсюду москвитяне явиться тут могут: и с Вятки, и с Эжвы-реки, через болота зыбучие, даже с Волги на лодках подняться мо-

гут, как пожаловали же к нам нынче славные витязи новгородские...

– Нет, нет, с Волги-реки не придут москвитяне, – уверенно проговорил Арбузьев, – потому как слухов о них не было, что они по Волге путь держат. Вернее, на Вятку они тронулись из Ярославля либо через землю зырянскую пустились сиречь, через Старую Пермь. Оттуда и ждать их следует.

– Я тоже говорю: от Старой Перми москвитяне придут, – подтвердил Микал и, посоветовавшись с другими князьями, решил послать в глубину лесов, тянувшихся в сторону зырянского края, особых разведчиков, которые бы зорко наблюдали за тем, не появятся ли где передовые отряды неприятеля, наступающего на Великую Пермь.

Далее князья и Арбузьев вывели заключение о том, сколько сил найдется у них для отражения московского нашествия. Микал и Ладмер рассчитали, что у них в Нижней Перми соберется около трех тысяч добрых ратников, большинство которых хорошо стреляли из лука. Это были отборные охотники, проживающие в Чердыне, Покче, Уросе и в ближайших от них селениях. Да, кроме того, представлялось возможным увеличить число дружинников жителями поселений, разбросанных среди пермских лесов и болот, куда редко заглядывали даже служители князя Микала для сбора «кормов княжеских». Таким образом, в Нижней Перми должна была составиться рать в тысячи четыре с лишним человек, благодаря чему надежда на благополучный исход

столкновения с Москвою не угасала в сердце Микала.

Князь Мате заявил, что у него в Изкаре найдется не менее четырехсот метких стрелков из лука, из которых многие даже в птицу на лету попадают. А подстрелить птицу на лету являлось высшим достоинством тогдашнего охотника. Затем в других поселках Верхней Перми можно было набрать еще до тысячи душ ратников, что в общей сложности составило бы дружину численностью до полутора тысяч человек, готовых по знаку своего предводителя встречать москвитян смертным боем.

– Значит, у нас с дядей Ладмером да у тебя, князь Мате, тысяч шесть с лишним ратных людей наберется, – высчитал Микал, загибая правую рукою пальцы на левой руке. – Да вот новгородских витязей шесть десятков есть, а они, пожалуй, шести тысяч наших стоят...

– Ну, где же нам! – отмахнулся Арбузьев, но видно было по его лицу, что похвала князя – хотя и «пермянского князя» – приятно пощекотала его самолюбие.

– На тебя, Василь Киприянович, да на товарищей твоих главная надежда наша, – продолжал Микал, высказывая свои сокровенные мысли. – А без тебя да без витязей твоих куда нам с Москвою тягаться?.. А теперича дерзнем мы!.. А еще попросим мы тех новгородцев, кои в Новгороде-Малом живут. Они нам тоже не откажут, я думаю. Ибо в дружбе мы с ними состоим...

– А много их живет в Малом Новгороде? – спросил Ар-

бузьев, слыхавший уже о русском городке, выросшем среди пермских дебрей.

– А до полсотни человек наберется, кажись. И все они охотники рьяные, всякого зверя умеют ловить. А летом рыбы много добывают. Так что житье у них не худое, можно Богу спасибо сказать...

– Отчего ж они не помогли вам вогулов отбить, ежели в дружбе с вами состоят?

– А полагать надо, на промысле были они, на реках рыбу ловили. Да и кто про вогулов мог знать, ежели уж нас самих расплох они застали!..

– Так, так! – закивал головой новгородец. – Вестимо, где же им знать? Уж ежели сам воевода твой Бурмат не смог вогулов выследить, когда они отсюда убежали...

– Оплошал я, чего говорить!.. – вздохнул Бурмат, до сих пор молчаливо сидевший в уголке, не вмешиваясь в разговор князей и Арбузьева. – Асыка убраться успел... Перепутал он следы свои всячески... Хоть во все стороны погоню посылай! Мы, видишь ли, в лес от реки пустились, а он, шельмец, тем временем к реке-то и прошмыгнул да берегом до Низвы шел. А там его и повстречал князь Мате...

Воеводе было досадно, стыдно немножко при напоминании о бесплодной разведке им в окрестных лесах, но Микал успокоил его, сказав, что Асыку задерживать не стоило бы, потому что в противном случае могло бы выйти новое кровопролитие, нежелательное при таких обстоятельствах...

– Асыка не опасен теперь, – добавил Микал. – Зачем же на бой его вызывать? Лучше мы людей сохраним, чтоб Москву достойнее встретить. А потому пускай Асыка утекает, ска-тертью дорога ему!..

– Что же, пускай утекает! Не жалею я о нем нисколечко! – усмехнулся Арбузьев. – Только, слышите, поторопиться бы вам надо рать собирать, ибо с часу на час москвитяне нагрять могут...

– Да ведь у нас лучшие ратники дома живут, завсегда под рукой стоят. Только слово сказать им – и сразу готовы они будут на врага идти! А которые далеко живут, тех через юнцов потребуем мы к тому месту, где враг угрожать начнет... Вот и все сборы наши!

– А завтра я в Новгород-Малый проберусь, побываю у земляков своих, – заявил новгородец. – И постараюсь на москвитян их воздвигнуть. Наверное, они не откажутся... А вы проводника мне дайте.

– А я в Изкар обратно уеду, чтобы тоже встречу Москве уготовлять, – сказал Мате. – А ежели нужно будет, не прочь я, князь Микал, по слову твоему двинуться с ратниками туда, куда ты прикажешь...

– Спасибо тебе, князь, за готовность твою! Надеюсь я на тебя, как на себя самого!..

Разговор завершился сытным ужином, после чего все улеглись спать, стараясь не помышлять о грозившей напасти, занимавшей воображение многих людей, в особенности

же князя Микала. Микал, против обыкновения, не мог заснуть и напряженно думал о том, овладеет ли Москва Пермью Великой, огражденной от внешнего мира лесами и болотами? Не поможет ли опять Бог христианский, как помог Он вогулов от Покчи отогнать?.. Но тут прежние сомнения и недоумения проснулись в душе покчинского князя, незаметно для самого себя склонившегося к мысли, что, быть может, взаправду другая причина была, а попу Ивану удалось только случаем попользоваться, как это Ладмер ему доказывал.

«А ежели и толкуют вогульчишки, коих в полон мы взяли, будто над попом светлые юноши реяли, то разве поверить им можно? Они ведь со страху не то еще увидеть могли! А на деле, может, ничего не было... Не знаешь, чему и верить... Плохое житье наше. Отовсюду беда нам грозит. Москва к нам руки свои загребушие протягивает... Эх, кабы да москвитян нам отбить, какая бы великая радость была для всей страны пермской!..»

XI

После погребения героев-покчинцев, убитых в схватке с вогулами, игумен Иоанно-Богословского монастыря, совершавший заупокойную службу, привернул к князю Микалу, считая своею обязанностью посетить старшего владетеля Перми Великой.

Это было на третий день после отбития приступа Асыки, бежавшего от Покчи в такой момент, когда победа уже клонилась на его сторону...

Игумен был маленький юркий старичок, любивший поест и выпить, но зато внешне строго исполнявший монастырский устав, отличавшийся, впрочем, большими вольностями по сравнению с русскими монастырями того времени.

– Буди здрав, князь высокий! – приветствовал он хозяйна, ставя в уголок свой посох. – Не горюй, что многих слуг лишился ты в одночасье... На то, значит, воля Божия!

– Плохи наши дела, отец Максим! – отозвался Микал, пасмурно поглядев на монаха. – Приходится поневоле горевать... Не сегодня завтра Москва на нас насядет...

– Да ведь Москва православная страна, не так ли?

– Православная.

– И свет Христов от Москвы сюда пришел, так?

– Стало быть, от Москвы... ежели уж так ты толкуешь...

– Не я толкую, князь высокий, а дело за себя говорит, –

мягко возразил игумен. – А коли уж Москва православная страна, а пермяне православные же люди, стало быть, нет нужды тебе тосковать-горевать о чем не следует... И с новгородцами хороводиться не надо тебе...

– Не пойму я тебя, отец Максим. Отчего ж не хороводиться мне с новгородцами? И разве радостно мне будет, если Москва над нами власть заберет?

Игумен тряхнул космами своих седых волос и сказал:

– Вестимо, не радостно тебе, князь, чего говорить! Но ежели Москва придет в места здешние, не возмогу будет бороться с ней... И новгородцы не помогут тебе... Да и зачем тебе Москве супротивничать? Москвитяне ведь православные люди, пермяне православные тож... Не лучше ли миром дело кончить? Потому как нельзя против рожна переть... не по силам твоим, князь высокий...

– А ты уж сочел наши силы! – вспыхнул Микал, раздраженный словами игумена. – Да, может, ошибаешься ты... Никогда мы Москве не поддадимся! Пускай она силой нас возьмет, а силою брать нас трудненько ведь?..

– А как же Христово учение?.. Москвитяне ведь братья наши во Христе, ибо вера единая у нас...

– Вера к Москве нас не привязывает! Не хотим мы знать Ивана Московского!.. А тебе стыдно такие слова говорить, на сдачу Москве нас склонять!.. Не по сердцу нам владычество московское! Не надоела еще нам волюшка вольная!..

Игумен сидел как убитый, испуганно поглядывая на Ми-

кала, рассердившегося на него за совет покончить миром дело с Москвою. Поодаль от него стоял Ладмер, сочувственно кивая головой племяннику, громившему чердынского чернеца. Князя Мате и Арбузьева уже не было в Покче: первый из них уехал в Изкар, а второй отправился в Малый Новгород, куда за ним последовали почти все его сотоварищи. Таким образом, Ладмер являлся единственным свидетелем разговора Микала с отцом Максимом, настроившим против себя покчинского князя.

– Виноват, князь высокий! – наконец промолвил игумен, поднимаясь с места и отвешивая поклон Микалу. – Неладно я слово сказал... Не хотел я к миру тебя склонять, ежели твоей воли на то не было. Только ведь вера у нас одна с москвитянами...

– Оттого-то они и пошли на нас, что одной мы веры с ними! – вставил Ладмер, искоса поглядев на игумена. – У москвитян ведь совести мало, почти нет совсем... Окрестили они нас в свою веру, попов да монахов к нам послали, а теперь сами идут нас покорять под руку Ивана Московского, как души наши Богу христианскому покорили...

– За обиду купцов своих вступились они... – начал было отец Максим, но Ладмер не дал ему говорить и продолжал злорадствующим голосом:

– Москвитяне – лукавые люди! Сперва они попов да монахов посылают, а потом войско за попами да монахами приходит якобы по причине какой, а по правде сказать, того ра-

ди, чтобы новокрещенных под Москву забирать, ибо кто крестился от попов московских, тот должен Москве поддаваться...

– Ложь это, напраслину говоришь ты, князь... – забормотал опять игумен, набравшись смелости, но тут его перебил сам Микал, крикнувший:

– Правду, правду дядя сказал! Вся беда от новой веры идет!.. Предала нас вера христианская в руки московские!..

И забыл тут владетель Перми Великой, что недавно еще умилялся он подвигу отца Ивана и убежденно думал о том, что христианский Бог избавил Покчу от разорения вогулами, несомненно взявшими бы городок, если бы не геройство местного священника. Впечатление чудесного дела попа как ветром выдуло из его головы, вместо того ему часто приходило на ум ехидное словцо Арбузьева, что попов да монахов в Пермь Великую епископ зырянский поставляет, который за Москву горой стоит... ну, и попы с монахами также... Следовательно, духовные лица являлись людьми неблагонадежными, это он знал теперь достоверно... И старый Ладмер, всегда не ладивший с игуменом, мог теперь торжествовать победу над последним, достигнутую с такою легкостью... А Микал продолжал кричать резким угрожающим голосом:

– Не хочу я мириться с Москвой! Не поклонюсь я Ивану Московскому!.. Напрасно ты, монах, смущаешь меня! Не боюсь я воинства московского!.. А вера христианская губит нас... повергает нас в несчастья великие!.. Не хуже мы жили

в старой вере...

– Прости меня, князь высокий! – взмолился отец Максим, не обладавший твердостью души покойного попа Ивана, чтобы смело поднять голос в защиту православной веры. – Не хотел я смущать тебя... Не подобает мне ближних смущать...

– Все вы обманом живете! – не унимался Микал, сам не сознавая того, что говорит, – до того разгорячили его неосторожные слова игумена о непротивлении Москве. – На Москву вы уповаете, вижу я!.. Недаром же заступились вы за купцов московских, коих из Чердына мы прогнали. А потом на дорогу кормы им дали, и одежду, и обувь, и прочее все, что полагается... А из-за них-то ведь нынче и заваруха пошла...

– А еще я скажу тебе, князь высокий... – начал было Ладмер, видимо готовясь обратить внимание Микала на какое-то обстоятельство, неблагоприятное для Максима. Но тут Микал остановил его возгласом:

– Постой-ка, постой! Кажись, под окном кричит кто-то... и громко, безумно кричит... Не стряслась ли беда какая?

И он подбежал к окну, открытому по случаю теплого времени.

В воздухе пронесся отчаянный вопль, раздавшийся на дворе княжеского дома.

– Москва идет! Москва! – кричали наперебой два голоса, хрипло выговаривая слова. – На Черной реке мы видели!.. Пустите нас к князю высокому!.. Дома ли князь высокий?..

Микал отшатнулся от окна, потрясенный ужасною новостью. Лицо его побледнело как полотно, задержавшись от внутреннего волнения, руки и ноги задрожали, по коже пробежал мороз, проникнувший до самого сердца... Известие поразило его как громом. Туча была уже над головою... Приближалась страшная минута – минута борьбы с Москвою, известною своими отважными ратниками. А у них, пермян, какие воины? Эх, кабы новгородцев поболее было!..

«Но все-таки поборемся мы!» – подумал Микал и, оправившись от первого испуга, которого он уже стыдился перед Ладмером и игуменом, приказал ввести неожиданных вестников, кричавших во весь голос о появлении врага на Черной реке.

На пороге показались два человека в грязных изодранных одеждах, казавшихся сплошными лохмотьями, с босыми окровавленными ногами, истерзанными при ходьбе по лесным тропинкам. Волосы на головах у них были всклокочены, лица опухли и изобиловали глубокими царапинами, полученными, вероятно, при быстром беге по девственной целине пермских лесов; в глазах застыло выражение тупого испуга, придававшего им вид загнанных зайцев.

– Где москвитяне? – взволнованно спросил их Микал, порывисто вскакивая с места навстречу вошедшим.

– Буди здрав, князь высокий!.. – начали было отвешивать те поклоны, считая первым долгом приветствовать своего повелителя, но последнему было не до приветствий.

– Ладно, здоров я довольно!.. – отмахнулся он, нетерпеливо топчась на месте. – Такое ли время теперь... О пустяках ли толковать вам подобает?.. Говорите, где москвитяне?

– На Черной реке мы их видели... Плоты они строить принялись... Оттуда мы сюда прибегли... напрямик по лесу бежали...

– Как вы увидели их? Говорите-ка все по порядку. Да смотрите, правду говорите, не путайте.

И Микал впился глазами в вестников, ожидая их подробного рассказа.

Один из них начал говорить:

– Были мы на Черной реке с товарищами, рыбу в верховьях ловили да за лесной тропой глядели, по которой в Старую Пермь ходят. А до нас уж слух дошел, что, пожалуй, врага подждать надо, ибо в Чердыне торговые люди московские обиду от народа получили за великое нахальство свое... А москвитяне ведь обид не прощают, хоть сами-то всех обижают, кого только могут, вестимо... Так вот, князь высокий, ловим мы рыбу на Черной реке, ловим да за тропой поглядываем, чтоб, значит, никого не пропускать без ведома своего. Только вдруг слышим мы раз далече в лесу и шум, и крик, и стукотню топоров, и трубу воинскую, а это нас так по сердцу и ударило... «Ну, – думаем мы, – не иначе как Москва идет! Надо, мол, ноги уносить скорее, пока враг не заметил нас!..» Одначе одумались мы, остановились, умишком своим пораскинули. Дело-то, мол, неладно у нас выйдет. Нельзя же,

мол, сразу бежать, москвитян в лицо не повидавши. А повидавать-то, мол, их да порассказать о том твоей милости княжьей – вот, мол, служба наша главная... И схоронились мы на сем берегу Черной реки, лодки свои в кусты позапрятали, сами под дерево подлезли, сидим, ждем. А с того берегу уж гул идет, надвигается сила неисчислимая, воронье над лесом поднялось, кружится да каркает на свою голову... «Эх, – думаем мы, – не попасть бы нам в руки московские!..» А они, москвитяне-то, в ту пору к реке подходить начали, оружием на солнце поблескивают, топорами по деревьям постукивают, лошадей в поводу ведут, а на лошадях вьюки лежат, а во вьюках этих много кой-чего понавязано... Ну, подошли они к берегу, видим мы: впрямь москвитяне! Люди такие здоровые, молодцы на подбор один к другому, весело промеж собой перекликаются, а впереди старик едет на лошади, а на старике шапка железная позолоченная, а одежда из сукна цвета алого. Полагать надо, воевода ихний... Ладно, подошли они к берегу, а сзади еще много людей слышно, позаполнили они лес, может, не на один чемкос³¹ во все стороны, нас даже оторопь взяла... Но все же сидим мы под деревом, смотрим, ожидаем, что дальше будет. А они, как подошли только к берегу, принялись деревья рубить да на воду спускать: плоты строить, вишь, задумали, чтоб с лошадьми на Каму сплыть. А у нас лодки под берегом были, нельзя днем

³¹ Чемкос – старинная зырянская путевая мера, равняющаяся 5–6 нынешним русским верстам. (Примеч. автора.)

в путь пуститься: москвитяне увидеть нас могли. Порешили мы ночи дожждаться. Только вдруг, на горе наше, переправились на двух бревнах пятеро москвитян на нашу сторону да прямо на нас угодили... Закричали, побежали они на нас, стрелы в нас стали пускать, оружием над головами замахали... Такого они страху на нас нагнали, что не помним мы, как оттуда убраться успели! Еле живы ушли. Прямоком по лесу ломились, целых четыре дня в пути были, пока до Покчи не добрались... Ой, плохо наше дело, князь высокий! – заключил рассказчик и безнадежно махнул рукой, выражая этим свое полное отчаяние.

– Тяжело придется стране нашей, князь высокий, – добавил другой, шумно вздыхая всею грудью. – Москвитян немало идет... да и ратники они не нашим чета!..

– Так, так!.. – протянул Микал, выслушав нерадостных вестников. – На Черной реке москвитяне? А это недалеко от нас... Надо нам к встрече готовиться... надо нам гонцов рассылать во все стороны, чтобы народ за оружие брался... Не помогла, не спасла нас и вера христианская спасительная! – бросил он игумену, растерянно глядевшему на него. – Напрасно мы верили вам, попам да монахам!..

– Не виноваты мы, князь высокий... не виновата вера христианская... – забормотал было отец Максим, но Микал уже не слушал его, закричав во весь голос в открытые двери:

– Воеводу Бурмата послать ко мне! И всех десятников собрать на двор, которые дома найдутся! Скажите, что Москва

идет, на Черной реке уж стоит! Нельзя мешкать ни часу!..

Из окна видно было, как побежали в разные стороны слуги и прислужницы княжеские, испуганно взмахивая руками и сообщая встречным о страшной новости, от которой у многих кровь в жилах леденела...

Действительно, дело выходило нешуточное. Беда была. Река Черная находилась к западу от Покчи, составляя один из многочисленных притоков Камы, протекавшей в тридцати верстах от резиденции князя Микала. По Черной московская рать могла спуститься на Каму, там выйти на берег и не далее как через неделю подступить к Покче или Чердыну, смотря по тому, какое направление возьмет русский воевода, идущий покорять Пермь Великую. Конечно, москвитяне имели основание пробраться и к Изкару, где укрепления были довольно неприступные, благодаря чему их выгоднее было брать со свежими силами, но, в общем, ничего утвердительно о действиях неприятеля предположить было нельзя, так что для князя Микала оставался только один исход – это разослать сторожевые партии во все стороны, чтобы «не прозевать, не проспять пришествие вражеское».

Он так и сделал. Бурмат получил от него приказание немедленно рассыпать цепь разведчиков по окрестным лесам, вплоть до реки Черной и Камы, откуда наступали москвитяне. Десятникам было строго внушено, чтобы все здоровые люди их отрядов никуда не отлучались из дому, где они должны были находиться в полной готовности к бою по пер-

вому знаку со стороны князя или воеводы. В лесу, в разных местах, решено было устроить засеки и засады, в дополнение к существующим раньше, чем думали задержать быстроту вражеского движения.

Кроме того, следом за уехавшим князем Мате поскакал гонец с уведомлением о появлении москвитян на рубеже пермской земли, причем князь Микал просил Мате принять все меры для того, чтобы уловить приближение неприятеля и достойно встретить его, если он подойдет к Изкару. Затем посланы были весточки в Урос, к начальствующему там воеводе Зырану, и в Малый Новгород к ушедшему туда Арбузьеву с товарищами, а к стати и к самим обывателям русского городка, на помощь которых возлагались большие надежды.

– А в Чердыне я поуправлюсь с воеводой своим Мычкыном, – сказал Ладмер, предупреждая слова племянника об обороне главного города Перми Великой, каким по тому времени считался Чердын. – И ратников всех мы соберем, и крепче от недругов запремся. Не бойся за нас, князь дорогой. Не устрасимся мы воинства московского...

– Теперь уже поздно страшиться... – понурился Микал, повесив на грудь свою голову, но потом он вдруг ободрился и крикнул:

– Да нет, не поддадимся мы Москве! Не устрасимся мы воинства московского! Верно ты, дядя, сказал! Будь что будет! Ежели и умирать придется, так умрем хоть на воле своей, а не в темницах Ивана Московского! А вольная смерть

ведь как-никак лучше жизни подневольной! Это хоть кто скажет...

– Да, да! – затряс своей бородой Ладмер. – Не отдадимся мы живыми Москве! Пусть она страна православная... Но мы не желаем православными быть! Губит нас вера православная... Губит! Губит! Лучше бы Войпеля нам вспомнить...

– Войпеля? Да, Войпеля! Это ты правду, дядя, сказал. Что же, можно и Войпеля... Авось полегче нам будет немножко...

Микал не отдавал отчета в своих словах, сказанных им в пылу раздражения на Москву, являвшуюся гнездом православия. Отец Иван был забыт... Игумен Максим сидел как приговоренный к смерти, но при последних словах Микала все существо его содрогнулось. Ужас объял его душу. Неужели дело дошло до того, что Пермь Великая может вернуться в язычество? И вдруг сильное благородное чувство христианской доблести охватило обыкновенно покладистого, привязанного к земным удовольствиям монаха. Он встал с места и воскликнул негодующим голосом:

– Ой же вы, люди малодушные! Не много ли вы просите, чтобы одни милости сыпались на ваши головы? Заслужили ли вы милости подобные? А теперь, при первой беде, к Войпелю взоры обращаете? Что же, воля ваша, вестимо... Не могу я препятствовать вам... Только попомните слово мое вещее: покарает вас Бог Истинный, ой как покарает! А те-

бя, старик злобный, пуще других! – указал он на Ладмера и, взяв посох, медленно вышел из горницы.

Князя не задерживали его.

XII

Заволновалась Великая Пермь, переполошенная княжескими вестниками, разносившими приказ Микала: собираться всем ратникам в укрепленные городки для обороны их от наступающего неприятеля. Засуетились, заохали жители лесной стороны, не ожидавшие такой близкой развязки, хотя слухи о московских намерениях уже давно ходили между ними, порождая в их сердцах смутную тревогу за будущее. Пермь, обитавшие по рекам Колве и Каме, зыряне, разбросанные среди болот, тянувшихся в сторону привычного края, вотяки, имевшие свои поселения в низовьях реки Вишеры, по левой ее стороне, даже крохотные кочевья остяков и вогулов, входивших в состав владений изкарского князя, – все эти крупные и мелкие народцы содрогнулись как один человек, затрепетав при известии о вторжении москвитян в Пермь Великую. Приходилось грудью вставать на защиту своей родины, а это грозило большими опасностями, потому что врагом была Москва, считавшаяся всеми непобедимую державою.

– Москва идет! Москва! – только и слышалось кругом, когда зловещая новость распространялась по тому или другому поселку, притаившемуся в глуши пермских лесов. – На Черной реке уж стоит!.. Погибнем мы все до единого!.. Не нам уж Москве супротивничать... Москва ведь привыкла наро-

ды покорять, покорит она и нашу Пермь Великую...

– Но за нас новгородцы стоят, – возражали княжеские посланцы, старавшиеся ободрить боязливых, которых было великое множество. – Похитрее москвитян они будут, укажут, как дело вести... Отгоним мы прочь Москву проклятую! Только вы скорее собирайтесь, не мешкайте...

Тут кстати приводился рассказ о том, как появился в Чердыне, а потом в Покче Арбузьев с товарищами, как он заключил союз с князьями «супротив Москвы заедин идти», какие силы имелось в виду выставить против неприятеля, после чего все понемногу успокаивались, полагаясь на слова рассказчиков, что «все благополучно обойтись может».

И вот потянулись с разных сторон – кто по лесным речкам в лодках, кто прямиком по лесу и по тропинкам пешком – будущие противники москвитян на поле брани, вооруженные чем Бог послал: топорами, кольями, рогатинами, стрелами, многие даже простыми деревянными ослопами, имевшими вид балды, усаженной коротко обрубленными сучьями. Вообще, снаряжение ратников было немудреное, как немудры были и сами ратники, лишённые всякой воинственности, заменяемой у них полным наружным убожеством.

В городках встречали их с распростертыми объятиями, потому что как-никак все же сила прибывала, хотя и ненадежная сила, не могущая идти в сравнение с городскими десятками. Но в общей сложности благодаря многочисленности прибывающих людей рать должна была составиться до-

вольно значительная, обещающая некоторый успех, в особенности при верховодстве новгородцев, изучивших тактику московских воевод.

Микал просто покою не давал себе и своим приближенным, стараясь предусмотреть все случайности, которые он пытался устранить теми или другими способами, имеющимися в его распоряжении. На валах срубали новые башенки, куда предполагалось посадить возможно большее число стрелков, которые бы буквально осыпали тучею стрел подступы к городку, испытавшему уже на себе силу удара вогулов. Ворота – и внутренние и наружные – закладывались землею до самого верху, забивались бревнами и камнями крепко-накрепко, так что в конце концов выход из Покчи был закрыт, почему жителям его пришлось сообщаться с внешним миром при помощи лестниц, приставляемых к откосу валов. Из кладовых было вывезено все ратное оружие, какое только успели накопить в течение многих лет предки князя Микала и сам Микал, не пропускавшие случая, чтобы не приобрести от приезжих новгородцев или москвитян, или даже от купцов ордынских, изредка навещавших Великую Пермь, либо меч, либо бердыш, либо секиру, либо саблю, либо тугой лук боевой, каких не умели делать сами пермяне. Воевода Бурмат даже ночей не спал, бегая по укреплениям городка, где работали встревоженные жители, усиливая неприступность валов и палисадов, опоясывающих Покчу тесным кольцом.

В Чердыне, Уросе и Изкаре тоже кипела работа, о чем Микалу доносилось каждодневно и с такими подробностями, что он заочно мог входить в каждую мелочь и заочно же давать советы, которые выслушивались всегда с большим вниманием. В Чердыне он побывал самолично, одобрил мероприятия Ладмера и хотел уже ехать обратно, как вдруг взор его упал на низенькую деревянную церковь Иоанно-Богословского монастыря, лишенную креста посередине крыши, что крайне удивило его.

– А крест где? – спросил Микал у Ладмера, как будто растерявшегося при этом вопросе.

Ладмер не сразу ответил. Губы его скривились в злую усмешку, не скрывающую, однако, его смущения. Он сказал:

– Нету креста, князь дорогой. Порешил я к Войпелю вернуться... и крест снять приказал. А монахов под церковью запер вместе с Максимом-игуменом. Пускай посидят тут до той поры, пока мы с Москвой поуправимся.

– Напрасно ты сделал так, дядя почтенный, – слегка нахмурился Микал. – Монахи на нас осерчают теперича. А ежели Москва нас поборет, то от москвитян нам плохо придется за дело подобное. Потому как москвитяне любят монахов...

– Не поддадимся мы Москве ни за что! Не поклонимся мы кресту христианскому! – исступленно крикнул Ладмер, но Микал остановил его такими словами:

– Слушай, дядя! Напрасно ты громко кричишь! Вестимо,

страждем мы после того, как веру православную приняли, но и раньше не легче мы жили. И Войпель не баловал нас. А нынче не поздно ли хватились мы?.. Не лучше ли нам на монахов сквозь пальцы глядеть, ибо силу они большую возьмут, когда москвитяне здесь будут победителями?..

– Но ты же ведь сам говорил, что можно и Войпеля нам вспомнить... В Покче разговор у нас был, при Максиме-игумене еще...

– А я и забыл о том, по правде сказать... Мало ли чего не скажется в гневе да в ярости! Нельзя же каждое слово на веру принимать... Тогда я не знал, что говорил, ибо себя не помнил...

Ладмер даже руками развел от удивления, слыша такие слова от племянника, толковавшего теперь совсем другое, чем несколько дней тому назад. Но Микал был себе на уме. Это был тонкий и хитрый политик, не упускавший из виду ничего такого, что было в границах его разумения. О москвитянах он знал теперь наверное, что идут они здоровые и грозные, вопреки пророчеству Арбузьева, предсказывавшего, что поход истомит и обессилит их до крайности, так что, в конце концов, их можно будет прихлопнуть как мух очумелых. Действительность показала противное.

Хотя надежда на удачу и не оставляла покчинского князя, но все-таки, по некоторым признакам, можно было потерпеть и поражение, почему представлялось необходимым мирволить монахам и священникам, которые, в случае нуж-

ды, явились бы посредниками в переговорах с москвитянами, ставившими духовных лиц не в пример выше людей другого сословия.

В силу таких соображений Микал заявил Ладмеру, что снимать крест с церкви и лишать иноков свободы он находит несвоевременным, после чего чердынский князь немедленно же выпустил монахов из заключения и приказал поднять крест на крышу храма, что и было исполнено в присутствии самого Микала.

– Вот так-то лучше будет, – рассмеялся Микал, поглядев на освобожденных чернецов, отвешивающих ему низкие поклоны. – Пусть Бога они молят за нас на свободе, а взаперти какие они молеельщики!..

– Не спасись нам молитвами ихними! – буркнул Ладмер, злобно поблескивая глазами. – А Войпель, быть может, помог бы, только жертву принести ему надобно...

– Об этом в другой раз мы потолкуем, – понизил голос Микал, – а пока православные мы люди, не отщепенцы от веры христианской. Не надо этого забывать...

– Умен ты, князь, не по разуму своему, кажись! – пробормотал Ладмер и простился с племянником, уехавшим в свою Покчу.

А дни между тем текли своею чередою, принося в Покчу известия одно безотраднее другого. Разведчики то и дело являлись к Микалу, докладывая ему о передвижениях московского воинства. Одни убежденно говорили, что врагов такая

сила валит, что даже сочесть их невозможно. Другие сообщали о грозном виде неприятельских ратников, закованных в сталь и железо, увешанных мечами и саблями, пока еще спокойно лежавшими в ножнах, но в недалеком будущем готовыми обрушиться на пермские головы. Препятствия не останавливали москвитян: через болота они проходили по настилу из бревен и жердей, рубившихся тут же на месте; через реки, которые пошире, переправлялись на плотах, связываемых на скорую руку, на узеньких же речках наводили мосты, отличавшиеся необычайною прочностью. Направления они держались неопределенного: сначала сплыли с Черной на Каму-реку, там вышли на берег и двинулись прямо на запад, но потом вдруг повернули к северу и шли в эту сторону в течение четырех дней, сбивая с толку пермских разведчиков. Куда ударят москвитяне? Этот вопрос занимал всех, в особенности же князя Микола и Арбузьева. Последний был, видимо, обескуражен. Он ждал, что воеводы Ивана Московского приведут в Пермь Великую жалкие скопища оборванных, оголодавших людей, потерявших в походе образ и подобие человеческие; между тем на деле выходило иначе. Враг приближался грозный и могучий, способный скрутить в бараний рог обитателей лесов и болот, дерзнувших нанести обиду московским купцам, ведущим торг в городе Чердыне.

«Проворны ведь черти проклятые! – мысленно бесился новгородец, раздосадованный известиями о свежем виде вражеского ополчения. – Ничего им нигде не содеется! Как

будто деревянные они... о хворости слыхом не слыхивали... Эх, кабы чума их схватила, что ли, небось позабыли бы тогда, как сторонних людей обижать!..»

Но чума не схватывала москвитян, к великому сожалению Арбузьева и пермских князей. Вместо того теплая и сухая погода давала им возможность делать большие переходы, удивлявшие наивных пермян, не понимающих, как можно такому огромному ополчению пробираться напрямик через леса и болота, где они сами с трудом проходили.

– Просто удержу им нет!.. Так и прут, как медведь на рогатину!.. – разводили руками разведчики и передавали разные устрашающие подробности, заставлявшие замирать от страха сердца слушателей.

Но вот через полторы недели после первого известия о появлении врага на рубеже пермской земли в Покчу прибежал по лесной тропинке посланный изкарского князя и сообщил такую новость:

– На Изкар идут москвитяне! У Низьвы-реки уже стоят... Там они человека одного поймали, который в селении Камгорте жил. И стали они его спрашивать: как бы на Изкар полегче попасть? А человек тот немым прикинулся, ничего в ответ не сказал. А ночью убег он от москвитян и князю Мате обо всем доложил. А князь Мате тебя о том оповещает, князь высокий. Пускай-де готовятся в Покче, и в Чердыне, и в Уросе врага встречать, либо Изкару помощь давать, ибо неведомо еще, пойдет ли вся рать московская на Изкар, аль

часть только на него насядет, а остальные на Покчу пойдут, либо на Чердын, либо на Урос, куда им лучше покажется...

Посланец был крайне взволнован и перепуган, рассказывая о приближении неприятеля к Изкару, являвшемуся единственным оплотом Верхней Перми. Настроение его мало-помалу передалось и Микалу, не скрывшему своего смущения от Арбузьева, который дружески хлопнул его по плечу и сказал:

– Э, полно, князь! Не горюй, не печалуйся прежде времени! Ведь это от тебя не уйдет. Успеешь еще потужить, поплакать в Москве, в гостях у Ивана Московского, куда тебя увезут беспременно, ежели ты в руки москвитян попадешь. А посему дело надо делать скорейча, чтобы не угодить нам в руки вражеские... По-моему, так надо делать...

И Арбузьев раскрыл свой план.

По его мнению, следовало приступить к решительным действиям, не дожидаясь почина со стороны московских воевод. В распоряжении его, Арбузьева, имелось шестьдесят шесть добрых молодцев, в которых он верил как в самого себя; кроме того, человек двадцать из обитателей Малого Новгорода, преимущественно здоровая сильная молодежь, присоединились к его отряду, являвшемуся, таким образом, довольно внушительною силой, не уступающею москвитянам в ратной доблести. У князя Микала уже стояло в Покче, в полной готовности к бою, более тысячи добрых ратников, большинство которых метко стреляли из лука, что служило

показателем их способности к воинскому делу. В Чердыне у князя Ладмера тоже набралось бы до тысячи душ ополчения, да в Уресе половина того числа, благодаря чему, в общей сложности, можно было составить рать численностью не менее трех тысяч человек, которые по первому знаку готовы были идти туда, куда им прикажут.

Арбузьев основательно рассудил, что с таким воинством нелишне будет рискнуть схватиться с врагом, не дожидаясь его нападения на городки, взятие которых, безусловно, решило бы судьбу Перми Великой. Конечно, за валами и частокколами не в пример легче было сдерживать натиск неприятеля, но зато в каждом городке пришлось бы держать по особому отряду, достаточному для того, чтобы защищать городские укрепления. А это разобщило бы силы пермян и позволило бы москвитянам разбить защитников по частям, по мере приближения к тому или другому городку, обороняемому каждый своим отрядом. Поэтому Арбузьев предложил Микалу двинуться всею массою к Низьве-реке, навстречу наступающему неприятелю, оставив в Покче, Чердыне и Уресе по маленькому отряду стражи для ограждения их от всяких случайностей. К тому же продолжающие прибывать ратники, спешившие из отдаленных поселков, могли оборонять городки, сравнительная безопасность которых была таким образом обеспечена.

Микал подумал и согласился, находя, что в случае неудачи первой попытки пути к отступлению не будут закрыты

и что, в конце концов, они могут еще запереться в городках, подготовляемых к долгой осаде. Решено было идти навстречу москвитянам и сразиться с ними посреди лесов, не давая им времени взять Изкар, куда они двигались, по словам посланцев князя Мате.

В Чердын и Урос были посланы гонцы с приказом выступать всем ратникам, во главе с воеводами, к Покче, для дальнейшего следования на Низьву-реку, где стояло вражеское воинство. Приближалось время решительных действий, рисовавшихся воображению пермян страшным и неотвратимым роком, нависавшим над их головами. О Боге христианском все забыли, ибо трудно было представить помощь Бога христианского, если против Перми Великой шли люди под знаменем этого Бога, возлюбившего и возвеличившего народ московский. Даже сами удальцы новгородские забыли помолиться перед походом, к большому удивлению Бурмата, считавшего их добрыми христианами.

– Ну, люди! Перекреститься не хочется им!.. А про наших и говорить нечего... Отшатнулись все от Бога истинного!.. – скорбел воевода и тайком усердно молился, один из всех сохраняя теплую веру в Господа.

Через сутки к Покче стали подходить толпы чердынских ратников, предводительствуемых воеводой Мычкином, за которым прибыл и сам Ладмер, пожелавший лично проводить своих воинов в поход на страшных недругов. Пускаться с ними на москвитян Ладмер отказался, сославшись на

свою старость и дряхлость, что было вполне справедливо. Из Уроса прибыли немного позднее, причем тамошний воевода, Зыран, привел ратников вдвое боле того, чем ожидалось, что крайне обрадовало Микала и Арбузьева.

– Совсем как заправское воинство! И счетом не мало тут будет – почти ведь три тыщи наберется! – воскликнул новгородец, оглядывая разносоставное скопище пермяков, зырян и отчасти других народцев, сошедших к стенам Покчи. – А там еще Мате нас поддержит!.. Ну, брат, держись, Москва!..

– Эх, кабы взаправду нам Москву победить!.. – вздохнул Микал и, присоединив покчинцев к подошедшему ополчению, выступил из Покчи, имея под руками воевод Бурмата, Зырана и Мычкына, начальствующих каждый над своим отрядом.

Арбузьев пошел впереди, горя нетерпением увидеть москвитян и наделать им всяческих пакостей в отместку за зверства их, сотворенные в новгородской области.

К Мате был послан гонец с предложением немедленно примкнуть со своими силами к общей рати, если тому не помешают москвитяне. А это было дело возможное.

XIII

Князь Федор Давыдович Пестрый благополучно довел свое войско до пределов Перми Великой, считавшейся такою странною, за которую уже начинались места «неизвестные», незаселенные, а может быть, и край света недалеко от нее был, о чем, впрочем, никто не мог сказать ничего определенного. Конечно, поход ему дался не даром: много невзгод пришлось вынести и ему самому, и помощникам его, и всем ратникам рядовым, мерзнувшим зимой на стуже, достигавшей такой жестокости, что даже дыхание спирало; весной же немало терпели от воды, переполнявшей болота и реки, которые, слившись воедино, образовали безбрежное море, покрывшее наполовину все леса, странно выглядывавшие из этого громадного водяного пространства.

Дружинники сначала роптали, говоря, что они «не гуси-лебеди по такому водополью плыть», но потом, смастерив самодельные лодки-плоты, ободряемые ласковыми окриками «большого воеводы», заботившегося о них как о детях родных, весело заработали шестами и веслами, лавируя по лесным рекам, направление которых указывали им опытные проводники-зыряне.

Эти зыряне, – а их было пять человек – происходили из жителей привычегодского края, считавшегося бесспорною волостью московскою. К Москве они относились, положим,

без особенной приязни, но обещание хорошей платы за верную службу заставило их искренно стараться на пользу москвитян, идущих покорять их соплеменников – зырян и пермяков, осевших в верховьях Камы и Печоры.

В самый разгар весны московское войско добралось до водораздела, образуемого притоками Камы.

Здесь Пестрый решил переждать убыли воды, чтобы двинуться дальше по лесной тропе, сокращавшей путь более чем в три-четыре раза против того, если бы плыть по извилистым речкам, делавшим громадные околицы.

Ратники построили шалаши на возвышенном месте, развели огромные костры и целых две недели благоденствовали, поедая привезенные с собой припасы, которых было великое множество. Некоторые ухитрились даже соорудить заездки для ловли рыбы, плескавшей в тихих заводях, представлявших укромные уголки для метания икры, оплодотворяемой для дальнейшего потомства. Тут много было поймано стерлядей, лещей и окуней, которыми, конечно, прежде всего полакомились начальные люди, принимавшие приношения подчиненных как должное, принадлежащее им по праву.

Отсюда, по спаде воды, князь Пестрый повел свою рать по сухому пути, указываемому проводниками-зырянами, бывавшими раньше в этих дебрях во время зимних охотничьих промыслов. Потянулись отдохнувшие ратники в неведомую даль, бодро топоча ногами по мягкому моху, зеленеющему

под гигантскими, поседевшими от старости деревьями. Загудели человеческие голоса под сводами векового леса, нарушая его величавое спокойствие. Заржали московские лошади, навьюченные съестными припасами, захваченными с собой Пестрым в таком количестве, что продовольствия могло хватить вплоть до Петрова дня, если бы даже до тех пор все время пришлось мыкаться по безлюдным, необитаемым местам. Но вот через две недели перед глазами москвитян блеснула река, сдавленная с обеих сторон стенами темного непроходимого леса. Вода в реке казалась черною, вероятно, по причине большой глубины, довольно редкой в подобных лесных истоках. Проводники радостно воскликнули:

– Сед-ю! Сед-ю!.. Черная река называется! – пояснили они москвитянам, вопросительно глядевшим на них. – Отсюда на плотях можно плыть, на Каму-реку скоро вынесет... А дальше пути мы не ведаем, не взыщите с нас, добрые люди!..

– Что ж, и на том спасибо, что доселе довели вы нас, – сказал Пестрый и отпустил всех проводников, наградив их за верную службу.

Закипела спешная работа по изготовлению больших прочных плотов, на которых можно было бы сплавить и лошадей со всяким скарбом и припасами, значительно полегчавшими после перехода по сухому пути... На другом берегу были замечены какие-то люди, несомненно уже обитатели Перми Великой, рубежом которой считалась речка Черная. Это заинтересовало Пестрого, пожелавшего поглядеть

на пермян, нужных, кстати сказать, и для допроса о том, каким путем легче идти к пермским городкам и что делается в Перми Великой. Охотники для поимки «языков» нашлись. Это были пятеро отчаянных головорезов, живо переплывших реку на двух связанных бревнах и устремившихся за невзрачными лохматыми людьми, прятавшимися в чаще деревьев. Но результат получился неутешительный. Пермяне, как зайцы, метнулись в глубину леса и скрылись из глаз преследователей, криками и стрелами заставлявших их остановиться. Обескураженные воины принуждены были вернуться ни с чем.

Пестрый улыбнулся и сказал:

– А прытки, одначе, люди здешние! От таких молодцов утекли!.. Ну, да и то принять в расчет должно: они ведь от смерти спасались, потому как стрелами вы осыпать их начали. А стрелами ведь беглецов не останавливают, но завсегда добром кричат. А у вас на то сметки не хватило, стало быть? Эх вы, ребята несмышленные, храбрецы пересоленные!..

«Храбрецы пересоленные» только покраснели от таких слов большого воеводы и молча отошли в сторону, сознавшись в душе, что действительно поступили не совсем правильно.

Сведения об удобнейшем пути, таким образом, добыты не были, но в среде ратников нашлось много людей, проходивших с князьями Руно и Звенцем через Великую Пермь в 1468 году, при возвращении с набега на черемисскую зем-

лю. Они доложили начальникам о том, что помнят кое-какие места, посещенные ими при названном походе, ознаменованном удачными стычками с казанцами и подвластными им народцами. На Каме они могли бы указать начало пешеходной тропы к пермским городкам, являвшимся целью похода князя Пестрого.

– А ладно, – промолвил большой воевода, выслушав уверения ратников. – Погляжу я, что выйдет из вас. А только не позабыли ли вы места здешние, как я их позабыл, не бывавши здесь?..

Пестрый любил пошутить, обращаясь со своими подчиненными, но его видимое сомнение в памяти самодельных проводников-ратников оправдалось впоследствии: пришлось много дней поколесить по лесам в поисках настоящей дороги, которую так и не могли найти вплоть до приближения к реке Низьве.

По Черной московское войско сплыло в Каму, там вышло на берег и целые десять суток пробиралось по лесам и болотам, замащивая трясины жердями и бревнами, по которым свободно проходили и люди и лошади. Воины, вызвавшиеся указывать дорогу, смущенно молчали, потерявшись в страшных чащобах, окружающих их со всех сторон. «Языка» поймать не удавалось, хотя часто ратники разведочных партий видели перед собой низкорослых всклокоченных людей, испуганно шмыгавших между деревьями, откуда их нельзя было достать. Однако, по соображениям одного ученого мона-

ха, бывшего при Пестром в числе пятерых духовных лиц, посланных митрополитом Филиппом, москвитяне двигались по верному направлению, а именно к реке Колве, считавшейся сердцем пермского края.

И вот перед глазами грозных пришельцев стали открываться небольшие расчищенные места, уставленные маленькими лачужками, покинутыми разбежавшимися жителями. Ратники заметно ободрились. Начальники приняли веселый вид, радуясь, что приближались к заветной цели, так долго не дававшейся им в руки. Несомненно, Колва была неподалеку, о чем следовало разузнать теми или другими способами. И вдруг, к удивлению москвитян, в стан их явился худой, изможденный человек, высокого роста, широкоплечий, с болезненным блеском черных глаз, глубоко запавших в свои орбиты. На вопрос «Кто он такой», человек этот отвечал по-русски:

– Племени русского я. Из Новгорода Великого я прибыл сюда к землякам своим, кои в Малом Новгороде живут. Такой городок здесь есть, может, слышали о нем?

– Как же, слышали кое-что. Говорят, новгородцев тут много живет?

– Около полсотни наберется, пожалуй... А я к вам по делу пришел. Ведите меня к воеводе вашему. Ему я все обскажу.

Новгородца отвели к Пестрому, отдохавшему в своем походном шатре. Пестрый оглядел новгородца с ног до головы и спросил:

– Какое же дело твое, добрый молодец? Говори все без опаски, люблю я правду слушать...

– Хочу я помочь вам пермян покорять, укажу вам дорогу к городам ихним...

– Чего ж ради помогаешь ты нам? Неспроста же к нам ты качнулся?

– Обидели меня сотоварищи, из Малого Новгорода прогнали. Подрался я, вишь, со старостой Коротким, скулу ему набок повернул. А он на вече жалиться стал, понавел туману на всех, просто хоть четвертуй меня за дела неподобные, о коих я и слыхом не слыхивал. А крикуны вечевые даже обрадовались, не любили, вишь, меня за слова язвительные... ну, и присудили на вече: выдворить меня из Малого Новгорода на все четыре стороны... яко татя какого непотребного...

– А ты и захотел им за то отплатить, а? – усмехнулся боярин и укоризненно покачал головой.

Незнакомец горячо воскликнул:

– Человек бо я есть, воевода славный! А человек всегда человек... возгорелось сердце мое на обидчиков... Потому как три недели с лишним по лесам я скитался, всякою дрянью питался, ни часу покою не знал! А пермячишки эти проклятые как зверя меня травили... Ну, и не могу я обиды стерпеть, покажу вам дорогу к городкам пермянским... и все как есть обскажу, ежели позволишь ты речь мне держать...

– Говори, я слушаю тебя, – наклонил голову Пестрый и, безглаголиво поморщившись, приготовился внимать новгород-

цу, который не нравился ему тем, что в отместку за обиду, нанесенную ему вечем Малого Новгорода, не задумался предать свою новую родину.

Новгородец, которого звали Иваном Шувалом, подробно рассказал ему о современном положении Перми Великой, об укреплении пермских городков, наполненных тысячами защитников, о прибытии в Покчу партии повольников с боярчонком Арбузьевым во главе, вступивших в союз с местными князьями, порешившими биться с Москвою на жизнь и на смерть, что было подтверждено у них клятвою. Затем Шувал сообщил о том, что вера православная среди пермян только на ниточке держится, ибо все к Войпелю поганому вертаться замышляют, даже князья туда же глядят... Вообще, положение было серьезное, обещающее большие трудности, особенно при том условии, если пермяне оказались бы храбрыми людьми, исполненными твердой решимости сопротивляться русским до последней крайности.

Князь Федор Давыдович слушал и молчал, прикидывая в уме, как лучше действовать далее, чтобы без лишних потерь покорить Пермь Великую под ноге государя Ивана Васильевича. Присутствие Арбузьева с товарищами сильно обеспокоило его. Кто знает, какую штуку выкинут эти отчаянные головы, преисполненные к Москве злобы и ненависти? Не потерпеть бы, прости Господи, неудачи из-за забубенных головушек, так некстати затесавшихся в пермскую землю...

«Да нет, не может того быть, – решил Пестрый, слишком

уверенный в своих силах, чтобы сомневаться в благополучном конце порученного ему дела. – Не поддадимся же мы здешним воителям, хоть и новгородцы им помогают!..»

– А какой городок других покрепче будет? – спросил он у Шувала, осененный новою мыслью.

– Покрепче всех Изкар будет, на горе высокой он стоит, каменным валом обнесен. Говорят, стойкий городок, настоящее гнездо разбойничье...

– А ты не бывал разве в Изкаре?

– Дела такого не подоспевало, воевода могучий...

– А в каких городках ты бывал?

– Бывал я и в Чердыне, и в Покче, и в Уросе. Только в Изкаре я не бывал.

– А те городки каковы будут?

– Не стоящие, можно сказать. Ибо не сдержать им первого приступа, ежели на пролом твои рати пойдут!

– Так, так! – закивал головой Пестрый. – Слышал я и раньше об Изкаре. Наши купцы рассказывали, которые торг здесь вели. Значит, на Изкар двинуться должно. Можешь ты дорогу нам указать?

Шувал объяснил с горестным видом, что доведет москвитян только до Низьвы-реки, являющейся границей между Верхней и Нижней Пермью. За Низьвой он ни разу не бывал, но знает, что там встретится много поселков, где можно будет найти проводника, и подневольного. Воевода опять сказал «так» и, приказав накормить новгородца, велел ему

указывать направление к Низьве-реке, куда и тронулось московское воинство.

У Низьвы Пестрый остановился и стоял три дня, желая дать отдых ратникам перед решительными действиями. Тут пойман был один пермяк, не успевший скрыться из своей лачуги, – но как ни бились с ним Шувал и монахи, допрашивавшие его на зырянском и пермяцком наречиях, он ничего не говорил в ответ или же мычал что-то непонятное, показывая руками на рот, из чего допросчики решили, что он одержим немотой либо прикидывается немым. Ночью он бежал из стана, воспользовавшись невнимательностью караульных. Только его и видали.

Зато на следующее утро ратники передового отряда задержали на реке лодку с тремя пермяками, плывшими вниз по течению. Эти пермяки оказались податливее первого и изъявили кроткую покорность подчиняться велениям москвитян, то есть вести их к Изкару, в окрестностях которого находилось их селение. Тут, кстати, московские иноки поговорили с пленниками о православной вере – и уныло поникли головой, убедившись в полном неведении пермяками светлых начал христианства.

– Ах, Господи, темнота какая! – вздыхали монахи. – Только по имени христиане они, а на деле язычники закоренелые... Помоги нам, Боже, просветить их светом истины Твоей, елико возможно по силам нашим!..

Переправа через Низьву совершена была по плавуче-

му мосту, устроенному из нескольких плотов, привязанных один к другому. Пестрый был весел как никогда и оживленно толковал с «товарищем» своим, боярином Гаврилом Нелидовым, о скором конце похода, обещающем новую славу русскому оружию... Но вдруг неожиданная новость заставила большого воеводу изменить первоначальный план о наступлении на Изкар со всеми силами, имеющимися в его распоряжении. Опять был пойман местный человек, оказавшийся гонцом князя Микала, посланным к Мате с предложением примкнуть к общему пермскому ополчению, выступившему на московское войско. От него были выведены все подробности, касающиеся намерений покчинского князя, осмелившегося первым искать встречи с противником. Раздумье взяло Федора Давыдовича. Неужели пермяне так сильны, что сами на рожон лезут, сами битвы желают? Не лучше ли на хитрость пуститься, чтоб цели вернее достичь?.. И сказал князь Пестрый своему товарищу Нелидову:

– А слышь-ка, боярин Гаврила Иваныч. Пермяне со всех городков на нас идут, думают под Изкаром нас побить. А мы похитрим с ними маленечко. Пусть они прочие городки свои без обороны оставляют, это нам на руку будет. Сам я на Изкар пойду, как уж пошел, а ты две тысячи ратников возьми да прямо на Урос иди, а от Уроса на Покчу и на Чердын наступай, чтоб, значит, совсем их ошарашить. А когда растеряются они, тогда мы поукротим их не в кою пору, да и сами они побежат перед нами. Так-то, брат!

– Золотая твоя голова, князь Федор Давыдович! Да как ты мог выдумать хитрость подобную! – воскликнул Нелидов и, рассыпавшись в похвалах уму большого воеводы, поспешил исполнить приказание, выступив с двумя тысячами ратников на Урос, Покчу и Чердын.

Проводником у него был Шувал.

XIV

План Пестрого был несложен и прост до чрезвычайности: он думал сразу ударить на пермян «здесь и там» (то есть в Верхней и Нижней Перми), чтобы привести их в полное смятение. Но, размышляя о движении к Изкару, где должны были встретиться с ним соединенные силы неприятеля, старый воевода втайне боялся чего-то, в особенности же смущало его присутствие в Перми Великой новгородских повольников, которых он считал сущими головорезами, потому что более мирные люди в такую даль не сунулись бы. А от новгородцев всего можно было ждать, даже такой пакости, о чем ему, старику, и на мысль никогда не взбрело. Однако, взвесив в уме все случайности, могущие произойти в будущем, князь Федор Давыдович успокоился и решил на следующее утро продолжать поход на Изкар, проведя еще одну ночь на берегах Низьвы.

— А вы на ночь дозоры удвойте, ибо враг не за горами, ка- жись, — добавил он начальным людям и, помолившись, улег- ся спать, зная, что никаких упущений со стороны его подчи- ненных сделано не будет.

Ночь прошла совершенно спокойно. Дозорные ничего не заметили поблизости. Только вдалеке где-то, вниз по тече- нию Низьвы, долго гудел какой-то гул, сливавшийся с шумом леса, кивавшего своими вечнозелеными вершинами. Это ни-

кого не обеспокоило. Все думали, что там текут быстротруйные речки или ручьи, загроможденные камнями или палым лесом, отчего и происходило громкое журчание. В действительности же в эту ночь трехтысячное войско пермян во главе с князем Микалом и воеводами Бурматом, Зыряном и Мычкином спешно переправилось через Низьву, на пятнадцать верст ниже московского стана, часовые которого и уловили смутный гул от стука множества топоров, рубивших прибрежные деревья на плоты, потребные для одновременного перехода через реку соединенных отрядов покчинцев, чердынцев и уросцев.

Наутро, чуть свет, московское войско вышло из лагеря и углубилось в густой хвойный лес, стоявший в глубоком безмолвии. Воздух был влажен и неподвижен. Чувствовалась значительная прохлада, заставляющая поеживаться ратников. Вдобавок сильная роса, покрывающая траву и деревья, мочила легкую одежду москвитян, старавшихся согреться движением. Но вот мало-помалу поднялось солнце над лесом и брызнуло на землю теплыми живительными лучами, весело заигравшими на миллионах капель росы, начавшей постепенно испаряться. Кругом зачирикали птички, запели на все голоса, приветствуя восходящее светило. С юга повеял ветерок и всколыхнул уснувшие деревья, тихо зашелестевшие своими игольчатыми ветками. Теплом пахнуло в лицо, точно донеслось с неба горячее дыхание солнца, сразу оживившего молчаливые толпы московских воинов, гуськом тя-

нувшихся по узенькой тропинке, ведущей к недалекому Изкару.

– Ишь ты, леший их подери, – слышался хриплый голос в передних рядах, идущих непосредственно за проводниками-пермянами, – тоже ведь, как у нас на Руси, птахи распевают... а сторона-то, прости, Господи, самая распроклятая! Только бы пермянам и жить!..

– Можно и нам пожить, чего ты по-пустому сторону хашешь, – возражал другой. – Погляди-ка, леса какие! И сосна, и ель, и береза, и кедр величавый, только знай под осень орехи собирай! А в реках, чай, немало рыбы водится. Тоже пожива изрядная...

– Чего рыба! – перебивал третий. – Не рыбой пермяне живут. Не орехами сыты бывают. От зверя они кормятся. От пушнины весь достаток ихний. Потому как охотники они преусердные, а куниц, да лисиц, да медведей, да всякого зверья прочего непочатый угол здесь есть! А о белках зубастых и говорить нечего: просто хоть за хвосты их руками хватай, таково-толи много добра сего водится в уремах пермянских!..

– Даже руками хватать их можно? Это волков-то, что ли? Ишь ты, право, чудеса какие! Ха-ха-ха! – хохотали десятки голосов, отдаваясь рокочущим звуком под сводами векового леса. – Значит, уж волки такие здесь смирные, не кусаются...

– Ну, зачем – не кусаются? Тоже, ежели попадешь им в зубы, не помилуют. Это я просто к слову сказал.

– То-то, к слову. Ради красного словца, значит? А за хвост волка не поймаешь. Не таков зверь.

– Вестимо.

– А слышь, братцы, – заговорил молодой юркий ратник с лукавым блеском бегающих глаз, оглядываясь на ближайших товарищей. – Москва наша слухом полнилась, будто в земле этой пермской серебро закамское есть. Много-де серебра, груды серебра! А на деле, кажись, ни полфунта серебра не увидим... А о золоте и толковать нечего!

– Кто знает. Може, сразу на амбар с серебром нарвемся! Неспроста же люди брехали...

– Тоже, держи карман шире! Нарвешься ты на амбар с серебром!.. А вот ежели из пушнины что перепадет, так это, пожалуй, дело возможное. Да и тут плоха надежда на пожи-ву...

– Что ради?

– А ведаешь ты воеводу нашего, князя Федора свет Давыдовича?

– Ведаю.

– Ну, то-то и оно-то, коли ведаешь! Это, брат, не Руно-князь. С ним шутки плохи. Не даст он нам волюшки похозяйничать в стране вражеской. Не допустит до животов пермянских... А чего бы, по-моему, жалеть лесовиков поганных, которые как звери живут?..

– Нишкни ты! Нельзя пермян лесною поганью обзывать, ибо они люди крещенные тоже...

– Крещеный крещеному рознь. А пермяне такие же крещеные, как татарва степная!..

Разговоры ратников были прерваны ревом воинской трубы, раздавшейся где-то впереди, в глубине дремучего леса, куда уходила тропинка. Это была не московская труба, звук был совсем особенный, непохожий на военные сигналы москвитян... На минуту произошло замешательство. Передние ряды остановились и запрудили узкую дорогу, задержав дальнейшее движение всей рати.

– Готовься к бою! Готовься к бою! – кричал какой-то начальный человек, протискиваясь через воинов. – Враг недалече, кажись!..

– По бокам раздайся, братцы! По бокам раздайся! – загремел мощный голос Пестрого, ехавшего непосредственно за передовым отрядом. – Неужто оробели вы? Чего вы там затомошились?.. По бокам, по бокам раздайтесь, голубчики, по обе стороны рядами протянитесь! А потом и посмотрим мы, чего нам делать придется...

Воевода был спокоен и хладнокровен, как всегда, выкрикивая свои приказания, звонко разносившиеся по лесу. Порядок был скоро восстановлен. Ратники раздались по сторонам и длинной цепью потянулись вправо и влево от дороги, чтобы очистить возможно большее пространство. Страх никто не чувствовал. Все радовались, что наконец добрались до средоточия Пермского края, встречавшего незваных гостей не хлебом-солью, а каким-то угрюмым молчанием, по-

казывающим недружелюбие его обитателей.

Труба снова повторилась, на этот раз уже в самой непосредственной близости от москвитян, ожидавших, что будет дальше. Пестрый проворчал вполголоса:

– Это, кажись, не призыв бранный. Наверное, говорить они с нами желают. Надо и нам потрубить в ответ, коли так. Трубни-ка, брат! – кивнул он ближайшему ратнику с огромным рогом за плечами. – Пускай поближе подходят без опаски.

Трубач не заставил себя ждать. Пронзительно взвизгнула московская труба и наполнила воздух переливчатым роко-том, лишенным задорных воинственных звуков, свойственных ей в минуты боя, когда стараются придать сигналам возможно свирепые тона.

– От пермских князей к воеводе московскому! – донесся из-за деревьев густой сильный голос, говоривший чистым русским языком. – От князей воеводе слово сказать! Можно ли поближе подойти?

– Подходи, подходи, чего боишься, – крикнул Пестрый, нетерпеливо поводя плечами. – Ведь слышал небось, что посланника не куют, не вяжут... Ну, и подходи без опаски, благо тебя честью просят!

На тропинке точно из земли вырос высокий плечистый человек, в ратном одеянии, отличавшемся богатством и нарядностью. На голове его блестел позолоченный шлем с выдававшимся впереди черным крестом, сразу бросившимся в

глаза москвитянам. На лице его играла лукавая усмешка, когда он между рядами вражьих воинов смелою поступью подходил к князю Пестрому.

Это был Василий Арбузьев, принявший на себя обязанность передать московскому военачальнику слова князей Микала и Мате, решивших в последнюю минуту попытаться покончить миром дело с Москвою, если условия Москвы окажутся приемлемыми.

– Буди здрав, воевода степенный, – поклонился Арбузьев, сняв шлем с головы. – Привет тебе от высоких князей пермских!

– Здравствуй, здравствуй, добрый молодец, – отозвался Пестрый, приветливо кивнув головою. – Спасибо за привет князьям пермским. Чего еще скажешь ты мне, а?

– А ты старшой из воевод московских, так, что ли? – спросил посланец, не убедившись еще в том, что перед ним стоит действительно главный начальник вражьей рати. – Мне, видишь ли, со старшим разговор вести приказано, а посему прости за спрос мой смелый.

– Верно, старшой я воевода, зовут меня Пестрый-князь. Может, слыхал где случаем?

– Про Пестрого слыхать мне приходилось, – оживился Арбузьев. – Про него много всяких сказок идет. Это тот, который...

– Чего который?

– Который Божьей правдой живет. Аль, может, другой

еще Пестрый есть, не ведаю я?

– На Москве князь Пестрый я один, а детишки мои молодехоньки еще. А про правду мою как тебе сказать? Много ведь люди и хвалят кого понапрасну... А ты из каких будешь?

– Из Новгорода Великого я, сын боярский.

– Ишь ведь куда ты попал! А теперича, значит, князьям пермским ты служишь, да?

– Служу, пока хочу, вестимо. А не захочу – человек я вольный, как птица небесная!

– А ну-ка, говори мне, птица небесная, – ухмыльнулся воевода, которому открытый вид новгородца очень понравился, – чего твои князья восхотели? Не сдаются ли они на милость государя московского, как того я советовал бы им? Аль, может, упрямятся они? Так, право, по мысли моей, не стоило бы нам кровь проливать друг у друга. Лучше бы добром да миром дело кончать. А крови проливать мне не хотелось бы.

– Князья тоже не желают кровь проливать, – сказал Арбузьев. – Люди они кротости беспредельной, рады на мир идти. Оба они послали меня к твоей милости боярской...

– А как зовут князей твоих, скажи-ка ты мне? – перебил Пестрый, спохватившись, что он еще не знает, от каких именно князей явился новгородец.

– Главный князь пермский Михаил, что в Покче живет, а другой князь – Матвей, который Изкарром владеет. От них и

пришел я к тебе, воевода могучий. Они под Изкарром стоят с воинством несметным, ждут прихода незваных гостей, чтоб угостить их чем Бог послал...

– Хе-хе-хе! – засмеялся боярин. – Люблю я принимать угощение, от чистого сердца которое. Только неужто князь Михаил успел уж к Изкару подойти, коли он недавно еще в Покче рать собирал? Не путаешь ли ты, добрый молодец?

– Зачем путать? – хладнокровно возразил новгородец. – Не привык я лжу говорить, не сумлевайся в словах моих, боярин именитый. Верно, под Изкарром князя Михаил да Матвей стоят. И повелели они сказать твоей милости боярской: зачем-де нам в битве народ губить? Зачем напрасно кровь проливать? Не лучше ли полюбовно-де нам сладиться? Потому как люди православные мы тоже, значит, братья москвитян по вере своей...

– Тоже братья... смехота одна! – фыркнул было один отрядный начальник, стоявший поблизости, но Пестрый так строго поглядел на него, что тот сразу осел на месте и сделал серьезное лицо, сконфузившись собственной бестактности.

– Добро, добро, – кивнул воевода новгородцу. – Значит, покоряются князья твои под ноше государя Ивана Васильевича, так, что ли?

– Не покоряются они, княже-воевода, под ноше Ивана Московского, а откуп ему предлагают, дань платить согласны, вроде дымового вашего. А вольностями своими не поступаются.

– А мне приказ такой дан, – внушительно заговорил Пестрый, – покорить Пермь Великую под нозе князя-государя Ивана Васильевича, чтоб, значит, ни о каких вольностях и разговору не было. И должен я приказ этот исполнить. И исполню я сие неукоснительно! А там уж как знает государь. Может, и даст он опять вольность народу пермскому. Но в том я ручаться не могу, вестимо. А посеичас я исполняю волю пославшего меня и должен пермян покорять, хоть тоже, по правде сказать, не по душе мне кровь проливать христианскую!..

– Значит, не согласен ты, князь-воевода, на откуп, сиречь на дань народную? – спросил Арбузьев и прямо поглядел в глаза Пестрому.

Последний отрицательно потряс головой.

– Не во власти моей, добрый молодец. Пускай князья пермские без уговора всякого Москве поддаются, тогда и потолкуем мы о дани народной. Может, и смилуется государь, вольность кой-какую оставит, а мне приказано только Пермь забрать да совокупить ее с державою московской...

– А и прожорлива же Москва ваша, как щука зубастая! Пощады никому не дает. Ни чести, ни совести у ней нет, а о жалости и говорить нечего. А еще христианством своим величается... Э, да чего толковать! – махнул Арбузьев рукою, сурово нахмурив брови. – Не по правде живут у вас на Москве, воевода степенный. Кровью людской упиваются. Недавно еще Новгород наш злосчастный разорили, а тепери-

ча на пермян пошли. Может, море крови такое же прольется, как и у нас в те поры в Новгороде... А ты не серчай на меня, князь-воевода. Поневоле ты сюда пришел, ведаю я, не твоя вина в кровопролитии грядущем. Слыхивали мы про житие твое праведное: таких людей, как ты, днем с огнем поискать надо! Стало быть, не ты виноват, виноват тот, кто послал тебя... А князья пермянские доброй волей своей не поддадутся Ивану Московскому! Так ты и знай, воевода! Либо воля, либо смерть на поле брани, так и велели они сказать. Прощенья просим, княже-боярин пресветлый! – отвесил низкий поклон Арбузьев и, надев шлем на голову, медленным шагом пошел в ту сторону, откуда пришел.

– Да ты скажи князьям, чтоб подумали еще! – крикнул ему вдогонку Пестрый, но посланец только махнул рукой и скрылся в чаще леса.

Досада разбирала Пестрого, когда он внимал язвительным словам Арбузьева, касающимся московской политики. Но все-таки он дослушал до конца переговорщика, высказавшего много горьких истин, не совсем приятных для его боярского слуха.

«А пожалуй, не ложь ведь он говорит, по правде, по совести судит...» – пронеслось у него в голове, но он поспешил отогнать эту мысль, идущую вразрез с его прямою задачей – подавить свободный пермский народ, имевший несчастье обратить на себя внимание властолюбивого деспота московского.

– Не мое дело рассуждать, мое дело исполнять веления помазанника Божия, – решил он и приказал готовиться к бою, но все-таки чувствовал в душе, что много неправды может делать и «помазанник Божий», наделенный теми же качествами, что и простой смертный.

Проводники-пермяне объяснили, что Изкар уже совсем близко, стоит только через небольшое болото перейти, за которым опять будет лесок, а за леском поднимется гора, увенчанная укреплениями городка. Воины прибавили шагу. Начальники отдавали последние приказания, снуя между рядами подчиненных, на ходу растягивающихся в длинную линию, чтобы не дать врагам возможности напасть на них сбоку.

Впереди заметно посветлело. Лес сразу поредел и, наконец, прекратился совершенно, открывая взорам обещанное проводниками болото, лишенное всякой растительности. За болотом опять начинался лес, за которым высоко кверху уходила крутая гора, опоясанная на вершине двумя рядами валов и палисадов, явственно рисовавшихся в воздухе.

И едва московские ратники вышли из лесу на болото, как на них посыпалась туча стрел, сопровождавшихся ревом тысячи голосов, кричавших что-то гневное и угрожающее...

Это было первое приветствие со стороны пермян, полученное русскими завоевателями.

XV

Тяжело было на сердце у князя Микала, когда он выступал из Покчи на поиск московской рати, чтобы дать ей сражение. Предчувствие чего-то недоброго лишило его сна и покоя, заставив пожелтеть его румяное, дышащее здоровьем лицо, исполненное обычно жизнерадостности. Не обольщала его даже многочисленность собственного ополчения, двигавшегося за ним длинную, бесконечную вереницею, извивавшеюся, подобно змее, по узенькой лесной тропинке, ведущей от Покчи к реке Низьве. Князь Микал понимал, что не в количестве ратников дело, насколько это касалось его воинства, двинутого навстречу москвитянам. Дело было в доблести ратной, в решимости умереть за свою родину, в убеждении победить врага, а главное – в том, чтобы противники были равны друг другу на поле брани по опытности и стойкости, чего нельзя было сказать про пермян и москвитян... Но жребий, конечно, был уже брошен. В недалеком будущем предстояло сражение, которое должно было решить: быть или не быть свободной Перми Великой?

– Эх, кабы Москву нам отогнать, – вздыхал Микал, – какая бы радость была для нас... И для вас также! – добавлял он, обращаясь к Арбузеву, поддерживавшему в нем бодрость духа.

– Отгоним, князь! – отзывался тот, уверенно кивая голо-

вою. – Не таковские мы, слава Богу! Постараемся врага отбить! Только бы добраться нам до москвитян, показали бы им кузькину мать!

– Дал бы Бог! Дал бы Бог! – бормотал Микал, но в глубине души не верил ни в Бога, ни в удачу свою на поле брани, вполне справедливо рассуждая, что если уж с вогулами они управились с грехом пополам, то, значит, с русскими и по-давно трудно будет управиться.

– Скоро к Низьве-реке подойдем, – толковали ратники-пермяне, имевшие вид довольно удрученный и невоинственный. – А там москвитяне нас встретят. А у них мечи длинные, тяжелые. А стрелы насквозь человека пробивают. А сами они свирепее медведя разъяренного, которого мы, бывало, из берлоги поднимали... Плохо придется нам, братцы, от них! Напрасно князя наши не мирятся с Москвою...

– На то, значит, воля ихняя, княжеская, – отзывались другие. – Но все-таки надо им и о нас подумать. Нельзя же нам попусту гибнуть, ежели пользы от того ждать не приходится!..

– Попытаться надо в мир вступить, авось и помирятся москвитяне. А ежели не станут они мириться, тогда, вестимо, уж придется с ними биться как следует!..

– Ладно, пошлю я к москвитянам посла, – решил Микал, когда ему было доложено о желании ратников начать переговоры с Москвою, а этому он и сам отчасти сочувствовал. – Попробую без бою с ними сладиться. А только, ежели захо-

тят они слишком многого, не поддадимся мы им доброй волею, не примем стыда на свою голову. Будь что будет! Конец так конец! Либо умрем на поле битвы вольными людьми, либо отгоним Москву, чего бы ни стоило это нам! Так ли я говорю, братцы, верные слуги и помощники мои?

– Так, так! – закричали тысячи голосов, вызвав даже улыбку на печальном лице покчинского князя, увидевшего полное единодушие с ним его подданных.

Но к Низьве они подошли уже слишком поздно, когда московское войско переправилось через реку, расположившись станом на том берегу Низьвы. Тут к Микалу явился незнакомый человек-пермяк, назвавшийся жителем селения Юдор, находившегося во владениях князя Мате. Этот человек сообщил Микалу, что московская рать разделилась на две части, одна из которых переправилась через Низьву, а другая ушла неведомо куда, держа направление в сторону, противоположную от Низьвы.

Это озадачило Микала. Он переговорил с Арбузьевым и воеводами и решил, что неприятель затеял хитрость, направив другую часть рати в обход того же Изкара, только с таким расчетом, чтобы окольным движением обмануть их, пермян, благо к тому представился удобный случай. Но воевода Бурмат высказал догадку: не на Чердын ли или Покчу пошли москвитяне, обладавшие, быть может, такую численностью, что имели полную возможность разделиться надвое, чтобы начать военные действия в двух местах.

– Нет, полно толковать, воевода почтенный, – перебил его Арбузьев, обращавшийся с приближенными князя Микала довольно небрежно. – Не расчет москвитянам надвое делиться, ибо от того ущерб ихним силам будет. Да и дозорные у нас понаставлены по лесам окрестным, не могли же проспать они воинство вражеское, ежели на Чердын, аль Покчу, али Урос там пошло оно. Мигом бы весточка до нас долетела. А теперича ни слуху ни духу от них. Стало быть, не на Чердын, не на Покчу, не на Урос пошли москвитяне, а пошли они на Изкар околицею, чтобы, значит, нас в обман ввести!.. Вот моя мыслишка, князь высокий. Не знаю, как ты порассудишь по делу сему.

– По-твоему ж думаю я, Василь Киприянович, – ответил Микал, убежденный доказательствами новгородца. – А Бурмат испугался понапрасну, вестимо. Нельзя же москвитянам потаенно пройти, ежели сила их неисчислимая. Непременно заприметили бы их. Это хоть кто поймет.

– Может, ошибся я, спору нет, – согласился Бурмат, покорно склоняя свою голову перед князем. – Может, взаправду на Изкар обе части воинства московского двинулись. Только чует мое сердце недоброе...

– Что ж поделаешь, друг-воевода, сердце не всегда спокойно бывает, – глубокомысленно заметил Микал и, прекратив разговор, приказал своему ополчению переправляться через Низьву, спустившись для этого верст на пятнадцать ниже московского стана.

На следующий день, около полудня, князь Микал уже подошел к Изкару, где и соединил свои силы с силами князя Мате, набравшего более полутора тысяч ратников. Таким образом, в общей сложности, под началом пермских вождей оказалось около пяти тысяч человек, вооруженных кто чем попало и одушевленных разными чувствами, преимущественно же злобою к врагу, соединенною с порядочною долею робости.

Мате от души торжествовал, видя такую огромную рать, не слыханную для Перми Великой. Он думал, что стоит им ударить на врага – и враг будет повержен во прах, сраженный пермскою мощью. Но Микал был угрюм и печален. Он чувствовал, что трудно сломить москвитян, привыкших биться с татарами, известными своею свирепой отвагой. А пермянам далеко было до татар... не сдержать им будет напора московского... Тоска грызла его сердце, исполненное неясного трепета... «Эх, кабы вышел толк из мирных переговоров с противниками проклятыми!» – вздохнул Микал и послал Арбузьева навстречу москвитянам, чтобы предложить им мир от имени покчинского и изкарского князей, только с неперменным условием сохранения пермской независимости, вместо чего русские могли получить богатый откуп, соответствующий их походным трудам.

Арбузьев вернулся быстро, принеся известие о непреклонной решимости главного московского воеводы покорить Пермь Великую «под нозе своего государя», невзирая

ни на какие препятствия. Это точно холодом обдало душу Микала, но он подавил свое волнение и приказал готовиться к бою, решив биться с врагами до последней крайности.

А москвитяне были уже недалеко... Воеводы забежали промеж рядов ратников, показывая кому где стать, отдавая приказания десятникам, руководившим в битве действиями воинов, порученных их наблюдению... Вокруг Изкара тянулся ряд преград и прикрытий, воздвигнутых стараниями Мате, не терявшего даром времени в ожидании незваных гостей. Эти преграды и прикрытия состояли из высоких деревянных срубов и целых гор сухого валежника, внутри которого была положена береста для того, чтобы в крайнюю минуту можно было поджечь сушняк и огнем и дымом отогнать нападающих. Тут были размещены особенно меткие стрелки под начальством храбрейших десятников, обязанных защищать известное пространство, указанное им воеводами. Над десятниками были еще поставлены особые начальники, нечто вроде сотников, назначение которых состояло в том, чтобы объединять отдельные десятки и согласовать их работу с работой прочих частей войска. Таким образом, первая линия укрепления начиналась еще далеко от валов и палисадов Изкара, являясь немалым препятствием для наступающих.

– Готовься, готовься! Враг идет! Враг идет!.. К болоту подходят уже!.. – пронесся глухой ропот по рядам пермских ратников, и все сразу притихли, почти затаили дыхание, ожидая

рокового мгновения, когда неприятель выйдет из лесу на открытое пространство болота.

– Не зевай, братцы! – обратился Арбузьев к своим сотоварищам, засевающим впереди всех с туго натянутыми луками в руках. – Бей их как собак поганых! Прямо в лбы московские целься!.. Я думаю, не забыли еще вы, как они в Новгороде нашем буянили, кровь ручьями лили, отцов да матерей наших вешали, сестер да невест наших насиловали!.. Надо им отплатить хоть маленечко, пусть знают, каковы мы есть люди новгородские!..

– Не спустим мы, Василь Киприянович! Побьем их, сколько силушки нашей хватит! Ты уж не бойся за нас! – раздались голоса новгородцев, разделявших чувства своего предводителя. – Не забыли ведь еще мы поношение новгородское, крепко в нас обида московская сидит!..

– Ну, то-то же. Стойко на месте держись, пример пермянам кажите. Пусть и они поорудуют так же, как мы орудовать хотим! Ну, Господи, благослови!

– Господи, благослови! Господи, благослови! – повторили повольники и, наскоро перекрестившись, зорко стали глядеть вперед, ожидая появления неприятеля.

Ждать им пришлось недолго. На той стороне небольшого болота, по краю которого тянулась описанная линия заграждений, мелькнул человек, за ним другой, третий... И вдруг бесчисленное множество людей высыпало из темного леса, сверкая на солнце своими доспехами и оружием...

– Стреляй, стреляй! – завопили новгородцы и стали пускать стрелу за стрелою, оглашая воздух отборною руганью, направленною по адресу ненавистных им москвитян.

Тысячи пермян, засевшие на краях того же болота, тоже принялись беспрестанно стрелять из луков, сопровождая это оглушительным шумом и гвалтом, чем они хотели устрашить нападающих.

Но москвитяне ни шагу не отступили назад, приняв град стрел на щиты и доспехи, от которых большинство стрел отскакивало, не причиняя людям ни малейшего вреда. Только редкая стрела новгородская впивалась в тела вражьих воинов, заставляя их делать прыжки и падать на землю от боли... Арбузьев тотчас же смекнул, в чем дело, и выругался грубым ругательством:

– Ах вы, волчья сыть, дьяволы бесхвостые, антихристы комолые! Наперед они латников отборных пустили, которых стрелой не проймешь, вестимо, только разве мечом добрым доконаешь! А мы их стрелами лупим, как горохом в стену, прости Господи. Надо, брат, тех стрелять, которые сзади пойдут, а этих придется копьями да топорами употчевать! Так вы и знайте, братцы: на этих стрел не тратьте по-пустому, а пуще в задних старайтесь попадать!.. А с этими врукопашную мы схватимся потом...

Но благоразумный совет новгородца утонул в гуле тысячи голосов, кричавших что-то гневное и угрожающее... А москвитяне, не пустив ни одной стрелы, не издав ни звука,

стремительно побежали через болото, прямо на те преграды и прикрытия, за которыми притаились пермяне... Зрелище было потрясающее, грозное. Выставив вперед щиты, бердыши и копья, низко наклонив головы, неслась на пермянских людей длинная фаланга рослых воинов, закованных в сталь и железо. Видимо, это были отборные силачи, предназначенные для первого удара, от которого иногда зависел исход сражения. Безмолвие страшного врага увеличивало впечатление несокрушимости, веявшей от железных рядов москвитян... Ужас обуял пермян, увидевших бесплодность своей стрельбы по неприятелю, не обращавшему внимания на стрелы, сыпавшиеся им прямо в лицо. Ратники заметались из стороны в сторону, завопили на все голоса:

– Беда, беда! Не берет их ни стрела, ни рогатина!.. Зажигай валежник, братцы! Зажигай все срубы, весь сушняк!.. А потом на гору утекай, на гору... В Изкар! В Изкар! Отсидимся там за валами каменными!..

– Куда вы, черти, побежали? Постой, постой! – кричал Арбузьев, видя поголовное бегство своих пермских союзников, но те поджигали груды сушняка с лихорадочною поспешностью и стремглав убегали к Изкару, не слушая окриков своих десятников и воевод, старавшихся успокоить это мятущееся стадо.

Произошла страшная сумятица, в которой не могли разобраться сами князья Микал и Мате, прискакавшие на место суматохи... А неприятель был уже на носу. Перед глазами

новгородцев ярко блеснули московские шеломы, украшенные красными лоскутками, развевающимися на их верхушках. Послышался лязг железа о железо... донеслось хриплое сопение людей, обремененных тяжелыми доспехами... Арбузьев на мгновение приостановился, размышляя: не последовать ли им за пермянами, чтобы из-за крепких валов Изкара отражать нападение врага? Но время свободного отступления уже было упущено. Приходилось принимать бой, чего бы ни стоило это для них. И Арбузьев крикнул своим сотоварищам, ожидавшим его сигнала:

– А лях их побери, пермячишек этих пархатых! Пускай они, как зайцы, утекают, а мы с москвитянами схватимся! Будь что будет! Куда ни шло! Смерть так смерть... умереть мы сумеем, кажись! А ежели кто смерти боится из вас, может тот уйти за пермянами. Я не держу, вестимо, потому как люди свободные мы все...

– Все мы с тобой остаемся, Василь Киприянович, – слышался дружный ответ. – Все мы с Москвою биться желаем, чтоб, значит, немножечко за старые обиды отплатить! А смерти мы не боимся нисколечко!..

– Ну, вот и ладно, коли так. А теперича схоронитесь-ка, братцы, промеж деревьев этих, – командовал Арбузьев, – а только передовики московские набежат, вы их мечами разите, копьями колите, а сами за деревьями прятайтесь. Будто и нету вас тут, будто мечи да копья сами работают, точно по волшебству какому... А они, москвитяне-то, что впереди

идут, тяжело снаряжены, видать, ворочаться скоро не могут, тут-то мы и побьем их малую толику, а потом можно и к городку отойти, если уж неважно придется...

Новгородцы, как кошки, отпрянули назад перед набежавшими на них москвитянами и, прячась за деревьями неширокого, но густого перелеска, росшего между болотом и изкарскою горою, принялись с такою ловкостью колоть неприятеля, что победоносное наступление латников сразу прекратилось и они отхлынули назад, подобно морскому отливу, огласив воздух отчаянными криками:

– Секут, секут! Надо их обходом взять! Обходом, обходом! Эй, не напирай сзади, полегче, полегче! Тут новгородцы засели!..

XVI

Дело приняло другой оборот, неблагоприятный для московского войска. Новгородцы отбили первый натиск, отеснив назад неприятеля, ошеломленного встреченным отпором. Пермяне, понуждаемые князьями и воеводами, опять прихлынули к болоту, пуская из-за груд горевшего сушняка тучи стрел в нападающих, стеснившихся на узком пространстве болота. В довершение всего ветер дул прямо в лицо москвитянам, застилая им глаза густым дымом, от которого дышать было трудно. Произошло минутное замешательство, грозившее превратиться в общее расстройство, опасное для успеха дела князя Пестрого.

Но Пестрый был опытный воевода, не терявшийся ни при каких обстоятельствах. Нападение в лоб не удалось благодаря отчаянности новгородцев, опрокинувших отборных латников, пущенных для первого удара. Это его огорчило, но не лишило присутствия духа. Он въехал на своем белом коне в самую гущу воинов и закричал веселым голосом:

– Ловко, ловко, братцы! Выманивайте, выманивайте их сюда! Пускай они из лесу выползают!.. А вы, други мои, Толбузин, Беклемишев, Бабич, Гребенка, – обратился он к отрядным начальникам, быстро подбежавшим к нему, – ведите людей своих обходом на Изкар, чтоб, значит, с боков его оцепить. Вы, Толбузин с Беклемишевым, направо идите, а вы,

Бабич с Гребенкой, налево. А там уж увидите вы, что делать придется. Главное, вперед идите безостановочно, старайтесь врага побить, паче же всего завладеть крепостью ихнею. А ежели можно будет, новгородцев сзади турните. А я на них прямо пойду... Ну, с Богом!

Толбузин, Беклемишев, Бабич и Гребенка поспешили исполнить приказание, двинув свои отряды в обход Изкара, заслонившегося со всех сторон каменными валами и палисадами. Пестрый отвел остальную часть войска назад и, дав ратникам оправиться, снова пошел на новгородцев, продолжавших сидеть в перелеске.

Арбузьев видел, как ринулись вперед свежие ряды москвитян, растянувшихся на этот раз в длинную линию, концы которой терялись в лесу, скрывавшем действительную их численность. Впереди всех ехал большой воевода и, потрясая мечом, кричал:

– За мной, ребяташки, за мной! Порадейте во славу Божию! Поутешьте государя своего, великого князя Ивана свет Васильевича! Поборитесь с недругами злыми! Завоюйте страну сию пермянскую под нозе государя великого! А он вас без награды не оставит!..

– Рады мы за государя головы свои положить!.. – орали ратники и стремглав бежали за воеводой, показывающим им дорогу.

– Ах, дьяволы, они нас окружить замышляют, кажись! – встревожился Арбузьев и, понимая неравенство своих сил

с вражьими, приказал отступить к городку, куда уже снова отхлынули пермяне, спешившие укрыться от москвитян под защиту городских укреплений.

Но бедные новгородские повольники не успели уйти благополучно, несмотря на свою изворотливость. Послышался шум справа – и вдруг на них набежала толпа неприятеля, вынырнувшего из облаков дыма и копоти, распространяемых горевшим сушняком.

– Москва! Москва! – завопили нападающие и схватились с противниками врукопашную, загородив им дорогу к отступлению.

Это были отряды Толбузина и Беклемишева, зашедшие в тыл партии Арбузьева, не ожидавшей появления врагов с этой стороны.

Арбузьев оглянулся кругом. Положение было безвыходное. Сзади, от болота, наступал сам Пестрый с главными силами, валившими за ним густыми рядами; от Изкара напирали Толбузин и Беклемишев, кричавшие своим воинам:

– Рубите, колите, братцы! Изничтожайте изменников новгородских!.. Этих-то нам и надо побороть, а пермячишек мы поразмечем не в кою пору!.. Ну, раз! Ну, раз!

– Ну, два! Ну, два! – рывкнул Арбузьев, расслышавший в шуме битвы голоса московских начальников, которых он ненавидел всеми силами своей души. Глаза его вспыхнули гневом и яростью, кровь забурлила в нем, как кипяток. Он крикнул своим сотоварищам: «За мной, братцы!» – и кинул-

ся навстречу москвитянам, преградившим им путь к Изкару.

Произошла ожесточенная сеча, закончившаяся прорывом Арбузьева с тридцатью товарищами к городку, битком набитому защитниками-пермянами, боявшимися вступить с врагами в состязание в открытом поле. Более половины новгородцев пало в схватке, дорого стоившей и Толбузину с Беклемишевым, первый из которых был убит, а второй ранен настолько тяжело, что его замятво оттащили куда-то в сторону. Простых же москвитян было убито и ранено вдвое более новгородцев.

– Ну, князья, пропало наше дело! Пропала Пермь Великая! – прохрипел Арбузьев, бросая окровавленный меч к ногам Микала и Мате, встретившим его у городских ворот. – Невмоготу нам бороться с врагом... Не можем мы одни Москву отгонять... И то уж, слава Богу, до сытушки поработали мы, полили своею кровью землю пермянскую... А ратники ваши, как зайцы, от врага бегут! А эдак ведь с москвитянами воевать не приходится!..

– Что ж поделаешь, Василь Киприянович, – сконфуженно отозвался Микал, потупляя глаза в землю. – Не привычны наши люди стенка на стенку биться. У нас больше из-за валов сражаются, чтоб, значит, можно было укрыться где...

– Да ведь укрытий-то и там довольно было! Только знай из-за срубов стрелы пускай да отпихивай москвитян рогатинами, ежели уж слишком близко подойдут они... А ваши – куды тебе! Сейчас же сушняк запаливать начали да удирать

от врага без огляточки... Просто глядеть было стыдно на ваших воителей! А туды же, бахвалились раньше, что положат головы за князей своих да за страну родную!..

– Горе, горе одно, Василь Киприянович! – вздохнул Микал, покраснев от негодующих слов новгородца. – Не думал я... не ждал такого страму... Просто хоть топись со стыда, таково тяжело теперь сердцу моему!.. А ты, кажись, поранен изрядно, а?

– Рука моя порублена правая, шибко порублена. Не могу я мечом владеть. И грудь в двух местах проколота... копьем, что ли... Не помощник я вам теперича, князья именитые. Хочу я от вас уйти подобру-поздорову. Соизвольте лишь лодки мне дать с товарищами моими, кои в живых еще остались. И они тож порублены порядочно, не могут вам службу служить. Уплывем мы на Волгу на матушку из места сего, полечимся от ран на воздухе вольном. А вам мы желаем всякого счастья, паче же всего победы над лютыми врагами... Только по совести говорю я вам, князья любезные, плохи ваши дела, ой как плохи! Не управиться вам будет с москвитянами... Попомните слово мое...

– А может, удержимся еще в Изкаре? – перебил Мате, с гордостью поглядев на свои городские укрепления. – У меня ведь все приготовлено к встрече врага... Камней да бревен хватит, чтобы москвитян давить...

– Что ж, дай вам Бог! – ответил Арбузьев слабым голосом, чувствуя, что все более и более изнемогает от ран. – А нам

вы лодки дайте... до Колвы проводите... Простите, что мало вам послужили... У меня уж в глазах темнеет... Эх, до чего дошло!

И он потерял сознание.

Микал приказал ближайшим десятникам проводить израненных новгородцев до Колвы, дать им лодки, положить туда необходимое количество припасов и отправить вниз по течению, о чем и просил Арбузьев. О дальнейшем добрые молодцы должны были позаботиться сами.

– Жаль мне Арбузьева, ах как жаль! – сказал Микал, провозжая глазами группу удалых повольников, плетущихся за своим предводителем, которого несли на руках четверо дюжих пермяков. – Крепко за нас он стоял... за нас и пострадал, бедняга!..

– Теперь мы одни остались, князь Микал. Отслужили свою службу люди новгородские... Ну, да бояться нам нечего в Изкаре! – тряхнул головой Мате, считавший свой городок неприступной твердыней. – Москвитяне не сразу нас достанут отсюда!.. Пусть только сунутся они... мы им покажем себя! Посмотрим, как они кверху полезут! У нас ведь камней да бревен хватит, чтобы их давить!..

– Хватит-то хватит, вестимо... но все-таки... – начал было покчинский князь, но, не договорив, махнул рукой и направился к городским воротам, где замечалось какое-то движение.

Мате последовал за ним.

Изкар действительно в те времена – даже помимо мнения князя Мате – считался хорошою крепостью, обладавшей всеми средствами для обороны. Гора была крутая и высокая, усыпанная крупными камнями сверху донизу, от которых городок и получил свое название (изкар – каменный городок). Склоны горы были тщательно чищены от всякой поросли, могущей служить прикрытием наступающему врагу, которым могли быть и вогулы, и остяки, и татары сибирские, не говоря уже о московских завоевателях, грозивших теперь осадой или приступом. Подступы к городку, таким образом, обстреливались со всех валов и башенок крепости, имевшей еще такое важное орудие для борьбы, как бревна и камни, собранные в громадном количестве.

«Пожалуй, на каждого москвитянина по камню хватило бы, – подумал Мате, проходя мимо гор этого своеобразного ратного снаряда, радовавшего его взоры, – только бы головы свои они подставили...»

Но москвитяне своих голов не подставляли, а, напротив, осторожно обходили всю гору, заставляя бежать перед собой последние партии пермян, остававшиеся вне городка. На приступ они сразу не шли, а сначала знакомились с местностью, выглядывая, нет ли какой лазейки, удобной для проникновения в Изкар. В воздухе реяли стрелы, пускаемые с обеих сторон, но никому не причинявшие вреда по причине дальнего расстояния...

Подойдя к городским воротам, Микал и Мате увидели,

что как раз напротив них, далеко внизу, у подошвы горы, появилась большая толпа неприятеля и копошилась над сооружением какого-то сруба из легких жердей, заготовленных ранее изкарцами для домашних надобностей. Основанием сруба служили три толстых бревна, поставленные на круглые обрубки дерева, могущие свободно катиться по земле... Работа положительно кипела под руками москвитян, пользовавшихся готовым материалом для устройства своего загадочного сруба, выроставшего с каждой минутой. Осажденные терялись в догадках, не понимая, какую цель преследуют враги, воздвигавшие нечто вроде прикрытия от стрел и камней, грозивших посыпаться на них сверху.

– Для чего они сруб строят, а? – недоумевал Мате, поглядывая то на Микала, то на Бурмата, то на других воевод, удивлявшихся не меньше его. – Неужто боятся они стрел наших, а? Как вы думаете?

– Да, что-то такое... – неопределенно промычал Микал. – Видать, что неспроста они стараются...

– Неспроста, ой неспроста суетятся они тут! – поддержал Микала Бурмат, не спускавший глаз с таинственного сооружения неприятеля. – Как бы не вышло чего... Москвитяне ведь хитры на выдумки...

– Пусть только полезут они сюда! У нас ведь камней да бревен хватит, чтоб их давить!.. – воскликнул Мате, считавший камни и бревна главным оружием, которым он думал победить москвитян. – Пусть только полезут они!..

Но торжествующий голос Мате сразу осекся, когда он понял наконец замысел лукавого неприятеля... Все стояли потрясенные и растерянные, чувствуя, как у них поджилки задрожали со страху... Микал только и мог пробормотать: «А, вот оно что... выдумка какая!..» – и бессмысленным взором глядел вниз, где творилось что-то странное, непостижимое, удивительное.

Москвитяне перестали стучать топорами вокруг сруба, по-видимому окончив его. Послышался дружный крик тысячи голосов – и вдруг сруб этот дрогнул, качнулся и медленно пополз вперед, на гору, катясь по круглым обрубкам, подкладываемым под него по мере движения...

– Сюда, сюда! – закричал Микал, уяснив себе намерение москвитян подойти к самым валам, заслоняясь от стрел, бревен и камней своим движущимся прикрытием. – Здесь враг ползет! Здесь отбивать его придется!.. Сюда, братцы, сюда! Выбирай камни покрупнее, выкатывай бревна потолще... Авось не стерпит сруб ихний, разобьется от бревен да камней... Скорей, скорей!

– Москва идет! Москва идет! – пронесся крик по городку, и все бежали к городским воротам, где уже шумела толпа ратников, ворочая громадные камни, заготовленные для встречи недругов.

– Спускай, спускай! – скомандовали воеводы и покатали с вала первый камень, отличавшийся гигантскими размерами. Камень сначала покатился быстро, но потом угодил на

мягкую площадку и вонзился острым краем в землю, где и застрял навсегда.

– Еще спускай! Еще, еще! – галдели кругом и принялись скатывать камни целыми десятками, но москвитяне были еще далеко от валов, и камни либо не достигали до них, либо откатывались в сторону, вызывая этим целые потоки отборнейшей ругани со стороны пермян.

А сруб продолжал двигаться вперед и вперед, повинувшись могучей силе московских ратников, подталкивающих его сзади. Из-за прикрытия никого не было видно, только изредка мелькали юркие фигуры людей, подкладывающих под сруб обрубки дерева, служившие катками для всего сооружения. Выдумка была простая и полезная, давая нападающим возможность подобраться под самую крепость, не потеряв ни одного человека. А сознание своей безопасности под носом у врага доставляло москвитянам громадное удовольствие и заставляло их заранее торжествовать победу.

Вдруг все толпившиеся на валах увидели далеко внизу какого-то маленького, приземистого человечка, быстро бегущего на гору. За ним гналось четверо москвитян, как это тотчас же определил Бурмат, отличавшийся замечательной дальновзоркостью. Человек этот махал руками, спотыкался, падал, но через мгновение вскакивал снова и продолжал бежать еще быстрее, не позволяя нагнать себя преследователям. Последние, наконец, начали отставать, не осмеливаясь приближаться к укреплениям Изкара, где их могли засыпать

стрелами и камнями. Среди защитников городка раздались радостные возгласы:

– Ушел, ушел! Не поддался недругам проклятым!.. Где ж им пермянина догнать!..

Но москвитяне не захотели отпустить врага безнаказанным и, став на одно колено, точно по команде, натянули свои тугие луки, прицелились и пустили по стреле в беглеца, который в ту же минуту сунулся лицом в землю, точно ему сзади хорошего тумака дали.

– Убили, убили! – зашумели на валах. – Эх, отплатить бы им надо за это, тоже стрелами попотчевать, что ли!.. Эй, выходи вперед, кто лучше стреляет... Прямо им в спины целься!.. Скорей, скорей! Вишь, побежали они...

– Вот вам на сдачу, собаки московские! Вот вам, вот вам!.. – закричали ожесточенные стрелки, пуская сотню стрел в москвитян, побежавших обратно под гору, но за дальностью расстояния все усердие пермян пропало даром: враги благополучно скрылись под защиту движущегося прикрытия, оставив в дураках своих недругов.

А подстреленный москвитянами беглец, едва преследующие его люди скрылись из виду, проворно поднялся с земли и, заметно прихрамывая на правую ногу, добежал до валов, где его встретили с поощрительными возгласами, радуясь, что он не убит, а только притворялся мертвым.

– К князю Микалу! К князю Микалу! – кричал он, поднимаясь на откос вала при помощи легонькой деревянной лест-

ницы, спущенной ему сверху. – На Покче беда большая... Москвитяне к Покче подходят, к утру уж будут под Покчей... А вчера они Урос разорили, не осталось кусочка от Уроса...

– Что ты говоришь? Что ты кричишь? – бросился к нему Микал, потрясенный услышанными словами. – Какие москвитяне Урос разорили? Какие москвитяне на Покчу идут? Да что ты толкуешь, брат Варыш?..

Варыш – это был житель Покчи, хорошо известный Микалу, – торопливо перебил князя, сказав:

– Отсюда ж москвитяне пришли, от Низьвы-реки они нагрянули, пока вы на Изкар спешили...

– От Низьвы-реки они пришли? Да неужто так совершилось? Да как мы о том не проведали?

– Оплошка такая, стало быть. Сумели они тайком разделиться на две части, сумели вас всех обмануть... А теперича до Покчи добираются, а там и до Чердына дойдут...

– Что Чердын! Что Покча! – с отчаянием воскликнул Микал. – Родная земля наша гибнет! Погибает Пермь Великая наша!.. А дозорные наши все проспали, не разведали о походе второй рати московской на Урос...

– Слышал я, – продолжал Варыш, – привел их на Урос новгородец один, из тех, что в Новгороде Малом живут. Привел он их тайною тропую, а по тропе той дозору, кажись, совсем не было...

– Да, оплошали мы, крепко оплошали! Просто как волку

в пасть голову свою пихнули!..

– А княгиня твоя плачет, сокрушается, – сообщал покчинский вестник, – просит тебя в Покчу поспешить, сохранить ее, и сына твоего, и Покчу самое от гибели. На тебя, князь высокий, надежда одна!.. Поскорее в Покчу поезжай, выходи отсюда без промешканья, пока еще не заперли тебя здесь москвитяне...

– Выходить? Да можно ли выходить?.. А Покчу ведь нельзя оставить без помощи... Ах, право, беда какая! – развел руками Микал и стоял как в воду опущенный, сознавая ясно только одно, что дни Перми Великой сочтены и что не по плечу им бороться с Москвою, которая и сильна и хитра выше меры.

А вокруг него толпились воеводы, десятники и ратники, полные смятения и ужаса. А подвижной деревянный сруб – это новое доказательство вражьего хитроумия – продолжал ползти кверху, пугая своим видом робкие сердца пермян, расположившихся на каменных валах Изкара.

XVII

Недолго размышлял Микал, ошеломленный страшным известием о разорении неприятелем Уроса, находившегося в семи часах ходьбы от Покчи. Теперь-то он понял наконец, какую шутку сыграли над ними москвитяне, убившие сразу двух зайцев благодаря недогадливости противников. Недаром же Бурмат предупреждал его у Низьвы-реки о возможности такого дела, которое он отрицал совместно с Арбузьевым и другими воеводами, не допускавшими и мысли о походе отдельного московского отряда на Урос, Покчу и Чердын, ибо это, по мнению Арбузьева, принесло бы ущерб вражьим силам.

– Вот тебе и ущерб вражьим силам!.. – горько усмехнулся Микал и лишний раз должен был сознаться в душе, что не доросли еще они до борьбы с Москвою, превосходящею Пермь Великую если не правдою, то силою и коварством.

– Делать нечего, – сказал он, обращаясь к Мате и воеводам, – придется мне в Покчу идти. Возьму я с собой три сотни покчинцев своих, которые других удалее, и с ними из Изкара выберусь. Может, удастся еще мимо врага проскользнуть. А не удастся – погибнуть придется, но гибель не страшит меня нисколько!..

– Эх, жалость какая, – заметил Коч, воевода изкарский, – ведь у нас подземный ход был хороший, прямо в лес он вы-

водил. Но недавно обвалился он в одном месте, а расчистить не удосужилось еще.

– Ничего, я так выберусь... по верху земли, – улыбнулся Микал натянутою улыбкою, – только бы местечко такое нашлось, где можно пройти потаенно.

– Это мы укажем тебе... укажем, укажем! – забормотал Мате, озадаченный намерением Микала уйти из Изкара. – Только как же без тебя мы останемся, а? Ведь ты нас на ум наставлял, пример нам показывал хороший...

– И ты, кажись, не плох, князь дорогой, – возразил Микал, в душе, впрочем, не надеявшийся на добродушие простоватого Мате. – А потом, воеводы остаются с тобой, они витязи добрые, бывалые. И Бурмата своего оставляю здесь. А он уж не даст поблажки москвитянам!

– Ох, горюшко наше! – сокрушенно вздохнул Мате и не стал более плакаться перед покчинским князем, намеревавшимся удрать из Изкара.

А москвитяне тем временем продолжали подвигать свой сруб к изкарским валам, оцетинившимся палисадами-частоколами. Доносился нестройный гул голосов, кричавших: «Раз да раз! Раз да раз!» – после чего остроумное сооружение неприятеля подавалось на полшага вперед, чтобы после нового крика «Раз да раз» подвинуться еще дальше. Сверху катились камни, бревна, летели стрелы, но пока большой помехи для нападающих не представляли и застревали в углублениях горы, не достигая намеченной цели...

Намерение князя Микала идти на спасение Покчи и Чердына произвело среди ополчения странное впечатление. Все прониклись убеждением, что без покчинского князя плохо им придется, что несдобровать им будет перед москвитянами, пускавшимися на такие хитрости, которые ставили в тупик самых сметливых пермян. Уныние охватило ратников, остававшихся в Изкаре, но и тем людям, которых брал с собой Микал, было не легче: москвитяне могли перебить их при самом выходе из городка, пользуясь своею многочисленностью, позволявшей им действовать в разных местах в одно и то же время.

Конечно, Микалу можно было дожидаться ночи, когда все-таки легче было ускользнуть из городка, хотя ночи были светлые, ясные. Но времени терять было нельзя, и он, отобрав более надежных покчинцев, известных ему своею сметливостью и храбростью, перелез через валы и крадучись пополз книзу, держа направление в ту сторону, где, по-видимому, не было москвитян, не успевших еще окружить Изкар со всех сторон.

Оставшиеся в городке ратники, во главе с князем Мате и четырьмя воеводами, не могли следить за дальнейшими движениями ушедших, потому что внимание их поглощал движущийся сруб, наводивший на всех жуткое чувство страха и отчаяния.

– Ишь, антусы!³² – ворчал Мате, видимо упавший духом

³² Антус – зырянское ругательство, обозначающее нечто вроде черта или дья-

после ухода Микала. – Точно им ворса помогает такую громадину в гору тащить! Подумаешь, сила какая!.. А камни наши, как нарочно, мимо летят, не задевают прикрытие ихнее! Просто хоть плачь с досады!.. Видать, что колдовством они сильны... колдовство и двигает сруб ихний...

– Не колдовство, а руки человеческие работают тут, – сурово возразил Бурмат, оставленный своим князем в Изкаре по той причине, что он был умнейший из воевод, без которого остальные вряд ли могли бы толково распорядиться. – А руки и у нас, кажись, есть. Можем и мы поработать в свою пользу. Вот только присмотреться нам следует, подождать, когда они до того места дойдут: видишь, где кочка торчит, а на кочке кустик растет. Тут-то мы и осыпем их камнями да бревнами, прямо на сруб все полетит... А теперь подождать надо.

– Делай как знаешь, Бурмат, – махнул рукой Мате. – У тебя голова не безумная. Даже Микал тебя слушался.

– Не бойся, князь! Авось не до конца пропадем! – ободряюще промолвил Бурмат и, приостановив скатывание бревен и камней, пока не достигающих своей цели, распределил всех ратников по валам, пользуясь указаниями изкарского воеводы Коча, знающего все слабые места крепости как свои пять пальцев.

Потом он сбежал в маленькую церковку, заложенную тем же епископом Ионою, который крестил пермян, положил там

десять земных поклонов перед иконами и с минуту стоял неподвижный, благоговейно взирая на изображения ликов святых. Священника не было при храме, церковники тоже куда-то скрылись, – впечатление получилось самое удручающее для набожного воеводы, увидавшего полное запустение в доме молитвы, погруженном в сумрак и безмолвие.

– Забыли наши Бога христианского! Забыли, совсем забыли! – шептали его губы, когда он выходил из церкви. – Оттого и беда на нас пришла, оттого и наказание мы терпим, погибаем от нашествия московского. А поп где? – спросил он у встречного человека, быстро шедшего прямо к церковному крыльцу. – Неужто не молится он в час такой страшный?

– Попа уж третий день не видать, – ответил человек, оказавшийся церковным ктитором. – Не знаем, куда он делся. Быть может, утонул в реке, купаючись в жаркую пору, а может, убежал куда-нибудь, убоявшись попасть под стрелы вражеские...

– Что ты говоришь! – с удивлением воскликнул Бурмат, не ожидавший такой характеристики местного священника. – Да неужто попу бояться подобает вражых стрел, когда он должен воинов на смерть напутствовать! Аль, может, вправду утонул он в реке, а? Как ты думаешь?

Ктитор потер рукой переносицу, потоптался на месте и сказал:

– Не знаю я, подумать чего... Нельзя попу утонуть, ибо он в воде как рыба плавал. Вернее, попрятался он в лес, чтоб,

значит, коим случаем от москвитян ему не влетело ненароком. А о воинах он и думать забыл. Да и воины о нем забыли, вестимо...

– Чего ради? – нахмурился покчинский воевода.

– Себя только поп наш любит. Непомерно жаден он на питье, беспрестанно пьяным валяется. А потом ругается с нами зачастую, поносит нас на чем свет стоит, даже князю спуску не дает. Ну, и отшатнулись от него все... и в церковь ходить перестали...

– Напрасно, напрасно! – покачал головой Бурмат. – В церковь всегда надо ходить, хоть поп человек и нехороший. Из-за попа не следовало бы от Бога христианского отставать...

– Не спасает нас Бог христианский от напастей, не хуже мы при Войпеле жили. Оттого, надо полагать, и страдаем мы, что от Войпеля с глупого ума отшатнулись...

Воевода хотел было убедить церковного ктитора в противном, но сильный шум, донесшийся до него с крепостных валов, заставил его прекратить беседу и опрометью броситься к городским воротам, где грозила главная опасность.

Москвитяне дошли уже до половины горы и поставили свой сруб на том самом месте, на котором, по расчету Бурмата, каждый камень, каждое бревно неминуемо должны были ударяться в подвижное прикрытие, позволяющее неприятелю безнаказанно приближаться к намеченной цели. Но, по-видимому, терпение москвитян уже начало истощаться: им хотелось одним ударом взять городок, представлявшийся

для них неважною крепостью. На упорную оборону защитников они не рассчитывали, познакомившись с ними на болоте, где пермяне постыдно бежали перед нападающими... И вот, когда Бурмат еще был в церкви, толпа отборных охотников высыпала из-за сруба и стремительно побежала кверху, ловко карабкаясь по крутому откосу, голому и гладкому, как ладонь...

– Москва! Москва! – вопили смельчаки и, поддерживая друг друга, лезли к валам, униженным тысячами защитников.

Пермяне были положительно ошеломлены такою отчаянностью, проявленной вражьиими ратниками. Среди них было мало храбрецов, способных понять отвагу москвитян, лезущих прямо на рожон, невзирая на видимую сомнительность своей удачи... На валах произошло движение, шум, давка, суета. Воеводы и десятники кричали: «Дави! Дави их камнями, бревнами!.. Дружнее, дружнее!..» Ратники метались из стороны в сторону, хватались в одиночку за камни, бревна, обрубки дерева, но в суматохе дело не спорилось, и смельчаки-москвитяне не встречали препятствий к подъему на гору, подбираясь уже к самым валам, возвышавшимся перед ними почти отвесною стеною...

В этот момент в толпе растерявшихся ратников появился покчинский воевода и закричал громовым голосом:

– По местам, по местам, братцы! Помните, кому что указано? Давите их бревнами, камнями!.. Не бойтесь, не достанут они нас! Руки коротки у них для этого!.. А у нас есть чем

оборону держать, стоит только приняться дружнее!..

Бурмат был находчивый человек. Он знал, что общее расстройство можно предупредить только суровым окриком, не лишенным уверенности в тоне, действующим на толпу ободряюще. И ожидания его оправдались. Суматоха сразу прекратилась, уступив место сознательной торопливости ратников, бросившихся к назначенным местам, где у каждого было свое дело...

Москвитяне скоро почувствовали, что смелая затея их не удалась. Напрасно на поддержку их высыпали новые толпы из-за спасительного сруба, – сверху покатались бревна и камни, засвистели стрелы – сначала редко и беспорядочно, но каменный и бревенчатый поток все усиливался и усиливался, стрелы полетели целую тучей, пока, наконец, вся эта часть горы не превратилась в движущуюся массу камней и бревен, катящихся вниз с головокружительной быстротой...

Положение нападающих сделалось безвыходным. С камнями и бревнами не было силы бороться. Оставалось одно спасение в срубе, куда все и устремились, высоко подпрыгивая над камнями и бревнами, низвергаемыми сверху пермянами...

Торжество осажденных было полное. Москвитяне были буквально сметены с горы, погибли и те, кто успел схорониться под защиту подвижного прикрытия. Прикрытие это начало трещать и колебаться, когда, под руководством Бурмата, пермские ратники принялись скатывать на сруб гро-

мадные камни, крошившие все на своем пути. Задрожали высокие стенки московского убежища, полетело несколько жердей, выбитых чудовищным камнем из верхней части сруба, – и вдруг все рассыпалось по земле, образовав одну безобразную кучу бревен и жердей, прикрывших многих москвитян, не ожидавших такого скорого крушения...

– Разбили, братцы, разбили! – завопили на валах, радуясь одержанной победе над врагом. – Побежали назад проклятые!.. Вот это славно, голубчики! Славно, славно!.. Вдогонку им стрелы пускай, камни кати, бревна, обрубки!.. Не жалей ни стрел, ни камней! Видишь, как скоро бегут! Задали же мы им переполоху!..

Переполох среди москвитян действительно был страшный. Разгром сруба заставил их поневоле спастись бегством, потому что идти против потока бревен и камней не было никакой возможности.

Пермяне с радостью увидели, что густые толпы неприятеля, хоронившиеся за своим срубом, в рассыпную бросились книзу, оглашая воздух злобными криками. А камни и бревна настигали их и давили несчастных своею тяжестью, заставляя остальных бежать еще быстрее...

– Славно, славно! – кричали защитники Изкара и приходили в безумный восторг от своей удачи, сразу поднявшей их дух на недостигаемую высоту.

– Бегут, бегут! Москвитяне бегут! – разносилось по городку, и сотни ратников, расставленных по валам вокруг Из-

кара, стекались к городским воротам, против которых были разбиты страшные враги.

Шум, гам, ликующие возгласы, рев воинских труб, трубивших победу, висели над осажденною крепостью, счастливою своею неприступностью. Князь Мате и воеводы, даже сам осторожный Бурмат, являвшийся душою обороны, позабыли на минуту о том, что они отогнали только часть вражеских сил, и чуть не прыгали от радости, точно уже все московское войско показало тыл перед ними, благодаря чему Пермь Великая избавлялась от владычества ненавистных иноземцев.

– Зачем нам ушкуйники новгородские? Мы и без них управимся с врагом! – бахвалился Мате, наблюдая с вершины горы за беспорядочным бегством москвитян, лишившихся точки опоры. – Только бы камни да бревна у нас были. А этого добра у нас достаточно... Эх, жалко, что Микал ушел! Какая бы радость ему была! Посмеялись бы мы с ним над Москвою проклятою! Но он за Покчу свою испугался, заспешил спасать ее... Что ж, пусть он орудует там, а мы здесь побьемся... только бы камней да бревен хватало у нас...

– Хватит, князь высокий, хватит!.. – уверяли воеводы, и в уме Мате уже рисовалась соблазнительная картина полного торжества над Москвою, когда он заберет в плен московское войско и великодушно отпустит домой главных военачальников, чтобы не сердить тамошнего государя («Ибо ведь как-никак князь Иван человек сильный, могучий!») – сообразил

он)... Но мечты его так и остались мечтами... Москвитяне
опять перехитрили пермян и жестоко отомстили им за свое
поражение...

XVIII

Пестрому было весьма неприятно, когда он увидел неудачу подхода к Изкару под прикрытием подвижного сруба, разнесенного пермскими камнями и бревнами, но он и не думал падать духом. Напротив, такой результат, наверное, вскружил головы защитникам городка, торжествовавшим свою победу шумом и криками, явственно долетавшими до ушей большого воеводы. А этого ему только и надо было. Он знал, что в такие минуты победители ничего не видят и не слышат кругом, кроме своей радости, переполнявшей через край их сердца. И он не замедлил воспользоваться случаем, чтобы проникнуть в Изкар с другой стороны, где, наверное, оборона валов была ослаблена.

– Слышь, бартцы, – обратился он к начальным людям, ожидающим его распоряжений, – пермяне чрезвычайно возрадовались, что смогли камнями нас отогнать. Но это им погибелью будет. Надо нам сейчас же городок этот забрать, слышите – сейчас же забрать, пока они галдят там на радостях. Время такое теперь: рать наша вокруг горы раскинута, ратники вперед рвутся, пермяне ж на одной стороне крепости собрались, любят, как камешки ихние книзу летят, погоняют горемык наших. Вестимо, мы могли бы измором их взять, но надо нам к Нелидову на помощь спешить, каждый час для нас дорог теперича. А посему вот вам приказ

мой, сотники и начальные головы. Берите вы людей ваших и живым духом на гору лезьте. Тащите с собой жердье какое, что ли, чтоб на валы подняться было можно, а с валов через частокол перемахнуть. Идите не кучей, а веревочкой, а ежели пермяне вас заметят прежде времени да станут камнями угощать, вы все же вперед лезьте, ибо ведомо ведь всем вам, наверное, что двух смертей не бывает на белом свете, а одной не миновать никогда! А я вас отсюда поддерживать стану, ежели где плохо вам придется... Ну, с Богом!

– Слушаем, князь-воевода! – отозвались начальные люди и бросились исполнять приказание, стараясь превзойти друг друга в быстроте и энергии.

В Изкаре продолжали ликовать, скатывая бревна и камни уже без всякой видимой необходимости, потому что люди разбитого вражьего отряда скрылись из глаз осажденных, недешево заплатив за свою затею – взять крепость при помощи подвижного прикрытия. Эта затея не удалась, но зато свежие ряды москвитян, растянувшись в длинную линию, лезли кверху по другой стороне горы, торопясь добраться до валов, покинутых легкомысленными защитниками, убежавшими полюбоваться на торжество товарищей у городских ворот.

Москвитяне были крайне удивлены и обрадованы, видя такую оплошность неприятеля, ошалевшего от первой победы. Воины оживленно зашептались между собою, обмениваясь на ходу шутками и остротами по поводу подобной «ока-

зии».

– Вот благодетели! – фыркнул один. – Не желают нам худова чинить, пропускают нас без всяких разговоров. Вот это по-свойски, можно сказать!

– Пожалуй, еще с хлебом-солью нас встретят, – ухмыльнулся другой. – Что ж, принимать так принимать. Гости мы незваные, но почетные, стоим угощения пермянского!

– А пермячишки эти, братцы мои, умные люди весьма, – пояснил третий, просто давясь от смеха. – Живо праздник учинили: мы-де свое взяли, а там хоть трава не расти! А поглядеть, так неведомо еще, на чьей улице праздник будет!..

– Живей, живей! – торопили начальники и показывали пример подчиненным, взбираясь на гору впереди всех, чтобы заслужить одобрение большого воеводы.

А в Изкаре все еще шумели и радовались, не подозревая о страшной опасности, надвигавшейся с другой стороны горы. Мате и воеводы развивали планы, как они разобьют остальное московское войско и пойдут на выручку Покчи и Чердына, где, наверное, князю Микалу придется довольно плохо от тех москвитян, которые разорили Урос. Только Бурмат молча пощипывал свою бородку и, казалось, в душе посмеивался над подобными замыслами, трудно осуществимыми на самом деле. Вдруг какая-то мысль, точно молния, прорезала его мозг и заставила его быстро оглядеться вокруг, где кишела тысячная толпа ратников, сбившихся у городских ворот, как сельди в бочонке. В глазах его мелькнула тревога.

– Ступай узнай, Юсь, – обратился он к одному десятнику, стоявшему поблизости, – дозорят ли на валах наши люди на той стороне городка? Не все ли сюда собрались? Пожалуй, ума у них хватит для этого.

– Слушаю, воевода, – отозвался Юсь и нырнул в шумящую толпу, внушительно покрикивая на некоторых встречных ратников: – Зачем вы сюда собрались? На место, на место скорей! Разве вам здесь стоять указано, а?

– Дай нам порадоваться вволю! – слышалось в ответ. – Нечасто мы Москву побеждаем! А на местах стоять мы успеем еще!..

– Нечего тут рассуждать! По местам, по местам, говорят вам! – кричал десятник, стараясь скорее пробраться через толпу и поглядеть, остался ли кто-нибудь на том конце городка, где валы к тому же были гораздо доступнее, чем у городских ворот. Но дойти до места ему не пришлось. Оттуда уже бежали несколько десятков человек и вопили хриплыми, сдавленными голосами:

– Беда, беда! Москвитяне идут!.. Не успели мы глазом мигнуть, а они уж на валы полезли!.. Собирайтесь сюда поскорей, отражайте врага кто чем может!.. Торопитесь! Скорей! Живей!..

Произошел страшный переполох, перевернувший вверх дном все затеи князя Мате и воевод, недосмотревших вражьего приступа. Бурмат просто волосы на себе рвал с досады и горя, увидев подобную оплошность, непростительную

для старых военачальников. Конечно, он сделал свое дело: распределил всех людей по крепостным валам, велел никому не отлучаться с назначенного места... но потом увлекся призрачной победой над врагом и не хватился вовремя: исполняются ли его предначертания? А легкомысленные ратники, услышав шум победы у городских ворот, не стерпели, чтобы не прибежать туда, оставив на вверенных им валах не более пятидесяти человек, да и те позабыли всякую осторожность, прислушиваясь только к победным крикам товарищей и не обращая на местность за валами ни малейшего внимания.

А когда караульные хватились, было уже поздно отбивать нападение. Москвитяне лезли на валы, приставляя к ним длинные сучковатые жерди, служившие им вместо лестниц... Ужас обуял пермян, сразу же бросившихся бежать к городским воротам, где гудела тысячная толпа их товарищей...

– Становись в ряды! Становись в ряды! – командовал Бурмат, махая в воздухе обнаженным мечом, чтобы придать бодрости ратникам. Десятники сновали в толпе, стараясь найти своих людей и привести их в должный порядок. Сам Мате не растерялся и резко выкрикивал с высоты ворот, где он стоял:

– Не робейте, друзья мои, не робейте! Живо мы москвитян книзу собьем, завалим их камнями да бревнами!.. У нас камней да бревен хватит, чтобы их давить! Знай только скатывай с горы!..

– Вперед! За мной! – рявкнул Бурмат и, мысленно при-

зывая на помощь Бога христианского, побежал к тому месту валов, где, по словам оплошавших караульных, налезали хитрые враги.

Ратники повалили за любимым воеводой, решившимся лучше умереть на месте, чем отдаться врагу без сопротивления. Мате и остальные воеводы следовали за ним по пятам, безмолвно согласившись между собой делать то же самое, что будет делать покчинский военачальник. У всех мелькала в голове тревожная мысль:

«Успеем ли? Успеем ли? Не завладеют ли враги валами и частоколом?..»

– Поздно, поздно! – вырвалось у Мате, когда на глазах у всех перемахнуло через частокол с наружного вала внутрь крепости несколько человеческих фигур, в которых нетрудно было узнать москвитян.

И вдруг, точно по волшебству, множество вражьих воинов посыпалось с высоты частокола, видимо поднимаясь на него с той стороны на плечах друг у друга, что было проделываемо с замечательной ловкостью и легкостью. Раздался грозный клич: «Москва! Москва!» – и перед пермянами в одну минуту выросла стена мужественных противников, оцетинившихся бердышами и копьями.

Это произошло до того быстро и неожиданно, что пермяне опомниться не успели, как на них посыпались сотни стрел, со свистом рассекающих воздух. У Бурмата екнуло сердце. Положение было не из радостных. Москвитяне до-

брались-таки до городка, гордившегося своею неприступностью. Защитники не помешали им подняться на валы и перелезть через частокол, увлекшись своим торжеством над частью московского войска. И горько же, горько стало на душе у покчинского воеводы, когда он глянул вперед и увидел, что число неприятеля все увеличивалось и увеличивалось. Доносились злорадные возгласы, доказывающие о твердом намерении нападающих биться с защитниками не на жизнь, а на смерть... И вдруг точно волна какая захлестнула Бурмата. В глазах у него потемнело от внезапно нахлынувшей злобы, ярости и отчаяния. Рука его судорожно сжала рукоятку меча, которым он потряс в воздухе. С губ сорвался бешеный возглас:

– Ах, антусы! Надсмеялись они над нами, как над ребятами малыми! Но мы с ними померяемся еще силами! Эй, други мои, вперед, кто родину свою любит! А если кто назад побежит, голову с плеч тому! Убью я человека такого, как собаку поганую!..

– Вперед, вперед! – подхватил Мате, увлеченный примером Бурмата. – Неужто народ мой отстанет от меня, от князя своего?

– Вперед, братцы! – повторили остальные воеводы и устремились на толпу москвитян, стараясь не отстать от Бурмата, который положительно летел на неприятеля, позабыв даже думать о том, следуют ли за ними его воины.

Но воины следовали за князем и за воеводами замечатель-

но дружно, потрясая своими топорами, ослопами и рогатинами, с которыми они ходили на медведя. Слышались горячие возгласы: «Умрем, а не покоримся врагу!» Но большинство людей бежало только из боязни перед строгими воеводами, от которых нельзя было отстать.

И вот они столкнулись с москвитянами, встретившими их мечами и копьями... Стукнула сталь о сталь, звякнуло железо о железо, – закипела кровавая сеча, разразившаяся, как грозный ураган смерти, внутри укреплений Изкара, битком набитых в эту минуту и защитниками, и недругами их. Бурмат положительно остервенел, разя неприятеля направо и налево, топча ногами валившихся на землю врагов, пытавшихся померяться с ним силами. Голова его была закрыта стальным шлемом, лицо защищено опущенным забралом, грудь, плечи и все туловище облегал дорогая кольчуга, которую не пробивала ни стрела, ни сабля. Москвитяне просто зубами скрежетали от ярости, видя неуязвимость пермского витязя, являвшегося предводителем изкарской рати.

– Руби! Коли! Бей его, сына собачьего! Только один он и лупит нас в свою голову!.. – слышались голоса, но Бурмат продолжал работать мечом, ведя за собой толпы своих ратников, воодушевлявшихся его примером.

Князь Мате и остальные воеводы бились тоже в передних рядах, но, конечно, далеко им было до Бурмата по храбрости, проявленной последним на глазах у всех. Мате, не отличавшийся большой силой, крепко вспотел и устал, махая

тяжелым длинным мечом, не соответствующим его малому росту. Москвитяне уже наградили его несколькими ударами по голове и плечу, но, благодаря хорошим доспехам, он оставался невредим, хотя тупая ноющая боль чувствовалась у него от полученных ударов... Воеводы Коч, Зыран и Мычкын, следуя за Бурматом, не забывали, однако же, наблюдать за своими людьми, валившими за ними густою нестройною толпою. Ратники сначала бодрились, кидаясь на неприятеля с видом разъяренного медведя, но потом некоторые начали пятиться назад, стараясь вытолкнуть вперед ближайших товарищей, а самим спрятаться за их спинами. Это было замечено Зыраном, который до того рассердился на таких трусов, что бесцеремонно схватил за шиворот одного из них и швырнул прямо в лицо москвитянам, которые моментально изрубили в куски бедного пермяка, павшего искупительной жертвой своего малодушия.

– Всех вас на вражьи мечи перебросаю, ежели пятиться вы станете! – зыкнул Зыран и, подавшись назад, начал следить за ратниками, которые опять приосанились, чувствуя на себе строгие взоры быстрого на расправу воеводы.

А битва кипела и кипела, наполняя окрестности шумом и гамом голосов, стонами раненых и умирающих, лязгом и стуком оружия, мелькавшего над головами сражающихся. Москвитяне рвались вперед, но пермяне стойко держались на месте, подкрепляемые неутомимым Бурматом, бросавшимся всегда туда, где грозила главная опасность.

Потери с обеих сторон были немалые. Раненые и убитые валялись целыми грудами по земле, где их немилосердно топтали ногами, не разбирая, кто свой, кто чужой. Заботиться о бедных страдальцах в разгар боя было некому. Живые думали только о том, как бы более вреда нанести противнику, который, в свою очередь, конечно, думал то же. О раненых же и убитых в те времена вспоминали лишь тогда, когда битва приходила к концу и победитель освобождал поле сражения.

Неизвестно, на чьей стороне оказалась бы победа, если бы на пермян не обрушились отборные латники, подоспевшие снизу на место свалки. Это были сильные рослые люди, с широкими богатырскими плечами, покрытыми тяжелыми доспехами. Оружие у них было под стать внушительной наружности, устрашающей уже одним своим видом. Мечи были длиною чуть не в два аршина, являясь, однако же, легкой игрушкой в руках, которой они вертели как перышком. Копья были такой толщины, что казались настоящими жердями, срубленными нарочно для того, чтоб дать возможность силачам пугать ими своих недругов. Щиты, раскрашенные в яркие цвета, закрывали витязей от колен до плеч, усиливая их неуязвимость, обусловленную стальными шеломами и панцирями.

– Москва! Москва! – заревели латники дикими, страшными голосами и ринулись на озадаченных пермян, не ожидавших нападения таких великанов.

Бурмат сразу сообразил, что не справиться им будет с подобными богатырями, подготовленными, вероятно, для решительного удара. Сердце в нем дрогнуло и упало, лишив твердости его сильную, но уже уставшую руку. Он оглянулся на своих ратников и хотел крикнуть что-то задорное, ободряющее, но в эту минуту здоровенный московский витязь, изловчившись, нанес ему такой сильный удар по голове, что шлем его разлетелся на несколько частей – и храбрый покчинский воевода без чувств повалился наземь, оглушенный полученным ударом...

Москвитяне издали радостное восклицание: этот человек причинил им столько вреда, что они разорвали бы его в клочки со злости, если бы в эту минуту к месту битвы не подъехал сам Пестрый, проникший в городок по пролому в частоколе, нарочно проделанному для того, чтобы он мог въехать на лошади.

– Не трогать его! Не трогать, не трогать! – закричал Пестрый строгим голосом, останавливая своих ратников, готовых изрубить в куски упавшего Бурмата. – Кажись, это князь ихний либо воевода главный, а таких нам живьем брать стараться надо. Да и стыдно вам сраженного врага добивать!

– Шибко уж прыток он был! Просто спасенья от него не было!.. Сколько душ христианских сгубил! Туда бы и дорога ему, псу пермянскому!.. – ругались воины, но не смели противоречить большому воеводе и поспешно оттащили раненого в сторону, где и оставили его под присмотром двух

караульных.

– Дружнее, ребяташки, дружнее! Поработайте во славу Божию! Потрудитесь страну сию повергнуть к ногам князя-государя великого Ивана свет Васильевича! – выкрикивал Пестрый, обращаясь к своим воинам, обрушившимся на толпы пермян железною лавиною. – Вот так! Вот так! Гнутся, уж гнутся враги! Принатужьтесь, постарайтесь, ребяташки!..

– Москва! Москва! – ревели ратники и косили пермян, как солому, пользуясь расстройством в их рядах, происшедшим после падения покчинского воеводы...

Через полчаса все было кончено. Князь Мате был убит, воеводы Коч, Мычкын и Зыран получили тяжелые ранения и очутились в руках неприятеля. Ратники, кто успели, бежали из городка, скрывшись в окрестных лесах, большинство же оставшихся в живых сдались на милость победителя, вполне справедливо рассуждая, что лучше подчиниться Москве, чем умирать без всякой пользы для себя и для родины.

– А теперь службу служите, молебен пойте Господу Богу! Возблагодарим Его, Всещедрого, за милость Его к нам, недостойным, возблагодарим Его за победу сию над врагом! – сказал Пестрый, обращаясь к попам и монахам, находящимся при нем, и те тотчас же исполнили его желание – громкие слова молитвенных песнопений зазвучали в тихом воздухе, еще столь недавно полном бранного шума и звона оружия сражающихся.

XIX

Неприступная твердыня Верхней Перми пала.

Русские одержали победу, разбив наголову пятитысячное войско пермян, причинившее, впрочем, немало урона нападающим, не ожидавшим такой стойкости от «лесных людей».

– Ну, братцы, – толковали московские воины, – здорово же нам от них досталось. Просто ведь как звери лезли, на-скакивали со своими рогатинами, только знай увертывайся от них. А на болоте перед тем все они труса праздновали, все стрекача задавали. А тут – на тебе, милости просим! Откуда и прыть у них взялась, просто уму непостижимо!..

– А это, надо полагать, воеводы ихние подгоняли их, особенно тот поганец, который впереди их шел. Ну, и молодец же он драться, нечего хаять его! Нам даже завидно стало, как он с мечом управлялся!

– Ладно еще, росляки наши в пору подросли, налетели на них как снег на голову. А не то, пожалуй, того... не пришлось бы нам скоро победу праздновать. А росляки дело известное: раскатали всех живым духом... ну, и победа наша стала! Спасибо рослякам-молодцам!

– Вестимо.

Росляками в московском войске прозвали сотню отборных силачей-ратников, отличавшихся громадным ростом, благодаря чему они производили впечатление настоящих ве-

ликанов. Этих «росляков» Пестрый и пустил на пермян, когда они бились с противником в стенах Изкара. «Росляки» сразу же свалили с ног воеводу Бурмата, после чего защитники городка потеряли всю свою бодрость и частью сдались в плен, частью же бежали кто куда мог, не полагаясь на великодушие победителя.

Пестрый прослушал молебен и поехал осматривать городок, понравившийся ему своим расположением. Тут ему пришлось увидеть картину начинавшегося грабежа, произведенного группой пронырливых ратников, проникнувших в дом князя Мате, откуда они стянули несколько десятков дорогих пушных шкурок, являвшихся в Москве редкостным, многоценным товаром.

– Что вы делаете? – прикрикнул он на провинившихся воинов, хотевших было прошмыгнуть в какую-то лазейку, но попавших на глаза Пестрому со своей добычей. – Откуда вы достали сии шкурки? И почему от меня улепетнуть хотели, а?

Воины угрюмо молчали, потупив глаза. Пестрый опять спросил:

– Откуда вы стянули эти шкурки, а? Кто вам позволил пермян обижать? Да разве вы на то сюда пришли, чтоб грабительствовать?

– Грех попутал, князь-воевода милостивый, – буркнул один из воинов, видя, что нельзя отвертеться от строгого боярина. – Прости уж, не будет того больше. Вот тебе крест

честной!

И он широко перекрестился, повернувшись лицом на восток. Остальные последовали его примеру, сказав в один голос:

– Прости, уж не будет того больше... Ни-ни-ни. Никогда.

– Ладно, поверю я вам, – снисходительно промолвил Пестрый. – Первая вина прощается, пословица гласит. Не хочу я ради победы сегодняшней наказывать вас. Только уж попомните слово мое твердое, на носу зарубите его крепко-накрепко: грабителей терпеть я не стану! Грабитель, си-речь тать ночной, недостоин быть воином государя православного. И чуть я замечу кого в деянии таком непохвальном, какое вот сейчас вы учинили, не пощажу я человека подобного, батогами бить его прикажу либо предам его казни лютой без всякой пощады, без жалости! У меня расправа коротка будет. Слышите вы, что я говорю?

– Слышим, князь-воевода.

– Так вот, унесите эти шкурки туда, откуда вы взяли их, а сами на свое место подите. А ты, Травник, – обратился он к одному из начальных людей, составлявших его свиту, – догляди за ними, чтоб исполнили они приказ мой неукоснительно.

Травник остался на месте, а большой воевода проехал дальше, на ходу поучая своих подчиненных, что стыдно и грешно обижать побежденного врага, лишенного возможности противиться насилию.

– Вестимо, не по-христиански это выйдет – пермян забивать! Это уж чего говорить! – поддакивали сотники и отрядные начальники, но в глубине души негодовали на Пестрого, требовавшего от них такого благородства, которое разве только ангелу было впору.

Изкарцы с трепетом ждали, что москвитяне начнут неистовствовать, чтобы вознаградить себя за те потери, которые они понесли при взятии городка. Женщины и дети не показывались на глаза победителям, попрятавшись в укромных уголках, где их не сразу можно было найти. Пленники-пермяне полагали, что плохо им придется от недругов, державших их судьбу в своих руках... Но русские не совершали ничего непозволительного, ограничившись расстановкой часовых на городских валах, почти не поврежденных во время приступа. Скромность их была поразительная. Это было тем более удивительно, что о москвитянах носились страшные слухи как о палачах и убийцах безоружного населения, зачастую поголовно вырезаемого ими во вражьей земле.

– Скоро ли кураж у них начнет? – перешептывались пленники, тоскливо поглядывая на торжествующего неприятеля. – Скоро ли?..

Но наутро все объяснилось, положительно ошеломив жителей неожиданной радостью, свалившейся на них как снег на голову.

Радость была действительно неожиданная.

Все думали, что упоенные победой москвитяне произведе-

дут в Изкаре такой дебош и грабеж, что небу будет жарко. Все ждали всяких бед и напастей, а тут вдруг – милостивые слова московского воеводы, который приказал собраться всем пермянам на площадь перед церковью и сказал им такую краткую, но сильную речь:

– Послушайте меня, люди пермские. Государь мой, великий князь московский, повелел нам покорить вашу страну под руку высокую его. Вестимо, противились вы нам, насколько у вас сил на то хватало. Но Бог даровал нам победу. Теперь вы в наших руках. А посему объявляю я вам, люди пермские: отныне Пермь Великая соединяется с державою московскою, отныне и вы от мала до велика, мужеск пол и женский, считаетесь подданными государя московского, сиречь князя великого Ивана свет Васильевича. А как вы теперича подданные московского государя, то и живите вы по укладу московскому: Бога бойтесь, князя великого чтите, власти предержавшей слушайтесь – и все у вас как по маслу пойдет. А животы ваши, и дома, и скот, и худобышка ваша всяческая – все это останется при вас, как было. Никто вас обижать не смеет. А ежели вас тронет злой человек, ну, хоть ратника моего, к примеру, взять, можно вам управу искать на него, ибо для закона все равны, кто только ни живет под рукою великого князя!..

Пермяне слушали и молчали, стараясь не пропустить ни одного слова из воеводской речи, переводимой для них с русского на местный язык монахом-зырянником, улыбавшимся

доброю, приветливою улыбкою. Все поняли, что погрома в Изкаре не будет, а это составляло такое громадное счастье для жителей, что многие совершенно забыли в эти минуты о присоединении своей страны к Московскому государству, к которому еще столь недавно они пылали самую свирепую ненавистью.

А Пестрый сообщил еще о том, что в обычае великого князя жаловать своею милостью верных подданных, какими, конечно, будут и пермяне, что скоро вся Великая Пермь поцелует крест на верность новому государю, и, похвалив раненых воевод Бурмана, Коча, Мычкына и Зырана, стоявших тут же в толпе, за геройство, удалился в свой походный шатер, раскинутый на середине городской площади.

Настроение пермян было восторженное. Доброта московского военачальника растрогала всех до глубины души. Вдобавок Пестрый был настолько умен и тактичен, что не коснулся на первых порах вопроса о христианской вере, предоставив это попам и монахам, которых он, конечно, решил поддерживать впоследствии, когда в том представится необходимость.

К тому же вдаваться в духовные дела большому воеводе было даже и некогда. В Изкаре нельзя было засиживаться, потому что оставалось еще два городка – Покча и Чердын, которые следовало взять во что бы то ни стало. Конечно, туда послан был Нелидов. Он уже овладел Уросом, о чем Пестрому была доставлена весточка, чрезвычайно обрадовавшая

его. Но в Покче, быть может, придется столкнуться с самим князем Микалом, ускользнувшим из Изкара, а это обеспокоивало боярина не на шутку, хотя уже было видно, что песенка Перми Великой спета.

– А все же береженого Бог бережет! Надо нам к Нелидову на помощь спешить! – решил князь Федор Давыдович и, дав суточный отдых войску, выступил из Изкара, оставив в нем пятьсот человек для охраны городка и пленных.

Весело шли москвитяне по пермским лесам, глухо шумевшим своими вершинами, далеко уходившими в небо. Настроение у всех было бодрое, оживленное. Положим, Изкар им дался не даром: много товарищей потеряли они под его валами, много пота и крови пролилось тут во время битвы, но зато пермским князьям был нанесен такой удар, от которого они вряд ли могли поправиться. А с потерей товарищей ратники привыкли мириться. Только одно огорчало храбрых воинов, – это запрещение грабить жителей, что они считали своим правом. Но с Пестрым шутить было нельзя – и охотники до чужого добра ограничивались тяжелыми вздохами, втихомолку вспоминая князя Руно, при котором все было можно...

В Уросе, мимо которого пришлось проходить, Пестрый увидел одни развалины и кучи дымящегося пепла, раздуваемого порывами налетавшего ветерка. Избы были все сожжены, обгорела и деревянная церковь, стоявшая посередине городка. Крест с нее почему-то был сбит и валялся тут же,

поблизости. На валах, полуразрушенных Нелидовым, виднелось множество неубранных трупов жителей, среди которых можно было заметить женщин и детей. Ни одной живой души не было видно кругом. Только где-то жалобно выла собака, вероятно оплакивавшая своих хозяев, умерщвленных беспощадным врагом.

На лице Пестрого выразилось негодование. Этого он не ожидал. К чему такая бессмысленная жестокость, не имеющая никакого оправдания?.. Ему стало досадно и больно за своего «товарища» Нелидова, уподобившегося зверю-татарину. С губ его сорвался тяжелый вздох.

– Ах, Гаврила, Гаврила!.. – покачал он головой и быстро проехал мимо Уроса, преданного вихрю истребления.

А воины с завистью поглядывали на следы произведенного разгрома, живо представляя, какое раздолье здесь было, когда Нелидов позволил ратникам «погулять» во взятом городке сколько их душеньке было угодно...

– Молодец Нелидов-боярин! – слышались одобрительные голоса. – Не ухаживает за лесными людьми, как матка за своими дитеньшами! А у нас Пестрый-князь, ради правды своей, кажись, уж через край хватил! Не дает нам душу отвести! А уж мы ли для него не стараемся?..

– Нишкните вы! Чего горло дерете!.. – осаживали говорунув начальныи головы, боявшиеся, что подобные слова могут долететь до слуха большого воеводы, который, конечно, не похвалил бы за это. – Привыкли вы с врага по две шкуры

драть. А здесь-то не выходит. Ну, и потерпите малость. Будет и на вашей улице праздник...

– Жди еще этого праздника! Когда-то он будет!.. – ворчали ратники, но, конечно, этим ворчаньем и ограничивались, не смея заявлять Пестрому о своем недовольстве, возникавшем по причине мягкого обращения главного военачальника с побежденным врагом...

XX

Опасения князя Федора Давыдовича за дальнейшую участь отряда Нелидова оказались напрасными. Нелидов умел постоять за себя на поле брани, хотя в то же время он не препятствовал воинам грабить, пропуская мимо ушей добродетельные наставления большого воеводы. На дороге Пестрому повстречался гонец, скакавший к нему с донесением о взятии Нелидовым Покчи, оказавшей довольно упорное сопротивление. При этом был пленен главный пермский князь Микал, или Михаил, не успевший даже проникнуть в свою резиденцию, которую уже брали приступом москвитяне. С ним были захвачены все триста ратников, уведенных им из Изкара для спасения Нижней Перми.

– Ну, слава Тебе, Господи! – перекрестился Пестрый. – Теперь только Чердын остается. А Чердыну одному не устоять против нас. А что, братец, – обратился он к гонцу, – не гуляют ли опять молодцы наши в Покче, как они в Уросе гуляли, а?

– Не позволил боярин Гаврила Иваныч Покчу разорять, – отвечал гонец, – ибо князь Микал ему слово такое сказал... пригрозил тебе пожаловаться, что ли, а не то и государю московскому. Ну, и не разрешил боярин Гаврила Иваныч.

– Ну, то-то же, – сделал строгое лицо Пестрый и с облегченным сердцем поехал дальше, почувствовав глубокую бла-

годарность к своему «товарищу», забравшему два городка и поступившему в Покче по его завету.

На переход от Иззара до Покчи потребовалось не менее двух суток, в течение которых московскому войску пришлось еще натолкнуться на Малый Новгород – то самое небольшое поселение новгородских выходцев, окруженное со всех сторон высоким частоколом и рвом. Тут Пестрый был встречен жителями с хлебом-солью, ласково поговорил с поселенцами и, пожуриив стариков за то, что они позволили молодежи примкнуть к партии Арбузьева, проехал дальше, запретив воинам трогать русский городок.

В Покче князь Федор Давыдович был торжественно встречен боярином Нелидовым, оказавшим ему знаки глубокого почтения. Нелидов расположился во взятом городке с полным удобством, заняв для себя княжеский дом, где было приготовлено помещение для большого воеводы. Ратники с веселыми песнями расхаживали по городку, но обид никому не делали, повинувась приказу свыше, отданному им в самом решительном виде.

Пестрый похвалил Нелидова за блестящее выполнение данного ему поручения, но не утерпел, чтобы не выговорить ему за зверскую расправу в Уросе, где рассвирепевшие воины дали простор своей злобе. Нелидов возразил на это, что даже женщины и дети бросали в них камнями и палками, так что пришлось поневоле «поукротить их». А без острастки, по его мнению, обойтись было нельзя никак...

– Ну, ладно, ладно! – махнул рукой большой воевода. – Что стало, не воротишь того. А вот покажи-ка мне князя здешнего, коего ты в полон забрал. Охота поглядеть на него. Говорят, человек он умный весьма, ежели люди не врут.

– Кажись, не дурак этот князь, с первого взгляда его видно! Со мною так щепетко толковал! – поморщился Нелидов и приказал привести Микала, содержавшегося под стражей в своем доме.

Микал был погружен в свои невеселые думы о совершившемся несчастье, когда его позвали к главному московскому воеводе, пожелавшему взглянуть на важного пленника.

– Здравствуй, князь! – приветствовал его Пестрый, делая вид, что приподнимается с места при его входе. – Кажись, ты по-нашему гуторить умеешь, правда это?

– Здравствуй, воевода! – отвечал Микал по-русски же, останавливаясь у самых дверей. – Правда, по-вашему я смыслю порядочно, – прибавил он, удивив Пестрого чистотю своего выговора.

– Ну, так садись, князь Михаил, побеседуем с тобой кое о чем, – предложил Федор Давыдович и указал на широкую скамью, стоявшую по ту сторону стола, у которого он сидел.

Микал покрутил головой.

– Могу ли я сесть при именитом боярине московском, я – бедный пленник... поруганный, лишенный своей чести...

– Чести тебя никто не лишал! – возразил большой воевода, поглядев прямо в лицо покчинскому владельцу. – Ты

только полоняник наш. С тобой мы должны как с князем обходиться, ибо только государь наш может тебя чести лишить... либо еще возвеличить тебя превыше того, чем ты был до сих пор! Садись, князь Михаил! – повторил Пестрый, и нетерпеливая нотка послышалась в его голосе.

Микал с тяжелым вздохом сел, смущенно пощипывая свою бородку. Пестрый заговорил снова:

– Нелегко тебе, князь, вижу я. Не смог ты от нас оградиться, подпала Пермь Великая под славную державу Московскую. Но в том еще нет большой беды. Может, к добру это для вас, для пермян...

– Может, к добру – не знаю.

– Главное, уклад у нас крепкий... московский, одним словом! И вера православная у нас стоит-светится как свеча перед престолом Господним! А у вас как дела идут насчет веры христианской?

– Ничего, молимся мы Богу, как учили нас, в церковь ходим, попов слушаемся, иконам святым поклоняемся – все, как следует быть! – промолвил Микал, дипломатично умалчивая о всеобщем шатании умов в народе, потерявшем доверие к своим наставникам, ставившим выше всего собственное довольство и благополучие.

– А ты каково веруешь? – внезапно спросил Пестрый и зорко поглядел на своего собеседника.

Тот даже глазом не моргнул.

– Верую я в Бога Живого, Господа Иисуса Христа, Он же

всегда был, есть и будет во веки веков, аминь!

– Правильно! – кивнул головой набожный боярин. – Христианин ты добрый, кажись. А нам на Москве насказали, будто все пермяне, от князя до последнего смерда, на идолов своих прежних глядеть начинают!..

– Мало ли чего не наскажут злые люди. Не всякому слуху верить можно.

– Видимо, так оно выходит.

Разговор большого воеводы с князем Микалом затянулся на несколько часов. Пестрый положительно полюбил за это время покчинского владетеля, сумевшего понравиться ему своими умными, дельными речами, дышавшими правдой и искренностью. Когда же Микал сообщил ему, что жена и сын его томятся в подземном тайнике, не смея выйти оттуда наружу из опасения получить обиды от москвитян, Пестрый тотчас же распорядился вывести княжеское семейство на вольный воздух, где оно могло бы поселиться в собственном доме и жить без всякой опаски за свою участь.

– А как же мы с Чердыном будем? Ведь в Чердыне, говоришь ты, дядя твой сидит? – осторожно осведомился большой воевода, не зная, как приступить к этому щекотливому вопросу.

Микал просто сказал:

– Чердын я сам в твои руки отдам. Только позволь мне туда ехать... с твоими же ратниками, вестимо...

– Это ты ладно придумал! – весело воскликнул Пестрый. –

Право, ладно! Пожалуй, без крови обойдется... если только дядя послушает тебя...

Микал был неглупый человек. Он понял теперь страшное могущество Москвы и находил невозможным дальнейшее сопротивление, потерявшее всякий смысл после взятия москвитянами трех укрепленных городков и после разгрома ими пятитысячной пермской рати. Передачей Чердына из рук в руки врагу он думал заслужить особенное благоволение большого воеводы, который, наверное, не оставил бы его в будущем, когда слово такого влиятельного вельможи, как Пестрый, могло иметь громадное значение при дворе московского государя...

В Чердыне сначала не поняли, в чем дело, и принялись стрелять в москвитян, не позволяя им приблизиться к городским валам, похожим по своей крутизне на укрепления Изкара. Но Микал выступил вперед смелою и быстрою походкою и громко прокричал защитникам, чтобы они отворяли ворота, ибо он, князь Микал, приказывает это.

На валах заметались человеческие фигуры. Смятение и ужас исходили от них. Доносился гул голосов, кричавших что-то тревожное, непонятное. Над воротами показался какой-то человек и завопил яростным голосом, потрясая кулаками по направлению к москвитянам:

– Прочь! Уходите прочь, проклятые! Не сдадимся мы вам доброю волей! Не послушаемся Микала-изменника!.. Постоим мы за город свой во славу великого Войпеля!..

– Это Ладмер, дядя мой, – сообщил Микал начальнику московского отряда. – Не знаю, как уговорить его. Старик он упрямый весьма.

– Ха! – усмехнулся отрядный начальник. – И не таких стариков мы уговаривали. Подойди-ка сюда, Кубарь, – подозвал он ближайшего воина и шепнул ему на ухо несколько слов. Тот молча кивнул головой и, подбежав к городским воротам на возможно близкое расстояние, натянул лук и пустил стрелу, направленную в строптивного старика.

Микал торопливо воскликнул:

– Постойте, зачем вы убиваете его?..

Но стрела уже сделала свое дело. Воин был хороший стрелок. Ладмер издал жалобный стон и свалился с ворот на наружную сторону вала, нелепо взмахнув руками в воздухе...

– Сдаемся, сдаемся! – донеслись голоса чердынцев, убедившихся в бесполезности сопротивления, и скоро московский отряд был уже внутри городка, завершившего сдачей покорение Перми Великой войсками Иоанна III.

Заключение

Князь Федор Давыдович Пестрый не почил на лаврах, покорив пермскую страну. Следовало еще привести к присяге весь народ, принадлежавший теперь московскому великому князю безраздельно. Надо было составить списки жителей для взимания с них ясака, или дымового сбора, поступающего в великокняжескую казну. Приходилось, наконец, оказывать содействие попам и монахам, зачастую обращающимся к нему за помощью, ибо, по словам почтенных отцов, многие люди пермские не признавали в них учителей церкви, коим внимать подобает.

По прошествии же трех недель, когда новая власть окончательно утвердилась в Перми Великой, князь Федор Давыдович выступил в обратный поход на Москву, оставив в городках отряды воинов, достаточные для удержания жителей в повиновении.

Настроение у счастливого завоевателя было веселое, радостное. Успех увенчал труды, возложенные на него великим князем. Пермские потерпели немалый урон за свою строптивость, проявленную ими по отношению к московским купцам (хотя купцы были сами виноваты во всем, это он теперь знал несомненно). С покоренными обошелся великодушно и милостиво, что особенно радовало его доброе сердце. Кроме того, он вез с собой князя Микала и воевод:

Бурмата, Коча, Мычкына и Зырана, которые должны были завершить его торжество в глазах государя...

В Москве князя Пестрого ожидал торжественный прием, сделанный ему довольным государем. Тут Пестрый представил великому князю пленного пермского владетеля Михаила с четырьмя воеводами, ошеломленными увиденною роскошью, окружавшею их со всех сторон. Во дворце они совсем растерялись: везде блестело золото, серебро, драгоценные камни; на полу лежали дорогие ковры, в которых нога утопала; потолки и стены были расписаны диковинными узорами, придававшими палатам веселый и живописный вид. По палатам важно проходили князя, бояре и окольные, преисполненные сознания своего собственного достоинства. Промеж них, как мыши, сновали юркие придворные служители, вечно торопившиеся куда-то, иногда даже сами не зная куда. Кое-где торчали неподвижные фигуры рынд с серебряными топориками на плечах... Но еще большую робость почувствовали невольные пермские гости, когда их поставили лицом к лицу с грозным повелителем державы Московской. Это было страшное мгновение. Что скажет им могучий властитель, против которого они дерзнули поднять руку, защищая свою свободу и родину? Не прикажет ли он казнить их без всякого милосердия, как ослушников своей державной воли?..

Но Иоанн был спокоен и милостив. Лицо его светилось весельем. Он ласково кивнул головой на приветствия плен-

ников и, обращаясь к Микалу, сказал:

– О тебе мне ведомо многое от Пестрого-князя. Умеешь ты народом править, умеешь и за себя постоять, когда требуется. А это мне нравится в других людях. И еще к вере Христовой ты привержен, а этим ты владыку-митрополита тронул... А посему слушай, князь Михаил, не хочу я лишать тебя наследия отчего, сиречь Перми твоей Великой. Бог с тобой. Управляй народом своим, как правил раньше, только слушайся во всем указов моих да не отпирайся от дани положенной. А буде перечить ты начнешь мне, тогда уж не пеняй на меня, князь Михаил! Сумею я заставить держать грозно имя мое!

– Никогда, государь, не будет того, чтоб восстал я на господина своего! – низко-низко поклонился Микал, обрадованный необычайным великодушием великого князя. – А за милость твою челом тебе быю! Твой я раб, государь, отныне на веки вечные!

И он стукнул лбом о пол, позабыв в эти минуты, что он такой же князь владетельный, как и московский государь, только злая судьба лишила его свободы и силы.

А счастливый своим могуществом Иван Васильевич улыбался довольною улыбкою, хваля Микала за покорность, проявленную им в таком ярком виде.

– А теперича прими, государь княже великий, подарки от страны пермской! – выступил вперед Пестрый, и по знаку его были внесены в приемную палату шестнадцать сороков со-

болей, драгоценная шуба соболя, двадцать девять поставов немецкого сукна, три панциря, шлем и две булатные сабли.

Великий князь принял эти подарки, поблагодарил Пестрого за понесенные труды по приобретению Прикамского края, вручил ему писаную грамоту на владение тремя новыми вотчинами, пожалованными ему за верную службу, и удалился во внутренние покои, повелев довольствоваться пермских гостей за время их жизни в Москве от своего стола.

Москвитяне, оставленные Пестрым в Великой Перми, круто изменили обращение с жителями, едва только «справедливый паче меры» большой воевода вернулся в Москву, сочтя свою задачу исполненной. Начальники отрядов, сотники, начальные головы, простые воины, а вместе с ними разные приказные, приданные к войску для сбора ясака среди населения, начали давить пермян всякими способами, открыто обижали их, забирали более ценное имущество, насиловали девушек и женщин, так что стон пошел по реке Колве, и омочилась потоками слез страна пермская!..

Но Микал предъявил старшим из московских начальников письменный указ великого князя о возобновлении правлением Пермью Великою – и озорство хищников точно рукой сняло! Они не ожидали ничего подобного и раболепно приветствовали приехавшего владельца, сумевшего войти в милость к грозному государю Ивану Васильевичу. А это уж что-нибудь да значило!

Более десяти лет еще правил Микал Пермью Великою в

качестве московского присяжника.

Сын его, Матвей, после смерти отца наследовал ему с соизволения московского великого князя, но едва Иван Васильевич умер в 1505 году, как новый великий князь Василий Иванович низложил Матвея и заменил его своим наместником, которым был назначен князь Василий Андреевич Ковер.

В последующие годы судьба Перми Великой менялась и в худую, и в добрую сторону, смотря по тому, каков был московский наместник – худой или добрый, – но никогда пермские люди не пытались избавиться от московского покровительства, сохраняя верность русским государям.

Это было тем более естественно, что с течением времени завоеванный край наполнялся московскими и новгородскими выходцами, искавшими себе привольных мест для житья. При этом пермяне и зыряне, смешиваясь с новоселами, усваивали их язык, нравы и обычаи, так что через двести с небольшим лет пермяцкие города Чердын, Покча и Изкар сделались русскими поселениями, глядевшими на себя как на частицу нераздельного Московского государства.